



ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 6, 2022

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2022

Главный редактор

*Сулов
Андрей Борисович* доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Шустова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Белавин
Андрей Михайлович* доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забияко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Подюков Иван Алексеевич</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)



ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

№ 6, 2022

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Suslov Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Borisovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Shustova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryantovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

- Ivashkevich
Irina Nikolaevna* Ph.D. (Philology), Associate Professor
(Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Podyukov
Ivan Alekseevich* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinniso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 7–21.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 6. P. 7-21.

Научная статья
УДК 94 (470) «1991-2020»
doi: 10.24412/2713-0231-2022-6-7-21

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Андрей Борисович Суслов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
absuslov@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется проблематика российской внешней политики 1991–2020 гг. в современных школьных учебниках отечественной истории. Актуальность исследуемой проблемы определяется в первую очередь значимостью учебников истории для конструирования политики памяти. При этом обращается внимание на недостаточное освещение в современной историографии преобразований 2000-х гг. – важного периода исторического развития. Представление в учебниках истории России постсоветского тридцатилетия анализируется в сравнении с экспертными оценками экономистов, социологов и политологов. Автор приходит к выводу, что российская внешняя политика последних тридцати лет на страницах современных официально одобренных учебников предстает как непротиворечивая реализация продуманного курса политических руководителей, последовательно ведущая страну к обретению утраченного ранее международного влияния и восстановлению державной мощи. Если в отношении истории 1990-х гг. позиции авторских коллективов могут различаться, то в отображении двух последних десятилетий трактовки совпадают. Отсутствие методологических ориентиров ограничивает возможности осмысления учащимися исторических процессов. В целом, история внешней политики современной России в исследуемых учебниках лишь в малой степени отражает цели исторической науки, в большей степени соответствует целям исторической политики.

Ключевые слова: учебник истории, современная история России, внешняя политика, реформы, политика памяти, историческая политика.

Для цитирования: Суслов А.Б. Внешняя политика современной России в школьных учебниках истории // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 7–21.
<https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-7-21>

Original article

FOREIGN POLICY OF CONTEMPORARY RUSSIA IN HISTORY TEXTBOOKS FOR SCHOOLSTUDENTS

Andrei B. Suslov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, absuslov@gmail.com

Abstract. The article analyzes the problems of Russian foreign policy in 1991-2020 in new schoolbooks for students. The relevance of the problem under study is determined primarily by the importance of history textbooks for constructing memory policies. At the same time, attention is paid to insufficient coverage of the 2000s transformations in modern historiography. The representation of the last thirty years in Russian history textbooks is analyzed in comparison with expert assessments of economists,

sociologists, and political scientists. The author concludes that Russian history of the last thirty years appears on the pages of officially approved textbooks as a consistently leading the country to gaining previously lost international influence and restoring sovereign power. If, in relation to the history of the 1990s, the positions of groups of authors may differ, then in the display of the last two decades, the interpretations coincide. The lack of methodological approaches limits students' ability to comprehend historical processes. In general, the history of the foreign policy of contemporary Russia in the studied textbooks only to a small extent reflects the goals of historical science, and to a greater extent corresponds to the goals of historical politics.

Keywords: history textbook, contemporary history of Russia, foreign policy, reforms, historical memory policy.

For citation: Suslov A.B. Foreign policy of contemporary Russia in history textbooks for schoolstudents. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2022;6:7-21. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-7-21>

Введение

Роль учебников истории для формирования исторической памяти чрезвычайно важна. На это указывают многие ученые [Вяземский 2011; Вязовик 2014; Мазур 2013; Сафронова 2019]. «Создание историографической ортодоксии является одной из важнейших форм исторической политики. Она распространяется не только на академические исследования в области истории, но на школьное и университетское образование, деятельность СМИ, научно-популярную и художественную литературу, искусство – словом, на все, что может повлиять на сознание граждан», – утверждает В. Молодяков [Молодяков 2011: 19]. Участие Президента В.В. Путина, патриарха Кирилла и других официальных лиц в дискуссиях о учебниках истории подтверждает злободневность проблемы.

Не может не настораживать стремление унифицировать преподавание истории в школе, что проявляется и в сокращении количества альтернативных учебников, и в более радикальных стремлениях к единому учебнику с «правильными» трактовками, и в сентенциях должностных лиц. В 2020 г. к этому добавляется нормативное закрепление «правильной версии истории». К ней отсылает внесенная особой поправкой статья 67.1 Конституции РФ: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Одновременно разворачивается правоохранительная институционализация «правильной» истории. В сентябре 2020 г. в Следственном комитете РФ создано специальное подразделение по расследованию преступлений, связанных с фальсификацией истории Отечества и реабилитацией нацизма. Как сказал в своем интервью «РИА Новости» (22 марта 2021 г.) председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин, «Кроме расследования преступлений новое подразделение выполняет роль координационного центра, оказывая методико-аналитическую помощь региональным следственным органам в расследовании таких уголовных дел» [Интервью].

А.И. Миллер считает учебники истории центральной темой политики памяти последних лет [Миллер 2014: 49]. Вслед за А.И. Миллером и рядом других историков, мы будем рассматривать поставленную проблему в ракурсе политики памяти, под которой подразумевается вся совокупность публичных стратегий в отношении прошлого, в том числе, преподавание истории. Историческая политика, понимаемая как политически мотивированное моделирование истории для общества, предстает как одна из составляющих политики памяти. Особое место в учебниках, освещающих события современной истории России, занимает внешнеполитическая проблематика. Нельзя не заметить, что историки пока оставили очень мало трудов, посвященных постсоветскому этапу исторического развития нашей страны. Очевидно, что многих смущает близость исторической дистанции. Большая часть опубликованных работ подготовлена экономистами, политологами и социологами. Содержание публикаций показывает, что ученые, во всяком случае, большая их часть, не стесняются высказывать свое мнение. И эти оценки могут совпадать с позицией официальных лиц, растиражированной СМИ, а могут серьезно отличаться от них. К

сожалению, отражение преобразований последних лет в учебниках истории редко становится предметом научного анализа. Тем более, интересно исследование Е. Левинтовой и Д. Баттерфилда, проанализировавших более 15 наиболее популярных учебников по новейшей истории России, изданных в 1998-2008 гг. и в то время вошедших в федеральные комплекты, рекомендованные Министерством образования РФ. Авторы обращают внимание на то, что «с начала XXI в. в России происходит очень осмысленный процесс формирования исторических трактовок на государственном уровне» и это находит отражение в учебниках [Баттерфилд, Левинтова 2010].

Примерно то же констатирует Т. Филиппова: «Если 1990-е отличались в этом смысле выраженной политизацией истории, стремлением противоборствующих сил «приватизировать» прошлое с меру собственных задач, то второе постсоветское десятилетие было отмечено курсом на историзацию политики, желанием придать историческое измерение новому курсу власти на «собрание» России, державостроительство и формирование позитивной идентичности российской нации» [Филиппова 2011: 36]. Поскольку вопросы интерпретации социально-экономического и политического развития страны в постсоветское время в современных учебниках по истории России анализировались нами ранее [Сулов, Шуйская 2020; 2021], остановимся на рассмотрении внешнеполитических аспектов проблемы.

Основная часть

Последнее тридцатилетие рассматривается в учебниках по истории России для 10 класса, а также в учебниках «История», где история России представлена в контексте мировой истории. Анализировались учебники, официально одобренные министерством образования Российской Федерации для преподавания отечественной истории в 10-х классах, подготовлены разными авторскими коллективами: под редакцией А.В. Торкунова [История России 2020], под редакцией С.П. Карпова [Никонов, Девятов 2019] и под редакцией В.Р. Мединского [Шубин 2021]¹. Кроме того, в федеральном перечне 2019 г. имеется учебник «История» А.Н. Сахарова, Н.В. Загладина, Ю.А. Петрова, обобщающий основные события не только мировой и российской истории [Сахаров, Загладин, Петров 2019].

Наиболее пристальное внимание уделялось как авторским интерпретациям описываемых событий и процессов, так и авторским умолчаниям о том, что могло бы существенно изменить представленную картину эпохи. Кроме того, изучая, как преобразования последних тридцати лет преподносятся учащимся, важно обратить внимание на оценки научного сообщества. Внимание обращалось как на мнения либерально настроенных ученых (Л. Шевцова [Шевцова 2010]), так и «государственников» (Д.В. Тренин [Тренин 2021], авторы коллективной монографии «Внешняя политика России» [Внешняя политика России 2017] и др.).

Внешняя политика России в 1990-е гг. имеет некоторые отличия в интерпретации в разных учебниках. В учебнике под редакцией А.В. Торкунова внешняя политика предстает в геополитическом измерении. Авторы постарались представить внешнеполитические изменения как «новые угрозы»: «вместо прежнего «пояса безопасности» из дружественных и союзных стран», «к власти в ряде соседних стран Восточной Европы, а также постсоветских государствах (Эстонии, Латвии, Литве и др.) пришли политики-националисты, враждебно настроенные к России и русскоязычному населению собственных стран» [История России 2020: 70], сократилась численность армии, разрушена система ПВО, перестал существовать единый ВПК, «к концу 1990-х гг. только европейские страны НАТО превосходили Россию по военным расходам в 20 раз». Безапелляционно утверждается, что Россия оказалась в международной изоляции [История России 2020: 71].

¹ Учебник «История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс», написанный авторским коллективом Шубин А.В., Мягков М.Ю., Никифоров Ю.А., Гаспарян А.С., Гагкуев Р.Г., Пахалюк К.А., Пазин Р.В., в Федеральном перечне значится «под общей редакцией Мединского В.Р.», однако в издании 2021 г. имя Мединского отсутствует.

На фоне заявлений о нормализации международной обстановки, о таких важных событиях, как подписание договора СНВ-2, присоединение России к программе НАТО «Партнерство во имя мира», включение России в «Большую семерку», которая стала «восьмеркой», курс на партнерство с западными странами, по существу, квалифицируется как ошибочный: «политика, построенная на уступчивости и готовности к компромиссам, подчас воспринималась на Западе, да и в самой России, как признак слабости». Виновными в ухудшении отношений между Россией и Западом объявляются «некоторые международные организации», которые «пытались выступить посредниками в урегулировании чеченской проблемы». Переломной точкой в развитии отношении России и Запада называется «агрессия НАТО в Югославии» [История России 2020: 72]. Альтернативные точки зрения представляются лишь в риторическом ключе, демонстрируется их ущербность, нелепость, враждебность и т.д. Например, после цитаты министра иностранных дел А.В. Козырева, «выпячивание восточного направления нашей политики... превращает евразийство в азиатчину», утверждается, что такой подход ошибочен [История России 2020: 73].

В учебнике В.А. Никонова, С.В. Девятова внешней политике 1990-х посвящён короткий (всего шесть страниц) одноименный параграф. Авторы отмечают, что «Россия, перестав быть сверхдержавой, уже не могла рассчитывать на ту международную роль, которую играл СССР» [Никонов, Девятов: 153]. Осложнение процесса принятия решений в области внешней политики, исчезновение советской системы международных институтов, несогласованность действий разных институтов власти, недостаточность полномочий министра иностранных дел – такие проблемы сопутствовали внешней политике 1990-х гг. согласно позиции авторов. Общая задача предстает как построение новой системы взамен старой, что достигалось методом проб и ошибок. Для авторов это естественный процесс, а не происки каких-либо врагов. Суть «доктрины Примакова» описывается через «приоритет российских интересов и отказ от роли «младшего партнера» в отношениях с США и Западом при недопущении обострения отношений», «негативное отношение к расширению НАТО», «многовекторность российской политики», «развитие многополярного мира» [Никонов, Девятов: 155]. Ухудшение отношений с Западом в конце 1990-х гг. авторы объясняют тем, что «Россия изначально заняла крайне жёсткую позицию, осудив агрессию США и стран НАТО против Югославии, что отражало настроения политической элиты и всего общества» [Никонов, Девятов: 156].

В учебнике, написанном А.В. Шубиным и другими авторами, описание внешней политики России в 1990-е гг. стилистически выстраивается как провокация обиды. Например, утверждается: «Распад СССР и добровольный отказ его правопреемницы России от проведения в 1990-х гг. последовательного самостоятельного внешнеполитического курса привели к снижению ее авторитета на международной арене. США и страны Евросоюза стали рассматривать Россию как послушного младшего партнера (а в экономическом отношении – как место приложения капитала, рынок сбыта и сырьевой придаток) и постарались занять ее место на постсоветском пространстве» [Шубин 2021: 402]. Авторы отмечают, что «во время второго срока правления Б.Н. Ельцина более самостоятельной стала внешняя политика России», «Вырос и международный авторитет России. В 1997 г. она вошла в престижный клуб влиятельных государств мира – «большую семерку» (после чего та превратилась в «большую восьмерку»). Россия выступила против *расширения блока НАТО на Восток*, что создавало угрозу нового раздела Европы и военной конфронтации на границе НАТО». Описывая негативную российскую реакцию на вооруженное вмешательство НАТО в югославский конфликт 1999 г., в том числе, на захват аэропорта Приштины российскими десантниками, авторы, вслед за официальными лицами, утверждают, что это «заставило руководителей НАТО пойти на уступки», «В результате этих событий вырос авторитет России в мире и президента России в стране» [Шубин 2021: 380].

Подобные пропагандистские сентенции характерны и для описания югославских событий в учебниках по новейшей истории. Например, на страницах учебника А.В. Шубина

утверждается, что после начала кризиса в Югославии в 1998 г. «страны Запада стали «наводить порядок» без санкции ООН», что «Самолеты НАТО начали бомбить Югославию. Агрессия привела к многочисленным жертвам среди мирных жителей, в том числе албанцев». О какой-либо связи бомбардировок с этническими чистками умалчивается [Шубин 2019: 317–319].

Эксперты-международники, описывая внешнюю политику России в 1990-е гг., обычно концентрируют внимание на первоначальное стремление российской дипломатии выстроить внешнеполитический курс, опираясь на общие с Западом демократические ценности и изменение внешнеполитического вектора во второй половине 90-х. «В российском руководстве преобладало мнение, согласно которому Россия, позиционируя себя в качестве демократического государства, разделяющего общие ценности с Западом, незамедлительно станет не просто равноправным партнером, а союзником США и западноевропейских государств, войдет в НАТО и Европейский союз» [Внешняя политика России 2017: 25], – пишет А.Н. Панов. Далее он констатирует, что «Не оправдались ожидания того, что одним из следствий прозападного курса Москвы станет масштабная помощь Запада реформированию российской экономики» [там же: 33].

Д.В. Тренин концентрированно оценивает российскую внешнеполитическую историю 1990-х гг. следующим образом: «Стремление России после 1991 года превратиться в «нормальную страну» – как Швеция или Швейцария – не увенчалось успехом по очевидным причинам несопоставимости исторического опыта и физических условий. В отличие от Западной Германии и Японии, полностью разгромленных в ходе Второй мировой войны и оккупированных американскими вооруженными силами на протяжении многих десятилетий, Россия не была ни разгромлена противником, ни оккупирована. Ее верхушка не прошла перевоспитание, и ее великодержавный мировоззренческий хребет не был сломлен, как это произошло с германской и японской элитами. Робкая попытка получить видимость автономии в рамках американоцентричного порядка по образцу деголлевской Франции натолкнулась на отказ Запада предоставить России какой-либо особый статус в центре западной системы. Параллельно такая попытка не нашла поддержки у большей части общества и российского политического класса, отвергшей возможность даже номинально признать гегемонию США» [Тренин 2021: 69].

«Отражением этого сдвига стало назначение в начале 1996 года на пост министра иностранных дел вместо западника А.В. Козырева Е.М. Примакова – сторонника многовекторной дипломатии, открыто заговорившего о защите российских национальных интересов», – отмечает В.О. Печатников [Внешняя политика России 2017: 257]. В описании внешней политики второй половины 1990-х гг. внимание часто акцентируется на различных жестах, подчеркивающих самостоятельность, например: «выражая решительное несогласие с планами расширения НАТО, российское руководство тем не менее пошло 27 мая 1997 года на подписание в Париже Основополагающего акта России и НАТО, который, по существу, исходил из неизбежности адаптации России к такому расширению», «К моменту избрания В.В. Путина президентом весной 2000 года российская дипломатия продолжала следовать прагматической линии, суть которой состояла в том, чтобы, не отказываясь от партнерства с Западом, твердо отстаивать свои интересы, в том числе в резкой, открытой форме. Хрестоматийным стал «разворот Примакова над Атлантикой» [там же: 36]. Подходы к отражению внешнеполитической истории последнего двадцатилетия в разных учебниках еще более сближаются и всё менее отличаются от того, что преподносят прогосударственные средства массовой информации.

В учебнике под редакцией А.В. Торкунова главным итогом внешнеполитического развития начала 2000-х гг. называется «разработка и реализация концепции внешней политики, исходящей из национальных интересов страны». Особо отмечается вклад России в борьбу с международным терроризмом. В первую очередь, речь идет о противодействии боевикам в Чечне и помощи США в борьбе с талибами в Афганистане [История России 2020:

92–93]. В описании отношений со странами Запада вина за ухудшение отношений России возлагается на США. Заявляется, что такие действия как выход из договора ПРО, создание национальной системы ПРО, расширение НАТО, объявление о развёртывании американской системы ПРО в Польше и Чехии «мало согласовывались с публичными заявлениями лидеров Запада о стремлении к партнёрству с Россией и в итоге вызвали ответные шаги с её стороны» [История России 2020: 93]. Под «ответными шагами» авторы понимают объявление Россией моратория на исполнение договора ДОВСЕ.

Описывая отношения России со странами ближнего зарубежья, авторы представляют процессы, происходившие в Прибалтике, Украине и Грузии в антироссийской коннотации: «Вступление в НАТО Латвии, Литвы и Эстонии, их территориальные и материальные претензии к России, переписывание общей истории, нарушение прав русскоязычного населения, глумление над памятью павших в годы Великой Отечественной войны не могли оставить равнодушными граждан и руководство России». Грузинская «революция роз» и украинская «оранжевая революция» объясняются поддержкой из-за рубежа [История России 2020: 93]. В качестве противовеса утверждается об успешном развитии отношении с Китаем, ШОС и БРИКС. Примечательно, что в предисловии к коллективной монографии А.В. Торкунов высказывается о БРИКС иначе: «в этом объединении, возможно, пока больше амбиций, чем достижений, но первые постепенно конвертируются во вторые» [Внешняя политика России 2017: 5].

Решение о проведении олимпиады в Сочи и вхождение России в «Большую восьмерку» выглядят как маркеры укрепления России на международной арене. Причиной называется «открытое провозглашение национальных интересов руководством России, твёрдое отстаивание самостоятельности внешнеполитического курса» [История России 2020: 95].

Важное место среди внешнеполитических событий 2010-х гг. занимает раздел «Воссоединение Крыма с Россией». Утверждается, что «в начале 2014 г. был свергнут законно избранный президент В.Ф. Янукович. К власти в результате государственного переворота при поддержке стран Запада пришли радикальные националисты. Было предложено отменить закон о статусе русского языка как регионального, что означало бы фактический запрет на его использование. В ответ в южных и восточных районах Украины русскоязычное население выступило в защиту своих прав. В ходе референдума в Крыму и Севастополе 16 марта 2014 года 96,77 % крымчан и 95,6 % севастопольцев высказались за воссоединение Крыма и Севастополя с Россией» [История России 2020: 102]. И никаких упоминаний о какой-то роли российских военных. Описывая внешнеполитическое развитие в последующие годы, авторы раскрывают тезис о том, что «давление на Россию приобрело беспрецедентный характер» [История России 2020: 104], много внимания уделяют укреплению обороноспособности страны, борьбе с угрозами терроризма в Сирии.

В учебнике В.А. Никонова, С.В. Девятова внешнеполитическая доктрина начала XXI в. оценивается, как «независимая», «активная», «многовекторная», «защищающая интересы личности, общества и государства». Приводятся пояснение В.В. Путина к проводимому курсу: «Мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей, а не продиктованных кем-то решений. Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильна и твёрдо стоит на ногах» [Никонов, Девятов 2019: 189]. Среди факторов, способствующих укреплению положения России на международной арене в начале 2000-х гг., называются сотрудничество с другими странами, повышение обороно- и боеспособности, сближение с некоторыми соседями на постсоветском пространстве, расширение связей с неевропейскими странами. Ухудшение отношений с Евросоюзом и США объясняется тем, что «Россия проводила в 2000 гг. самостоятельную линию в мировой политике, что представлялась Брюсселю и Вашингтону растущим вызовом». «Главным испытанием для отношений между Россией и Западом» называется «украинский кризис», который, как и в других учебниках, подается полностью в рамках официального дискурса как «антиконституционный вооружённый переворот», в ответ на который «законно

избранный парламент Крыма выступил с инициативой референдума о выходе из Украины» и т.д. В целом, какая-либо критика политики российских властей после 2000 г., какие-либо указания на существующие экономические, социальные и иные проблемы в учебнике отсутствуют. Внешняя политика называется «многовекторной», не берется в расчет возможная точка зрения, что именно политика России привела к серьезному охлаждению отношений с Западом и с многими бывшими республиками СССР. Весьма спорно утверждение о том, что западные санкции в отношении России не оказали существенного влияния.

В учебнике, написанном А.В. Шубиным и другими авторами, красной линией проходят сентенции о гегемонизме США и антироссийских устремлениях Запада. Заявляется о стремлении США «играть роль лидера однополярного мира», «действовать в обход ООН» и «решать международные проблемы силовым путем». Утверждается, что в 2004 г. «вопреки имевшейся договоренности о нерасширении НАТО на Восток, в состав этой организации были приняты семь восточноевропейских государств», а в Грузии и Украине, благодаря поддержке Запада к власти пришли «антироссийски настроенные силы» [там же: 403]. Одновременно читателю преподносится образ «встающей с колен» России. В частности, таким образом: «В феврале 2007 г. В.В. Путин, выступая на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, ясно дал понять, что Россия не намерена мириться с произволом США и НАТО в международных отношениях, что она и дальше будет проводить независимую внешнюю политику, что использование военной силы допустимо только с санкции ООН» [там же: 404]. Как доказательство тезиса о том, что «речь Путина наглядно показала, что время, когда можно было не считаться с Россией прошло», следует компактное описание российско-грузинской войны: «В августе 2008 г. грузинская армия по приказу президента М. Саакашвили вторглась в Южную Осетию, подвергнув массированному артиллерийскому обстрелу ее столицу Цхинвал. Под огонь попали российские миротворцы. В ответ против грузинских подразделений были выдвинуты ограниченные силы Российской армии, которые в ходе «операции по принуждению к миру» нанесли поражение грузинским войскам и вытеснили их с территории республики. Эта операция и последовавшее 26 августа официальное признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии вызвали новое охлаждение в отношениях США и Евросоюза с Россией» [там же: 404].

Начало украинских событий 2014 года описывается так же, как и в других учебниках: «После того как в результате государственного переворота был отрешен от должности президент В.Ф. Янукович, к власти на Украине в феврале 2014 г. пришли воинствующие националистические силы, ориентированные на интеграцию с Евросоюзом и вступление в НАТО. Русскоговорящее большинство населения Крыма, Луганской и Донецкой областей выступило против этих планов». Однако, в отличие от вышедших ранее учебников, вслед за изменением официальной версии, уже признается значимая роль российских военных в Крыму: «В Крым двинулись отряды вооруженных националистов. В этой ситуации, чтобы не допустить кровопролития, правительство России вынуждено было задействовать находившиеся в Крыму подразделения Российской армии. Российские военные вместе с крымской милицией и добровольцами взяли под охрану стратегически важные объекты, блокировали украинские военные части и не допустили на полуостров банды националистов, что создало условия для свободного волеизъявления жителей Крыма относительно его дальнейшей судьбы». Также признается последующее «участие в боевых действиях на стороне ЛНР и ДНР российских добровольцев» [там же: 405, 406]. Так же, как и в других учебниках, отмечается, что охлаждение отношений с Западом Россия успешно компенсирует развитием сотрудничества со странами БРИКС, углублением интеграции со странами СНГ, развитием связей с государствами Африки, Азии и Латинской Америки. А «Китай начинает рассматриваться как один из главных стратегических партнеров России» [Шубин 2021: 403–407].

В учебнике «История» А.Н. Сахарова, Н.В. Загладина и Ю.А. Петрова построение на рубеже XX–XXI вв. новой системы международных отношений характеризуется, как противоречивое, часто меняющееся. Отмечается стремление России к сотрудничеству с Западом в начале 90-х и крушение надежд на это сотрудничество в связи с тем, что «выражая на словах поддержку продвижению России по пути демократизации, страны Запада не выполнили обещаний по предоставлению ей помощи» [Сахаров и др. 2019: 422]. Примечательно, что авторы отмечают, что отношения России с западными странами не могли и не могут быть охлаждены до «абсолютного нуля», т.к. мировые экономические процессы, участие в международных организациях и осуществление глобальной политики по-прежнему является общей зоной интересов России и Запада, в связи с чем искать точки соприкосновения, несмотря на противоречия – основная задача и тех, и других.

Характеризуя российскую внешнюю политику 2000-х гг. часть ученых солидаризируется с официальными оценками, подчеркивающими возрастающую «самостоятельность» внешнеполитического курса и движение к «многополярности» мира благодаря усиливающемуся влиянию России. Так, А.Н. Панов утверждает: «Значительно более критически стала оцениваться политика сохранения «однополярного мира», навязывания другим странам своих политических систем и моделей развития, в том числе с помощью «цветных революций», игнорирования или произвольного толкования международного права» [Внешняя политика России 2017: 43]. Прокремлевские эксперты утверждают, что основной причиной ухудшения отношений России с Западом «курс Москвы на изменение правил игры в отношениях России и Запада, сложившихся в 90-е гг. прошлого века, и нежелание Запада, прежде всего США, согласиться с этим» [Арбатов 2007: 13], что продолжение прежней модели отношений с Западом для России означало бы «внешний контроль над российскими ресурсами» и «фактическую десоверенизацию» России» [Косачев 2007] и т.д.

Между тем, эксперт-международник Андрей КОРТУНОВ оценивает ситуацию по-другому: «Лидеры «Семерки» действительно открыли двери для вхождения России в западные структуры. Это приглашение было сделано еще при Ельцине и подтверждено при Путине... Но ведь реальный процесс вхождения в западные структуры требует постоянных и настойчивых усилий на всех уровнях. Мы могли бы гораздо эффективнее использовать те возможности, которые нам предоставили – и в рамках «Восьмерки», и в отношениях с Евросоюзом и с НАТО, и в Совете Европы, и в ОБСЕ, и т. д. А мы не смогли этим воспользоваться – не хватило политической воли, упорства, последовательности. Не хватило элементарных знаний о том, как работают политические структуры в условиях демократии. Мы хотели решать вопросы на уровне саммитов и общих деклараций – не получилось. Хотели найти альтернативных союзников – тоже как-то не вышло. Так кого же теперь винить в том, что Россия оказалась в одиночестве?» [Цит. по: Шевцова 2010: 74].

Л.Ф. Шевцова так же характеризует начало 2000-х иным образом: «Внешне могло показаться, что Россия превращалась в страну с откровенно авторитарным режимом, но с прозападной ориентацией. Запад, и в первую очередь США, принял негласные условия сделки, стараясь не вмешиваться во внутренние дела России, спокойно взирая на ограничение российской демократии, ликвидацию независимых СМИ и вторую чеченскую войну» [там же: 51], но «Love story» между Путиным и Западом – за исключением Берлина – закончилась удивительно быстро... Кремль был недоволен, ибо Россия не получила от Запада режима наибольшего благоприятствования и роли партнера с особым статусом... А западные лидеры, равнодушные к проблемам российской демократии, тем не менее были вынуждены считаться с западным общественным мнением» [там же: 54]. Мюнхенскую речь Путина (2007 г.) она называет «ультиматумом, который говорил о готовности Кремля пойти на ухудшение отношений с западным миром, если Америка – главный адресат Кремля – не примет кремлевский «пакет», т. е. предложения по пересмотру правил игры, восторжествовавших после 1991 г.» [там же: 54].

Шевцова вскрывает противоречивость предложенной Кремлем модели «быть с Западом и против Запада одновременно»: «стремление возродить ялтинский порядок с его разделом мира и одновременно гарантировать партнерство с Западом. Это были почти несовместимые вещи – возвращение к балансу сил, но при гарантиях того, что Запад будет себя сдерживать в отношении России, и признание за Россией права сохранять руки развязанными» [там же: 56, 59]. Она весьма убедительно обосновывает, что «Запад в очередной раз пошел навстречу Кремлю, приняв ряд элементов доктрины Путина»: «Западные лидеры и не пытались вмешиваться во внутренние дела России» и «старались смотреть сквозь пальцы на стремление Москвы восстановить контроль за «ближним зарубежьем» [там же: 59–60]. С цифрами в руках Шевцова доказывает, что «содействие в развитии демократии было самой незначительной статьёй в общем объеме американской официальной помощи России» – из 4 млрд долл. предоставленных в 2004–2007 гг. правительством США 3 млрд 556 млн долл. было выделено на обеспечение российской безопасности, 264 млн долл. – на совершенствование государственного управления, 35 млн долл. – на гуманитарную помощь; 100 млн долл. – на «инвестиции в людей» (вид гуманитарной помощи) [там же: 60]. Л.Ф. Шевцова приходит к выводу, что «тезис об унижении России ... необходим в первую очередь российской власти... Для того чтобы отвлекать внимание населения от внутренних проблем, от антинациональной сущности класса рантье, который правит Россией, от факта превращения страны в сырьевое государство. Сознательное муссирование темы унижения позволяет подпитывать подозрительность и даже враждебность российского общества по отношению к окружающему миру» [там же: 78].

По-разному оценивается экспертами и «расширение НАТО на Восток». В.О. Печатнов, как и российское политическое руководство, выражает сильную тревогу по этому поводу, ссылаясь на патриарха американской дипломатии Дж. Кеннана, который «назвал расширение альянса «самой роковой ошибкой всей американской внешней политики после окончания холодной войны» [Внешняя политика России 2017: 259]. Печатнов утверждает, что после весны 2014 г. «Запад явно стремился втянуть Украину в свою сферу влияния, маня ее перспективой вхождения в ЕС и НАТО... Ни один ответственный российский лидер не мог согласиться на продвижение военной инфраструктуры североатлантического альянса» [там же: 270].

Д.В. Тренин, напротив, считает, что «Фундаментальной ошибкой российской внешней политики с середины 1990-х была чрезмерная сосредоточенность на проблеме расширения НАТО»; «расширение НАТО на восток не было столь масштабной военной угрозой, какой она представлялась. Завышенная оценка угрозы имела стратегические последствия» [там же: 240, 243]. «Расширение НАТО удалось остановить, но не политико-информационными, а военными средствами» (в Грузии и в Украине), – считает эксперт. – «У этого достижения есть, однако, и обратная сторона. Активные действия России по предотвращению потенциальной угрозы вдохнули новую жизнь в НАТО, помогли возродить образ России как военного противника Запада. Реанимация угрозы с востока через четверть века после окончания холодной войны и военно-политические последствия конфронтации с США для отношений РФ с Европой перечеркнули многолетние усилия Москвы и стали стратегическим поражением России на европейском направлении» [там же: 240]. Д.В. Тренин показывает абсурдность идеи создания буфера из восточно-европейских стран, которая муссируется в официальной риторике и в пропагандистских СМИ: «появление ядерного оружия и стратегической авиации, а вскоре и других носителей – межконтинентальных баллистических ракет и подводных ракетносцев – практически обесценило значение этого стратегического буфера» [там же: 241]. *«Если для России НАТО представляет проблему не как союз без малого трех десятков разнокалиберных государств, а как площадка для размещения американских вооруженных сил и ракет, нацеленных на Россию, то неучастие той или иной европейской страны в НАТО не решает проблемы безопасности РФ. Дело в том, что ничто не мешает США разместить свои базы и системы оружия на территории ориентирующихся на них стран, не являющихся членами НАТО»,* – утверждает эксперт [там же: 242].

Л.Ф. Шевцова, рассуждая о дежурных прокремлевских аргументах о появлении баз НАТО в Болгарии и Румынии, отмечает, что при этом умалчивается, что американцы ранее ликвидировали целый ряд баз и вывели две дивизии из ФРГ, а на появившихся базах, созданных для противодействия угрозам на Ближнем Востоке, предполагается размещение всего 2,5 тыс. военнослужащих. Она показывает, что российские военные не только знают, но и открыто признают, что альянс не представляет угрозы для России, ссылаясь на военного эксперта – генерал-майора Владимира Дворкина, который писал: «Россия в любом случае – при равенстве или неравенстве потенциалов ядерного сдерживания с США, при любой прогнозируемой архитектуре ПРО США и НАТО и любых возможностях обычного высокоточного оружия – сохранит такой потенциал ответного удара, что никакому сумасшедшему не придет в голову мысль не только о военном столкновении с нами, но и о том, чтобы угрожать России нападением» [Шевцова 2010: 100, 106].

Экспертные оценки развития отношений России со странами СНГ вряд ли можно назвать восторженными. Д.В. Тренин констатирует: «Неудача постигла и стремление России играть лидирующую роль в СНГ. Единое экономическое пространство удержать не удалось. РФ не стала локомотивом экономического и политического развития бывших союзных республик, а ее надежды на реинтеграцию экономик стран Содружества и координацию их политических шагов столкнулись с отторжением самой идеи реинтеграции как неоимперской. Характерной в этих условиях стала неспособность РФ выстроить продуктивные отношения с Украиной. Эта прогрессирующая все постсоветские годы неспособность стала причиной самого крупного провала внешней политики современной России». По мнению Тренина, в основе этого лежит то, что «*В Москве не замечали процесса становления украинской политической нации, предпочитая видеть в соседе недогосударство на базе бывшей УССР, независимость которого не принимали всерьез и к которому на практике относились преимущественно как к транзитной территории для прокачки газа в Европу*» [Тренин 2021: 189].

Примерно то же утверждает и Л.Ф. Шевцова: «Москва, а вместе с нею и российское экспертное и политическое сообщество сделали все возможное, чтобы помочь украинцам начать воспринимать Россию как «угрозу своим ценностям», в первую очередь суверенитету». Основной причиной этого, по ее мнению, становится то, что «Российские политические круги и немалая часть общественного мнения никак не могут смириться с тем, что бывшие российские вассалы – теперь независимые государства и имеют право на свои интересы и устремления, в том числе право на обеспечение своей безопасности и собственное ее понимание» [Шевцова 2010: 98, 102].

Эффективность российских усилий по компенсации угасающего сотрудничества с Западной Европой за счет усиления связей с азиатскими и латиноамериканскими государствами экспертами оценивается по-разному. Д.В. Тренин считает, что «Двусторонние отношения и многосторонние форматы – в частности, Шанхайская организация сотрудничества и созданные в 2000-е годы по инициативе Москвы группы БРИКС и РИК (Россия – Индия – Китай) создали условия, при которых Россия, не будучи самым крупным и доминирующим игроком в экономическом отношении, смогла выступать в качестве одного из неформальных лидеров международных незападных объединений» [Тренин 2021: 228].

Если в учебниках внешнеполитическая активность России в последние двадцать лет выглядит вполне успешной, в экспертных оценках она предстает иначе, особенно на западном направлении. Например, Д.В. Тренин наглядно раскрывает глубинную причину провала всех попыток Кремля выстроить взаимоприемлемые отношения с Западом за последние двадцать лет. Это непонимание наличия ценностей в фундаменте политики. Д.В. Тренин пишет: «Политические элиты европейских стран, в начале холодной войны отказавшиеся от проведения самостоятельной внешней и оборонной политики, семь десятилетий спустя оказались не способны мыслить иначе, чем в терминах либерально-демократических ценностей и порядка, основанного на правилах... Кремль и европейские канцелярии перестали

говорить на одном языке и как следствие этого утратили способность понимать друг друга. Избавившись от иллюзий времен Горбачева и Ельцина, российские руководители и представители вернулись к языку реальной политики, в то время как их европейские визави все больше развивали тезисы мира, основанного на правилах и принципах либеральной демократии... Ставка на то, что бизнес-интересы в конце концов возьмут свое, не оправдалась» [Тренин 2021: 231, 233].

Украинские события 2014 г. ученые оценивают по-разному. Часть из них солидаризируются с официальной версией. Например, С.И. Чернявский пишет: «В ночь на 1 марта 2014 г. группа вооруженных лиц, направленных из Киева, попыталась захватить здание МВД АРК. Благодаря решительным действиям отрядов самообороны попытку захвата здания МВД удалось предотвратить... После этого крымчане обратились за помощью к руководству России». Далее указывается на то, что президент Путин получил согласие Совета Федерации РФ на использование вооруженных сил на территории Украины, но никаких сведений о роли и действиях российских военных не сообщается. Всё решает волеизъявление народа: «16 марта местные органы власти в АРК и Севастополе... организовали и провели референдум о статусе Крыма», на основании которого республика Крым вошла в состав России [Внешняя политика России 2017: 247–249].

Для Л.Ф. Шевцовой смысл крымских событий иной: «Кремль своим «приобретением» Крыма сбросил со стола шахматную доску, разрушив систему взаимных обязательств и гарантий, начиная с Хельсинкского процесса и Парижской хартии... «Крым наш» – это была попытка Кремля консолидировать общество на имитации бескровной победы, которая должна компенсировать наши комплексы». Известный политолог оспаривает расхожую версию о западном влиянии, как о причине смены власти в Киеве: «На Майдане украинцы защитили свое достоинство и захотели жить по закону, а не по понятиям... В России популярна идея, что события в Киеве – это следствия американских печенок, которыми долгое время снабжали Украину, чтобы затащить ее в западное пространство. Глупости! ... Не секрет, что на Украине действуют немецкие и американские фонды с очень скромными бюджетами. Но за последние десять лет Запад стал сокращать финансирование всех проектов по продвижению демократии. ... Но эти средства в гораздо больших объемах тратились и в России. Как видите, они не изменили ход нашей истории [Шевцова 2015]. Крымский референдум для Л.Ф. Шевцовой сомнителен с международно-правовой точки зрения: в Совете безопасности ООН «не сочли убедительными доказательства России относительно нелегитимности украинской власти», референдум проходил «в ситуации, нечистой с точки зрения легитимности, демократичности и прозрачности выборов ... в ситуации оккупации Крыма российскими властями». Она, вместе с В. Васильевым, обращает внимание на то, что «Позиция, которую занимает Москва, фактически разрушает международное договорно-политическое пространство, потому что Россия является подписантом Будапештского меморандума 1994 года, согласно которому она вместе с США, Францией и Великобританией гарантировала территориальную целостность Украины, ее безопасность» [Васильев, Шевцова 2014].

Д.В. Тренин фактически одобряет присоединение Крыма к России, но считает геополитической ошибкой продвигаться на другие украинские территории: «если бы кремлевская реакция на киевский майданный переворот ограничилась взятием под контроль Крыма с последующим присоединением его к РФ, но не распространилась бы на Донбасс под лозунгом создания Новороссии, ухудшение отношений с США и особенно с Европой вполне возможно было бы ограничить... *В отличие от культурного и духовного измерения, геополитический Русский мир, однако, оказался иллюзией, за которую пришлось заплатить высокую цену. Идея Новороссии, бездумно и наспех предложенная в условиях украинского кризиса 2014 года, привела, вероятно, к самой серьезной ошибке путинской внешней политики – к прямой поддержке антимайданного восстания в Донбассе*» [Тренин 2021: 238, 245]. «Россия, Украина и Белоруссия не три русских государства единого народа, а разные страны, разные

общества» – утверждает эксперт... В геополитическом плане России нужна как минимум невраждебная Украина... Активные попытки дестабилизации Украины не будут иметь успеха и в конце концов обернутся против российских интересов... Выстраивая политику на украинском направлении, нужно постоянно помнить, что в украинской политической элите практически нет людей, искренне желающих сделать Украину частью единого с Россией большого пространства... В условиях конфликта в Донбассе произошла консолидация значительной части населения Украины на антироссийской основе, свернуто образование на русском языке, под давлением оказалась Украинская православная церковь (Московского патриархата), разорвана большая часть связей с Россией» [Тренин 2021: 313, 317, 319–321].

Отвлекаясь от частных замечаний по поводу тех или иных внешнеполитических сюжетов, следует обратить внимание на фундаментальный методологический дефицит учебников в представлении истории внешней политики последних тридцати лет. Учебники фактически не выводят учащихся на осмысление глобальных смыслов внешней политики, оставляя их без сколько-нибудь научного обоснования, подменяя его сиюминутными декларациями политических руководителей и документами тех или иных властных структур. Введение в учебный материал экспертных оценок придало бы ему иную «оптику». В учебниках были бы полезны рассуждения о смыслах национальной безопасности подобные, представленным Д.В. Трениным: «В принципе, у России, как у каждой страны, есть два главных интереса: обеспечение безопасности и создание или поддержание благоприятных внешних условий для процветания... Безопасность – это не отсутствие угроз, такое представить себе в реальном мире невозможно, а приемлемый уровень защищенности» [Тренин 2021: 28]. При этом эксперт отмечает, что «Понятие «национальная безопасность» отличается от понятия «государственная безопасность» тем, что подразумевает не только безопасность государства или политического режима, но также – и прежде всего – безопасность личности и общества... Именно такая трактовка зафиксирована с начала 1990-х годов в официальных российских документах, в том числе в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» и сменившей ее «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Тренин 2021: 56].

Было бы полезно познакомить учащихся с экспертными оценками внешнеполитических возможностей России. Так, Д.В. Тренин пишет: «Реально в начале XXI века Россия – великая держава, но уже не первого, а второго ранга, после США, Китая и... Евросоюза... Военная мощь любой страны опирается на ее *экономический и технологический потенциал* и зависит от него» [Тренин 2021: 70, 75], – замечает эксперт. – «Сегодняшняя Россия сравнительно небольшая экономическая величина (с номинальным ВВП менее 2 трлн. долларов, примерно 1,5% от глобального)», к чему следует добавить технологическое отставание и невысокий демографический потенциал. Также отмечается, что «Сегодня военный бюджет России составляет менее 10% военного бюджета США, вчетверо меньше бюджета Китая». Отсюда, по мнению Тренина, *«основная международная задача России, отвечающая столь же глобальным, сколь и сугубо национальным интересам, – поддерживать многофакторное равновесие в мире»*. Он подчеркивает, что *«Отсутствие долгосрочной стратегии, увлечение секретными операциями, тактическим маневрированием и особенно спецоперациями обрекает внешнюю политику на существенные риски»* [Тренин 2021: 76, 78, 89, 237]. Необходимость рационально оценивать ресурсы для выстраивания баланса в международных отношениях подчеркивает и А.Н. Панов: «Масштаб использования средств и ресурсов во внешней политике определяется соразмерно их реальному значению для обеспечения национальных интересов» [Внешняя политика России 2017: 69]. «Россия – большая по размерам, но средняя по уровню развития экономика», – вторит ему А.С. Булатов. – «Экономическая модель страны может быть выражена формулой «олигархический госкапитализм», то есть сильная монополизация национальной экономики отдельными физическими лицами и семьями в связке с правящей бюрократией при доминировании последней. Такая экономическая модель позволяет проводить активную внешнюю политику

по некоторым направлениям в случае консенсуса правящей элиты, однако недостаточный уровень экономического развития страны, ее сильная зависимость от импорта готовых изделий, технологий и капитала, а также невысокая привлекательность российской экономической модели обуславливают определенную уязвимость страны в целом... доля РФ в ВВП мира по паритету покупательной способности – 3,3 %, 6-е место, а доля в мировом экспорте товаров и услуг – 1,9 %, 12-е место» [там же: 73].

Заключение

Таким образом, российская внешняя политика последних тридцати лет на страницах современных официально одобренных учебников предстает как непротиворечивая реализация продуманного курса политических руководителей, последовательно ведущая страну к обретению утраченного ранее международного влияния и восстановлению державной мощи. Если в отношении истории 1990-х гг. позиции авторских коллективов могут различаться, то в отображении двух последних десятилетий трактовки совпадают. При этом можно найти довольно много заимствований из официальной и пропагандистской риторики. Интерпретации отличает лишь большая или меньшая степень апологетики в текстах. Альтернативные точки зрения на события фактически не представлены. Отсутствие методологических ориентиров ограничивает возможности осмысления учащимися исторических процессов. В целом, история внешней политики современной России в исследуемых учебниках лишь в малой степени отражает цели исторической науки, в большей степени соответствует целям исторической политики.

Список литературы

1. Арбатов А.Г. Москва – Мюнхен: новые контуры российской внутренней и внешней политики. Московский центр Карнеги // Рабочие материалы. 2007. № 3. С. 2–28.
2. Баттерфилд Д., Левинтова Е. Как формируется история и отношение к ней: школьные учебники о новейшей российской истории [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: <https://polit.ru/article/2010/03/11/uchebniki/> (дата обращения: 20.09.2019).
3. Васильев В., Шевцова Л. Кремль возвращает нас к советскому периоду [Электронный ресурс]. 2014. 7 марта. URL: <https://carnegie.ru/2014/03/07/ru-pub-54928> (дата обращения: 20.10.2021).
4. Внешняя политика России. 1991–2016. М.: МГИМО-Университет, 2017. 538 с.
5. Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 89–97.
6. Вязовик Т.П. Версия прошлого как государственный миф (к вопросу написания единого учебника отечественной истории) // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. М., 2014. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. С. 93–109.
7. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В. 3 ч. Ч. 3 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2020.
8. Косачев К. Россия и Запад, наши разногласия [Электронный ресурс] // Россия в глобальном мире. № 4. июль–август. 2007. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-zapad-nashi-raznoglasiya> (дата обращения: 21.09.2021)
9. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
10. Миллер А.И. Политика памяти в России: год разрушенных надежд // Полития. 2014. № 4 (75). С. 49–75.
11. Молодяков В. Историческая политика и политика памяти // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 15–35.
12. Никонов В.А., Девятов С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в.: учебник для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углублённый уровни: в 2 ч. Ч. 2. 1945-2016 / В.А. Никонов, С.В. Девятов, под науч. ред. С.П. Карпова. М.: «Русское слово – учебник», 2019.
13. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.

14. Сахаров А.Н., Загладин Н.В., Петров Ю.А. История. Конец XIX – начало XXI века: учебник для 10–11 классов общеобразовательных организаций. Базовый и углублённый уровни: в 2 ч. Ч. 2. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2019.
15. Суслов А.Б., Шуйская Е.В. Школьные учебники о демократическом транзите в России в 1990-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 6. С. 68–72.
16. Суслов А.Б., Шуйская Е.В. Российская история XXI века в зеркале школьных учебников истории // Вестник Пермского университета. История. 2021. Вып. 4 (55). С. 56–68.
17. Тренин Д.В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Изд.-во «Альпина Паблишер», 2021. 471 с.
18. Филиппова Т. Курс на «позитивную идентичность». О новейшей учебной литературе по истории // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 36–52.
19. Шевцова Л. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М.: РОССПЭН, 2010. 272 с.
20. Шевцова Л.Ф. Лилия Шевцова: «Своим возрождением Запад будет обязан Путину» [Электронный ресурс]. 2015. 14 апреля. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/7002-liliya-shevtsova-svoim-vozrozhdeniem-zapad-budet-obyazan-putinu> (дата обращения: 21.10.2021).
21. Шубин А.В. Всеобщая история: Новейшая история. Базовый и углубленный уровни: 10 класс. М.: Дрофа, 2019.
22. Шубин А.В. и др. История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс. М.: Просвещение, 2021.

References

1. Arbatov A.G. Moskva – Miunkhen: novye kontury rossiiskoi vnutrennei i vneshnei politiki. Moskovskii tsentr Karnegi [Moscow - Munich: new contours of Russian domestic and foreign policy. Moscow Carnegie Center]. *Rabochie materialy*. 2007, no. 3, pp. 2-28. (In russ.).
2. Batterfield D., Levintova E. Kak formiruetsia istoriia i otnoshenie k nei: shkol'nye uchebniki o noveishei rossiiskoi istorii [How history and attitudes towards it are formed: school textbooks on recent Russian history]. *Polit.ru*. (In russ.). Available at: <https://polit.ru/article/2010/03/11/uchebniki/> (accessed: 20.09.2019).
3. Vasil'ev V., Shevtsova L. Kreml' vozvrashchaet nas k sovetskomu periodu [The Kremlin takes us back to the Soviet period]. March 7, 2014. (In russ.). Available at: <https://carnegie.ru/2014/03/07/ru-pub-54928> (accessed: 20.10.2021).
4. Vneshniaia politika Rossii. 1991-2016 [Foreign policy of Russia. 1991–2016]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2017, 538 p. (In russ.).
5. Viazemskii E.E. Istoricheskaia politika gosudarstva, istoricheskaiia pamiat' i sodержanie shkol'nogo kursa istorii Rossii [The historical policy of the state, historical memory and the content of the school course in the history of Russia]. *Problemy sovremennogo obrazovaniia*. 2011, no. 6, pp. 89-97. (In russ.).
6. Viazovik T.P. Versiia proshlogo kak gosudarstvennyi mif (k voprosu napisaniia edinogo uchebnika otechestvennoi istorii) [Version of the past as a state myth (on the issue of writing a single textbook of national history)]. *Simvolicheskaiia politika*. Moscow, 2014, iss. 2, pp. 93-109. (In russ.).
7. Istoriiia Rossii. 10 klass [Russian history. Grade 10]. part 3, Moscow, Prosveshchenie, 2020. (In russ.).
8. Kosachev K. Rossiia i Zapad, nashi raznoglasiiia [Russia and the West, our differences]. *Rossiia v global'nom mire*. no. 4, 2007. (In russ.). Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-zapad-nashi-raznoglasiiia> (accessed: 21.09.2021)
9. Mazur L.N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoi pamiati [The image of the past: the formation of historical memory]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*. 2013, no. 3 (117), pp. 243-256. (In russ.).
10. Miller A.I. Politika pamiati v Rossii: god razrushennykh nadezhd [The politics of memory in Russia: a year of shattered hopes]. *Politiia*. 2014, no. 4 (75), pp. 49-75. (In russ.).
11. Molodiakov V. Istoricheskaiia politika i politika pamiati [Historical politics and the politics of memory]. *Istoricheskie issledovaniia v Rossii - III. Piatnadsat' let spustia*. Moscow, AИРО-XXI, 2011, pp. 15-35. (In russ.).

12. Nikonov V.A., Deviatov S.V. Istoriiia. Istoriiia Rossii. 1914 g. - nachalo XXI v. [Story. Russian history. 1914 - the beginning of the XXI century]. part 2, 1945-2016, Moscow, «Russkoe slovo - uchebnik», 2019. (In russ.).
13. Safronova Iu.A. Istoricheskaiia pamiat': vvedenie [Historical memory: an introduction]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019, 220 p. (In russ.).
14. Sakharov A.N., Zagladin N.V., Petrov Iu.A. Istoriiia. Konets XIX – nachalo XXI veka [Story. Late 19th - early 21st century]. Moscow, OOO «Russkoe slovo - uchebnik», part 2, 2019. (In russ.).
15. Suslov A.B., Shuiskaia E.V. Shkol'nye uchebniki o demokraticheskom tranzite v Rossii v 1990-e gg. [School textbooks on democratic transition in Russia in the 1990s.]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020, no. 6, pp. 68-72. (In russ.).
16. Suslov A.B., Shuiskaia E.V. Rossiiskaia istoriia XXI veka v zerkale shkol'nykh uchebnikov istorii [Russian History of the 21st Century in the Mirror of School History Textbooks]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriiia*. 2021, iss. 4 (55), pp. 56-68. (In russ.).
17. Trenin D.V. Novyi balans sil: Rossiia v poiskakh vneshnopoliticheskogo ravnovesiia [New balance of power: Russia in search of foreign policy balance]. Moscow, Izd.-vo «Al'pina Publisher», 2021, 471 p. (In russ.).
18. Filippova T. Kurs na «pozitivnuiu identichnost'». O noveishei uchebnoi literature po istorii [A course on "positive identity". On the latest educational literature on history]. *Istoricheskie issledovaniia v Rossii - III. Piatnadsat' let spustia*. Moscow, AIRO-XXI, 2011, pp. 36-52. (In russ.).
19. Shevtsova L. Odinoakaia derzhava: Pochemu Rossiia ne stala Zapadom i pochemu Rossii trudno s Zapadom [Lonely Power: Why Russia did not become the West and why Russia finds it difficult with the West]. Moscow, ROSSPEN, 2010, 272 p. (In russ.).
20. Shevtsova L.F. Liliia Shevtsova: «Svoim vozrozhdeniem Zapad budet obiazan Putinu» [Lilia Shevtsova: "The West will owe its revival to Putin."]. April 14, 2015. (In russ.). Available at: <https://www.colta.ru/articles/society/7002-liliya-shevtsova-svoim-vozrozhdeniem-zapad-budet-obyazan-putinu> (accessed: 21.10.2021).
21. Shubin A.V. Vseobshchaia istoriia: Noveishaia istoriia. Bazovyi i uglublennyi urovni: 10 klass [General History: Recent History. Basic and advanced levels: Grade 10]. Moscow, Drofa, 2019. (In russ.).
22. Shubin A.V. i dr. Istoriiia Rossii. Nachalo XX -nachalo XXI veka. 10 klass [Russian history. The beginning of the XX - the beginning of the XXI century. Grade 10]. Moscow, Prosveshchenie, 2021. (In russ.).

Информация об авторе

А.Б. Суслов – доктор исторических наук, профессор,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

A.B. Suslov – Grand Ph.D. (History), Professor,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 20.04.2022.

The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 20.04.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 22–30.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 6. P. 22-30.

Научная статья

УДК 94(47)

doi: 10.24412/2713-0231- 2022-6-22-30

СМЕНА ПАРАДИГМЫ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В 1920-Е – 1940-Е ГГ.

Глеб Евгеньевич Константинов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
glkonst@rambler.ru

Аннотация. Советская пропаганда сталинского периода хорошо изучена с институциональной и тематической стороны. В данной работе пропаганда рассматривается с точки зрения её качеств и свойств, воздействующих на реципиентов. Используя как базис для сравнения качеств пропаганды её направленность на рациональный или эмоциональный компонент мышления, в период 1920-х – 1940-х гг. в работе выделяется две различные парадигмы в советской пропаганде. Смена этих парадигм связана с процессом установления режима единоличной власти Сталина, снижением уровня внутрипартийной дискуссии, осуждением фракционности и специфической трактовкой явления внутрипартийной демократии. В нашей работе мы пытаемся определить признаки и маркеры этого процесса в ходе анализа текстового корпуса данных. В качестве корпуса выбрана одна из основных газет данного периода, орган ЦК и МК ВКП(б) «Правда». Текстовая форма пропаганды в газете «Правда» оказывает своё воздействие с помощью семантических свойств текста, которые и являются предметом анализа в данной статье. Используется статистический анализ слов и словосочетаний, подробно описывается методологическая составляющая работы. При подготовке статьи было обработано и проанализировано более пятисот статей «Правды» за период с 1924 по 1947 гг. В качестве методологической основы для характеристики феномена пропаганды используется концепция социальной психологии, для обработки и интерпретации корпуса статей используются методы статистики и обработки данных. Значительная часть работы посвящена описанию применения этих методов, так как из наших задач – их апробация.

Ключевые слова: СССР, пропаганда, семантика, Сталин, промышленность, обработка текстов на естественном языке, python.

Для цитирования: Константинов Г.Е. Смена парадигмы советской пропаганды и ее отражение в периодической печати в 1920-е – 1940-е гг. // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 22–30. <https://doi.org/10.24412/2713-0231- 2022-6-22-30>

Original article

CHANGES OF SOVIET PROPAGANDA PARADIGM AND ITS REFLECTIONS IN PERIODICAL PRESS IN THE 1920S – 1940S.

Gleb E. Konstantinov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Russia, Perm, glkonst@rambler.ru

Abstract. Soviet propaganda of the Stalin period is well studied from the institutional and thematic side. In this paper, propaganda is considered from the point of view of its qualities and properties that affect recipients. Using as a basis for comparing the qualities of propaganda's focus on the rational or emotional

component of thinking, we are distinguished two different paradigms in Soviet propaganda in the period of the 1920s – 1940s. The change of these paradigms is associated with the process of establishing the regime of Stalin's sole power, the decrease in the level of intra-party discussion, the condemnation of factionalism and the specific interpretation of the phenomenon of intra-party democracy. In our work, we are trying to determine the signs and markers of this process in the course of analyzing the textual data corpus. One of the main newspapers of this period, the organ of the Central Committee and Moscow Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks Pravda, was chosen as the corpus. The textual form of propaganda in the Pravda newspaper exerts its influence with the help of the semantic properties of the text, which are the subject of analysis in this article. The statistical analysis of words and phrases is used, the methodological component of the work is described in detail. In preparing the article, more than five hundred articles of Pravda were processed and analyzed for the period from 1924 to 1947. The concept of social psychology is used as a methodological basis for characterizing the phenomenon of propaganda; methods of statistics and data processing are used to process and interpret the corpus of articles. A significant part of the work is devoted to describing the application of these methods, since our task is to test them.

Keywords: USSR, propaganda, semantics, J. Stalin, industry, natural language processing, python.

For citation: Konstantinov G.E. Changes of Soviet propaganda paradigm and its reflections in periodical press in the 1920s – 1940s. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;6:22-30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-22-30>

Введение

В данной работе выдвигается гипотеза об изменениях свойств советской пропаганды в процессе установления единоличной власти И.В. Сталина, которые напрямую связаны с кардинальными изменениями в советской политической системе. Мы предполагаем, что упрощение, а затем и полная ликвидация внутривнутрипартийной дискуссии, произошедшие вследствие сведения к нулю количества оппонентов-теоретиков Сталина сильно отразились на содержании советской пропаганды. Прекращение существовавшей в РСДРП на весьма высоком уровне с момента её основания дискуссии о различных общественно-политических и даже философских вопросах, неизбежно упростило дискурс советского руководства. Прекращение непрерывного обмена мнениями, мыслями, размышлениями о строительстве социализма, которые вели к появлению новых взглядов на общественно-политическое развитие СССР, уменьшило вариативность исходящей от партии в народ информации. Данный процесс можно проследить в постепенном уменьшении вариативности содержания советской пропаганды с середины 20-х гг. Помимо этого, в стремлении контролировать информацию, Сталин упростил её содержание, сделал её шаблонной и само воспроизводимой.

Гипотеза оценивается с помощью использования методов автоматической обработки естественного языка, а именно корпуса статей газеты «Правда». Используются возможности библиотек языка программирования python для прикладных исследований.

Данная работа направлена на изучение изменений характера пропаганды в период единоличного правления И.В. Сталина.

Основная часть

Основная гипотеза данной работы основана на тезисе Э. Аронсона о существовании двух принципиально отличающихся видов пропаганды [Аронсон 2003]. Один ориентирован на то, чтобы убедить человека осмысленно сделать выводы, дать ему для этого факты к размышлению, рациональные доводы. Другой рассчитывает привить человеку верования за счет навязывания каких-либо представлений, которые человек принимает безусловно. Такой подход позволяет рассмотреть советскую пропаганду не с точки зрения её тематики и содержания, что для многих кейсов сделано достаточно подробно, а с точки зрения её сущностных свойств. Нам представляется, что такой подход может сделать её изучение более объективным, методически обоснованным. Из гипотезы логично вытекают две задачи данной работы. Первая задача – подтверждение или опровержение гипотезы с помощью статистических методов исследования массива информации. Вторая – поиск маркеров,

позволяющих с помощью лингвистического анализа определить принадлежность пропагандистских материалов к одной из двух разновидностей пропаганды. Предположительными маркерами могут являться, например, различия в языковом стиле – наличие большего количества терминов, характерных для научно-популярного стиля в рациональной пропаганде или наличие идеологем, повторяющихся элементов, направленных на автоматическое заучивание в эмоциональной пропаганде. Смена попыток убедить с помощью рациональных доводов на апеллирование к гордости, справедливости, правде так или иначе должна была отразиться на уровне грамматики.

Тема советской пропаганды, во всяком случае в её организационной и, в некоторых случаях, тематической части, рассмотрена достаточно подробно, например В.С. Измоzikом или А.В. Фатеевым [Измоzik и др. 2010; Фатеев 1999]. В рамках же подхода, близкого к нашему, можно отметить работу О.И. Григорьевой, в которой делается интуитивное предположение о направленности коннотаций образа Германии в 1939 г., точнее изменений этой направленности [Григорьева 2008]. Однако автор не проводит исследований, которые могут подтвердить или опровергнуть это утверждение, ограничиваясь лишь оценкой тематики статей, а не их содержимого. Также ряд работ рассматривает отдельные, заранее выбранные идеологемы, что, на наш взгляд, несколько снижает объективность исследования и делает его нарративным [Быстров 2009; Корнев 2006; Горяев 2002; Володина 2002]. С точки зрения методологии нужно отметить работу «The rise and fall of rationality in language», изучающую на всем доступном корпусе английского языка с 1850 по 2019 год изменение частотности различных слов [Scheffer 2021]. Целью работы авторы ставят оценку увеличения или уменьшения рационального мышления в англоязычном обществе указанного периода. Работы, относящиеся к общим принципам обработки естественного языка были использованы при планировании и осуществлении работы с корпусом статей «Правды» [Большакова 2017; Васильев 2021; Сулименко 2009]. Перейдем к описанию использованных методов выбора, обработки и анализа данных. Газета «Правда» была выбрана как один из центральных органов печатной пропаганды рассматриваемого периода с доступными сканами приемлемого качества. Для исследования были выбраны около 500 статей определенной тематики, примерно равномерно распределенных по шести годам: 1924, 1926, 1932, 1936, 1940 и 1947 гг.

Сплошной анализ содержания «Правды» не был выбран по двум основным причинам. Во-первых, при сплошном анализе содержания газеты мы не будем уверены в том, что сравниваем сравнимое. Год от года по естественным причинам менялось тематическое содержимое газеты – сравнивать бесконечные письма тов. Сталину в «Правде» 1940-х гг. с компанией по борьбе с беспризорностью 1920-х гг. не представляется логичным. Сравнить, как нам представляется, необходимо статьи одной тематики – достаточно устойчивой, неизменной, которая присутствует во всех периодах. Были выбраны статьи, посвященные постройке, разработке или внедрению чего-то нового – будь то завод, способ производства или сельскохозяйственная технология, то есть любых достижений в экономике, исключая повторяющиеся с постоянной периодичностью вроде соц. соревнований. Во-вторых, использованное OCR Yandex vision хотя и дало сравнительно высокий процент распознанных слов (от 75 % до 95 %) в зависимости от качества сканов) по сравнению с другими OCR – FineReader, Cloud vision API от google и tesseract OCR, но, как и они, столкнулось со сложностями в распознавании структуры страниц и статей «Правды». В значительном количестве случаев (более 50 % для газет до 1940 г.) статьи из нескольких колонок читаются OCR как статьи, состоящие из одной колонки, а для корректного чтения требуется ручная предобработка скана статьи или страницы. С этим фактом связано относительно небольшое количество статей и выборка только шести лет из всего сталинского периода.

В целом, помимо проблемы с неуловимыми для компьютерного зрения границами колонок, остальной процесс обработки был полностью автоматизирован – распознавание,

подсчет, формирование таблиц частоты встречаемости слов и словосочетаний. Также частично был автоматизирован и процесс анализа, например, библиотека Python `rumorphy2` позволяет автоматически исключить из статистического подсчета служебные части речи и привести все слова к нормализованному виду.

Результат, который мы получили для каждого слова или словосочетания можно условно отнести к одному из трёх вариантов: 1) слова, имеющие постоянную частоту или незначительные колебания. Для таких можно применить подход, аналогичный [Sheffer 2021], то есть попытаться распределить на противоположные по какому-либо признаку группы; 2) слова, присутствие которых можно объяснить историческим процессом – хорошо изученными в историографии процессами появлением новых явлений и ухода старых. Эти слова напрямую относятся к происходившим явлениям или процессам, часто являются их названиями. Мы просто комментируем эти факты, служащие подтверждением корректности нашей выборки в том смысле, что она соответствует историческому процессу развития; 3) слова, присутствие которых нельзя явно связать с появлением новых явлений или процессов. Именно в этой группе мы пытаемся обнаружить маркеры смены парадигмы советской пропаганды.

Начнем с результатов для одиночных слов. Для наглядности мы приводим небольшие выборки из общей таблицы, на которые ссылаемся при анализе. Общую таблицу для одиночных слов, а также таблицы для словосочетаний можно найти по ссылке. Указано число встречаемости в 50000 слов. В табл. 1 мы приводим часть наиболее часто встречающихся слов из первой группы, которые мы распределили на означающие сами достижения в экономике (завод и далее) и на описывающие отношение к этим достижениям (новый и далее). Во всех рассматриваемых годах в статьях преобладают описания конкретных достижений: создание новых заводов, машин, повышение качества. Да, абстрактные описания – дать, задача, результат, присутствуют в сравнимом количестве, но это количество постоянно для всех периодов и, вероятно, соответствует языковому стилю того времени. Статьи о достижениях промышленности схожи в своей лексической основе, но кардинально стиль и не мог поменяться.

Таблица 1. Часто встречающиеся слова

Слово	1924	1926	1932	1936	1940	1947	Сумма
завод	222	169	719	411	444	467	2432
промышленность	239	216	140	136	120	129	980
машина	72	44	131	125	184	90	646
выпуск	42	24	57	57	32	110	322
качество	42	32	101	57	51	15	298
чугун	29	5	96	32	35	23	220
метод	8	14	8	43	54	58	185
трактор	17	72	43	17	45	63	257
новый	127	137	308	280	396	267	1515
дать	49	76	137	125	93	66	546
задача	34	81	74	25	32	38	284
количество	64	44	26	57	35	23	249
рост	21	95	74	17	6	33	246
результат	0	42	65	35	38	41	221
возможность	38	40	39	21	48	33	219
развитие	42	84	26	14	19	31	216
закончить	16	12	30	46	50	56	210
успех	25	19	17	21	12	78	172
срок	25	11	38	25	22	50	171
использовать	12	14	47	24	28	11	136

В табл. 2 мы представили интересные закономерности, которые, однако, хорошо известны. Тем не менее получение их нашим «непреднамеренным» способом более объективно. «Госплан» и термины, относящиеся к рыночной экономике, встречаются в период НЭПа, как и заимствование технологий, маркером которого для статей нашей тематики является слово «заграничный». Можно увидеть начало появления в языке идеологем, содержащих слова: «обязательства», «нормы», «проценты» «выполнить» и «досрочный», момент повышения внимания к колхозным достижениям и появления пятилеток. Видно внимание к массовой электрификации в 1920-х гг. и восстановлению электроснабжения на присоединенных или освобожденных территориях в 1940-е гг. Во время индустриализации отсутствовал интерес к новшествам в деревне, кустарное производство было свернуто, а синдикаты сменили форму организации.

Таблица 2. Идеологемы

Слово	1924	1926	1932	1936	1940	1947	Сумма
госплан	72	61	0	0	0	4	137
рынок	79	48	0	0	0	0	127
торговый	93	28	26	0	6	0	153
заграничный	59	13	17	7	0	0	96
синдикат	21	30	0	0	0	0	51
кустарный	47	7	0	0	0	0	54
кредит	59	57	0	0	16	0	132
норма	0	5	0	7	16	68	96
колхоз	0	0	0	43	48	137	228
процент	34	15	13	32	29	151	274
выполнить	34	7	30	25	19	231	346
досрочный	0	0	8	0	0	116	124
обязательство	0	0	0	0	0	84	84
пятилетка	0	0	65	7	35	54	161
электрификация	81	47	8	0	12	17	165
довоенный	55	35	0	0	0	26	116
деревня	55	47	0	0	12	14	128

Перейдем к тем фактам, которые, на наш взгляд, можно считать доказательствами смены парадигмы советской пропаганды. В табл. 3 представлены слова, изменение частоты употребления которых нельзя связать с изменениями в обществе или экономике: 1) замена употребления термина «общество» на «народ» и «коллектив» представляется следствием изменения отношения к населению со стороны пропаганды: «общество» имеет субъектные качества, может иметь различные мнения, самостоятельность. «Народ» и «коллектив» в советском дискурсе скорее объекты, принимающие или выполняющие решения партии; 2) совокупное употребление близких к научно-популярному стилю «вопрос», «управление», «данные», «недостаток» и «анализ» снижается к 1940-м гг. Без использования научного аппарата невозможно объяснить что-либо на рациональном уровне, возможно только убедить. Вместо них в 1947 г. появляется прилагательное «великий», подчеркивая достижения советской экономики.

Перейдем к следующему подходу – анализу наиболее распространенных сочетаний из двух и трех слов, который с точки зрения исторического исследования соответствует поиску различных идеологем, а с точки зрения лингвистики – поиску коллокаций. В нашем исследовании мы опускаем вопрос, случайно ли находятся рядом два слова, так как используем тематическую выборку. С помощью данного подхода мы можем проследить возникновение и изменения частоты использования тех или иных устойчивых словосочетаний (табл. 3).

Таблица 3. Частотность

Слово	1924	1926	1932	1936	1940	1947	Сумма
общество	81	22	0	0	0	0	103
коллектив	0	0	26	21	42	132	221
народ	0	3	0	0	6	49	58
великий	0	0	16	0	0	79	95
вопрос	111	126	21	17	12	6	293
управление	111	15	13	57	0	7	203
данные	55	45	0	7	0	19	126
недостаток	0	39	8	0	0	7	54
анализ	0	3	39	10	0	0	52

При анализе мы вычисляли частоту всех пар слов из нашей выборки, что позволяет избежать субъективности при, например, ручном подсчете встречаемости определенных идеологем. В табл. 4 приведены наиболее встречаемые словосочетание после использования автоматического удаления служебных частей речи и нормализации форм слова. Для данной цели использовался модуль `rumorphy2`.

Таблица 4. Частотность словосочений (в таблице не совпадает количество слов в сумме)

Word1	Word2	1924	1926	1932	1936	1940	1947	Сумма
выполнить	план						42	45
выполнить	досрочно	0	0	1	0	1	28	30
социалистический	соревнование	0	0	0	1	0	15	16
годовой	задание	0	0	0	0	0	10	10
корр	правда	0	0	0	25	24	79	128
сталин	товарищ	0	0	0	3	2	45	50
текстильный	промышленность	2	10	1	0	3	1	17
металлургический	завод	1	1	4	1	10	5	22
сельский	хозяйство	14	35	0	2	2	16	69
труд	оборона	0	10	0	0	0	0	10

При рассмотрении словосочетаний становятся лучше видны моменты начала использования различных идеологем: «выполнить план», «выполнить досрочно», «годовое задание», «социалистическое соревнование» – которое попало в нашу выборку несмотря на то, что мы избегали статей на эту тему. Сам по себе факт появления новых устойчивых сочетаний уже говорит об изменениях в пропаганде. Показательно и практически полное отсутствие подобных устойчивых сочетаний в статистике всех остальных лет. Это говорит об отсутствии до определенного момента обязательных для включения в освещение событий шаблонов и сакральных фраз.

Сочетания, характерные для 1920-х гг. и отсутствующие в более поздних периодах – «финансовый план», «госплан СССР», «хозяйственный год», «основной капитал», «внутренний рынок», а также ряд других – состоят в основном из нейтральных экономических терминов и связаны с экономическими реформами и особенностями этого периода. Словосочетание «труд оборона», связанное с темой нахождения страны в окружении врагов и постоянной угрозы войны появляется в 1926 г. Интересно, что слово оборона отсутствует в устойчивых парных сочетаниях после 1920-х годов, однако это может быть лишь следствием выбранной нами тематики. Интересную особенность представляет собой встречаемое с 1936 г. словосочетание «корр. «Правды». Ни одна статья из нашей выборки после 1936 г. не содержит идентификатора автора. До середины 1930-х гг. безличная подпись «наш корр.» тоже встречается (не в статьях нашей тематики), но часто статьи подписаны фамилией, инициалами или псевдонимом. Может ли это свидетельствовать о постепенном превращении периодической печати в обезличенную

машину пропаганды, вырождения профессии журналиста в некую разновидность, если использовать современный термин, копирайтера? С нашей точки зрения, при смене парадигмы советской пропаганде перестали быть нужными яркие, харизматичные агитаторы и авторы, которыми были полны ряды старых большевиков. «Товарищ Сталин» появляется в статьях выбранной нами тематики только в 1947 г., видимо в 1940 г. ещё не все сферы общественной жизни связывали любую свою активность с руководителем государства.

Обращает на себя внимание соотношение словосочетаний, относящихся к различным отраслям промышленности. Сельское хозяйство чаще встречается в 1920-х гг. и послевоенном 1947 г., легкая промышленности только в 1920-х гг., а тяжелой и машиностроения появляется с 1930-х гг., что совпадает с приоритетными направлениями развития в соответствующие периоды. Некоторые устойчивые сочетания из трёх слов (табл. 5) аналогичны сочетаниям из двух: «выполнить годовой план» и «досрочное выполнение плана» – это самые часто встречаемые сочетания во всей выборке. Размер нашей выборки дал нам не очень много словосочетаний из трех слов. Можно отметить появление сравнений с прошлым, вероятно подчеркивающее текущие успехи: «период прошлое год» и «сравнение прошлое год». Есть и равномерно распределенные словосочетания, посвященные тематике наших статей: «последний слово техники» и «повышение производительности труда».

Таблица 5. Устойчивые словосочетания (в таблице не совпадает количество слов в сумме)

Word1	Word2	Word2	1924	1926	1932	1936	1940	1947	Сумма
выполнить	годовой	план	0	0	0	0	1	7	28
досрочный	выполнение	план	0	0	0	0	0	0	10
сдача	хлеб	государство	0	0	0	0	0	6	6
период	прошлое	год	0	0	0	0	0	1	11
сравнение	прошлое	год	0	1	0	1	1	6	9
повышение	производительность	труд	0	2	1	0	0	5	8
последний	слово	техника	0	2	2	0	1	2	7

При использовании на порядок большего корпуса: не пятьсот, а пять или пятьдесят тысяч статей, интересно было бы посмотреть на, например: соотношения граммем прошлого, будущего и настоящего времени, единственного и множественного числа, положительных или отрицательных прилагательных, специальных технических терминов. Статистика по устойчивым сочетаниям из трех слов также была бы более информативной. Данный вопрос пока что упирается в необходимости частично ручной обработки данных. В результате анализа полученных данных было выявлено несколько закономерностей, которые с определенной уверенностью можно отнести к маркерам различных видов пропаганды – рациональной и эмоциональной. К прочим положительным результатам работы необходимо отнести возможность точного воспроизведения разработанного метода исследования как на тех же данных, так и на схожих корпусах данных. Все входные и выходные данные исследования, а также использованные алгоритмы обработки информации, доступны для ознакомления.

Заключение

В заключении хотел добавить, что пропаганда не рассматривается нами как нечто однозначно негативное. Мы согласны с позицией В.С. Измозика, которая относит механизм государственной пропаганды к одному из естественных явлений, существующих у любого государства в том или ином виде [Измозик 1997: 33–35]. Однако, все же стоит признать, что пропаганда бывает разной, как минимум с точки зрения своих свойств, и наша работа, посвящена поиску и апробации некоторых подходов к изучению данной темы.

Наша работа с точки зрения исторического компонента исследования была направлена на создание возможности отследить момент появления сталинской пропаганды, причем сделать это объективно. Мы получили некоторые позитивные результаты, но эта задача требует дальнейшей проработки и изучения и с точки зрения методологии, и с точки зрения соотнесения результатов исследования с историографией.

Список источников

1. Правда. Орган центрального комитета и МК ВКП(б). 1924. №№ 1–297.
2. Правда. Орган центрального комитета и МК ВКП(б). 1926. №№ 1–303.
3. Правда. Орган центрального комитета и МК ВКП(б). 1932. №№ 1–361.
4. Правда. Орган центрального комитета и МК ВКП(б). 1936. №№ 1–360.
5. Правда. Орган центрального комитета и МК ВКП(б). 1940. №№ 1–362.
6. Правда. Орган центрального комитета и МК ВКП(б). 1947. №№ 1–350.

Список литературы

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
2. Большакова Е.И., Воронцов К.В., Ефремова Н.Э., Клышинский Э.С., Лукашевич Н.В., Сапин А.С. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. 269 с.
3. Быстров Н.П. Идеологема «фашизм» в советской публицистике 1920-х – начала 1950-х гг.: автореф. дис. ... к. филол. н. М., 2009. 26 с.
4. Васильев Ю. Обработка естественного языка. Python и spaCy на практике. СПб.: Питер, 2021. 256 с.
5. Володина Н.А. Идеологема коллективизма и ее внедрение в массовое сознание в 1930-е гг.: автореф. дис. ... к. и. н. Пенза, 2002. 21 с.
6. Голубев А.В. Запад глазами советского общества: (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104–121.
7. Григорьева О.И. Эволюция образа Германии в советской пропаганде: автореф. дис. ... к. и. н. М., 2008. 29 с.
8. Измозик В.С. Политический контроль в Советской России. 1918–1928 гг. // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 32–53.
9. Измозик В. С., Старков Б. А., Павлов Б. А., Рудник С.Н. Подлинная история РСДРП-РКПб-ВКПб. Краткий курс. СПб.: Питер, 2010. 496 с.
10. Корнев М.С. Идеологема «кулак» в советской пропаганде: на материалах газет «Правда» и «Известия»: автореф. дис. ... к. филол. н. М., 2006. 22 с.
11. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа. М.: Флинт, 2009. 400 с.
12. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде 1945-1954 гг. М.: Издат. центр Инст. рос. истории РАН, 1999. 261 с.
13. Scheffer M. The rise and fall of rationality in language. PNAS, 2021. С. 1–8.

List of sources

1. Pravda. Organ tsentral'nogo komiteta i MK VKP(b) [Truth. Body of the Central Committee and MC of the CPSU(b)]. 1924, no. 1-297. (In russ.).
2. Pravda. Organ tsentral'nogo komiteta i MK VKP(b) [Truth. Body of the Central Committee and MC of the CPSU(b)]. 1926, no. 1-303. (In russ.).
3. Pravda. Organ tsentral'nogo komiteta i MK VKP(b) [Truth. Body of the Central Committee and MC of the CPSU(b)]. 1932, no. 1-361. (In russ.).
4. Pravda. Organ tsentral'nogo komiteta i MK VKP(b) [Truth. Body of the Central Committee and MC of the CPSU(b)]. 1936, no. 1-360. (In russ.).
5. Pravda. Organ tsentral'nogo komiteta i MK VKP(b) [Truth. Body of the Central Committee and MC of the CPSU(b)]. 1940, no. 1-362. (In russ.).

6. Pravda. Organ tsentral'nogo komiteta i MK VKP(b) [Truth. Body of the Central Committee and MC of the CPSU(b)]. 1947, no. 1-350. (In russ.).

References

1. Aronson E., Pratkanis E. Epokha propagandy: Mekhanizmy ubezhdeniia, povsednevnoe ispol'zovanie i zlupotreblenie [The Age of Propaganda: Mechanisms of Persuasion, Everyday Use and Abuse]. St. Petersburg, Praim-Evroznak, 2003, 384 p. (In russ.).
2. Bol'shakova E.I., Vorontsov K.V., Efremova N.E., Klyshinskii E.S., Lukashevich N.V., Sapin A.S. Avtomaticheskaiia obrabotka tekstov na estestvennom iazyke i analiz dannykh [Automatic natural language processing and data analysis]. Moscow, Izd-vo NIU VShE, 2017, 269 p. (In russ.).
3. Bystrov N.P. Ideologema «fashizm» v sovetskoii publitsistike 1920-kh – nachala 1950-kh gg. [The ideologeme "fascism" in Soviet journalism of the 1920s - early 1950s]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Moscow, 2009, 26 p. (In russ.).
4. Vasil'ev Iu. Obrabotka estestvennogo iazyka. Python i spaCy na praktike [Natural language processing. Python and spaCy in practice]. St. Petersburg, Piter, 2021, 256 p. (In russ.).
5. Volodina N.A. Ideologema kollektivizma i ee vnedrenie v massovoe soznanie v 1930-e gg. [The ideology of collectivism and its introduction into the mass consciousness in the 1930s.]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Penza, 2002, 21 p. (In russ.).
6. Golubev A.V. Zapad glazami sovetskogo obshchestva: (Osnovnye tendentsii formirovaniia vneshnepoliticheskikh stereotipov v 30-kh godakh) [The West through the eyes of Soviet society: (The main trends in the formation of foreign policy stereotypes in the 30s)]. *Otechestvennaia istoriia*. 1996, no. 1, pp. 104-121. (In russ.).
7. Grigor'eva O.I. Evoliutsiia obraza Germanii v sovetskoii propagande [The evolution of the image of Germany in Soviet propaganda]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Moscow, 2008, 29 p. (In russ.).
8. Izmozik V.S. Politicheskii kontrol' v Sovetskoii Rossii. 1918-1928 gg. [Political control in Soviet Russia. 1918–1928]. *Voprosy istorii*. 1997, no. 7, pp. 32-53. (In russ.).
9. Izmozik V. S., Starkov B. A., Pavlov B. A., Rudnik S.N. Podlinnaia istoriia RSDRP-RKPb-VKPb [The true history of the RSDLP-RKPb-VKPb]. St. Petersburg, Piter, 2010, 496 p. (In russ.).
10. Kornev M.S. Ideologema «kulak» v sovetskoii propagande: na materialakh gazet «Pravda» i «Izvestiia» [Ideologeme "fist" in Soviet propaganda: on the materials of the newspapers "Pravda" and "Izvestia"]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Moscow, 2006, 22 p. (In russ.).
11. Sulimenko N.E. Tekst i aspekty ego leksicheskogo analiza [Text and aspects of its lexical analysis]. Moscow, Flint, 2009, 400 p. (In russ.).
12. Fateev A.V. Obraz vruga v sovetskoii propagande 1945-1954 gg. [The image of the enemy in Soviet propaganda 1945-1954.]. Moscow, Izdat. tsentr Inst. ros. istorii RAN, 1999, 261 p. (In russ.).
13. Scheffer M. The rise and fall of rationality in language. *PNAS*, 2021. C. 1–8.

Информация об авторе

Г.Е. Константинов – ассистент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

G.E. Konstantinov – Assistant of the Department of National and Universal History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 18.03.2022; принята к публикации 20.05.2022

The article was submitted 12.02.2022; approved after reviewing 18.03.2022; accepted for publication 20.05.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 31–40.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 6. P. 31-40.

Научная статья

УДК 94(411).08

doi: 10.24412/2713-0231- 2022-6-31-40

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ ЛИБЕРАЛОВ ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Олег Олегович Бойко

Донецкий национальный университет, Донецк, ДНР, boykooleg9059@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция формирования либеральных принципов в британской политике в XIX– начале XX вв.; охарактеризованы особенности появления разногласий по внешнеполитическим вопросам среди либеральных фракций; проанализировано выражение этих внешнеполитических разногласий через конкретные примеры и их влияние на курс государства. Либеральная партия Великобритании представляла собой сочетание различных фракций. Либерал-империалисты выражали интересы части либеральной буржуазии, которые были заинтересованы в широкой колониальной экспансии и активной империалистической политике в Европе. Автор акцентирует внимание на приверженности либерал-империалистической фракции и руководства партии агрессивной внешней политике, но с учетом некоторых принципов традиционного либерализма. Незначительное число либералов представляли крупный имущественный слой, но благодаря влиянию в высших кругах получили возможность определять вектор движения Британии. В статье подчеркивается факт сосредоточенности либерал-империалистов на колониальных и внешнеполитических проблемах в противовес либерал-радикалам и либерал-нейтралистам. Несмотря на большинство в партии, мало кто из последних имел весомое положение в высшем обществе и, соответственно, влияние на курс партии. Практически во всех внешнеполитических вопросах их мнение не сходилось с нейтралитами и либерал-империалистами. В первую очередь, они выражали мнения среднего класса и были уверены в необходимости смещения акцента на внутренние вопросы. Стоит особо отметить, что помимо влияния непосредственно либеральных взглядов на либерал-радикалов по вопросам империалистических войн, не меньшую роль играли и личные мотивы. Частью фракции либерал-радикалов были либерал-нейтралисты, состав которых постоянно менялся. Важно подчеркнуть, что представители этого крыла не имели четких программ и были непоследовательны по внешнеполитическим вопросам. Таким образом, в статье прослеживается и анализируется конфликт фракций, заложенный в самой основе либеральных принципов, а также специфические особенности внешнеполитических взглядов в либеральной партии.

Ключевые слова: либерал-империалисты, либерал-радикалы, Либеральная партия Великобритании, внешняя политика, Британская империя.

Для цитирования: Бойко О.О. Внутрипартийные разногласия либералов по внешней политике Великобритании в конце XIX – начале XX века // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 31–40. <https://doi.org/10.24412/2713-0231- 2022-6-31-40>

Original article

INNER-PARTY DISAGREEMENTS OF LIBERALS ON THE FOREIGN POLICY OF GREAT BRITAIN IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Oleg O. Boyko

Donetsk National University, Donetsk, DPR, boykooleg9059@gmail.com

Abstract. The article considers the evolution of the formation of liberal principles in British politics in the 19th and early 20th centuries; the features of the emergence of disagreements on foreign policy issues among the liberal factions are characterized; the expression of these foreign policy disagreements through concrete examples and their influence on the course of the state are analyzed. The Liberal Party of Great Britain was a combination of various factions. The liberal-imperialists expressed the interests of a section of the liberal bourgeoisie who were interested in broad colonial expansion and an active imperialist policy in Europe. The author focuses on the commitment of the liberal-imperialist faction and the leadership of the party to an aggressive foreign policy, but taking into account some of the principles of traditional liberalism. A small number of liberals represented a large property stratum, but thanks to influence in the highest circles, they were able to determine the direction of Britain's movement. The article emphasizes the fact that the liberal imperialists are focused on colonial and foreign policy problems, as opposed to the liberal radicals and liberal neutralists. Despite the majority in the party, few of the latter had a significant position in high society and, accordingly, influence on the course of the party. In practically all foreign policy issues, their opinion did not agree with the neutralists and liberal-imperialists. First of all, they expressed the opinions of the middle class and were convinced of the need to shift the focus to domestic issues. It is worth noting that in addition to the influence of directly liberal views on the liberal-radicals on the issues of imperialist wars, personal motives played no less a role. Part of the faction of liberal radicals were liberal neutralists, whose composition was constantly changing. It is important to emphasize that the representatives of this wing did not have clear programs and were inconsistent on foreign policy issues. Thus, the article traces and analyzes the conflict of factions, which is at the very basis of liberal principles, as well as the specific features of foreign policy views in the liberal party.

Keywords: liberal-imperialists, liberal-radicals, British Liberal Party, foreign policy, British Empire.

For citation: Boyko O.O. Inner-party disagreements of Liberals on the foreign policy of Great Britain in the late XIX – early XX centuries. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;6:31-40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-31-40>

Введение

Слово «либерализм» было активно введено в оборот в политических кругах Великобритании только в 1820-х гг. Британский философ и историк Р. Гойс утверждал, что до 1760-х гг. быть «либеральным» и демонстрировать «либеральность», в первую очередь, ассоциировалось с проявлением благотворительности, но впоследствии эти понятия все чаще стали относить к непредубежденности [Geuss 2001: 25–26]. Сторонники широких взглядов и диссентеры, настаивавшие на большей терпимости в 1770-х гг., были особенно близки к «либеральному» языку и первыми выдвинули идею о том, что «либеральность чувств» является необходимым дополнением к плюрализму, порождаемому правом на частное суждение [Craig 2019]. Р. Гойс, используя генеалогический подход, делает вывод, что «либерализм» всегда означал набор расплывчатых «убеждений, обязательств, забот» и «случайных сочетаний плохо определенных понятий и полусформулированных теоретических фрагментов», которые по-разному воплощаются в социальных движениях и институциональных формах [Geuss 2001: 31–32].

Эта особенность на протяжении всей истории либеральной партии оказывала влияние на её сплоченность. В результате политических кризисов в США, Индии и Ирландии в 1760–1780 гг. произошел первый культурный сдвиг и расширился контекст для понимания «либерального» языка. Быть «либералом» означало непредвзято относиться к новым идеям и новым реформам, и в этом смысле, его можно было принять независимо от политической принадлежности. Только с середины 1790-х гг. антиякобинцы стали концентрируются на этой терминологии, утверждая, что щедрость – коварна, потому что под прикрытием добродетели она питает безразличие, которое позволяет врагам религии торжествовать [Pitts 2010: 29]. Взгляды на внутреннюю политику Великобритании уже в раннем либерализме тесно переплеталась с внешнеполитическими амбициями.

В частности, в начале XIX в. большая часть либералов опиралась на политическую экономию колонизации Д.С. Милля, которая была сформирована в результате двух пересекающихся дискуссий. Первая касалась материальных выгод и бремени колонизации,

вторая была сосредоточена на том, как лучше всего реагировать на социальные и политические потрясения, охватившие Британию после поражения Наполеона в 1815 г. [Ibid.: 42].

Таким образом, в 1820-х и 1830-х гг. все большее число мыслителей, включая У. Нассау, Р. Торренса и Г. Меривейла, стали рассматривать возможности во внешней политике, в частности колонии, в более позитивном свете, как потенциальные места экономической производительности и цивилизационного потенциала. Британский философ и политический деятель Д.С. Милль утверждал, что колонизация была самым важным фактором в прогрессивном развитии рабочего класса [Ibid.: 42–44]. В своих трудах он также делал акцент на универсальных преимуществах колонизации, а также на геополитических и моральных аргументах. Внутренние проблемы могли быть решены с помощью возможностей внешней политики. Западные историки, оценивая труды Э.С. Милля, подчеркивают грубый и неприятный взгляд Милля на «отсталую» Индию, его одобрение «деспотизма» над «варварами» и его веру в то, что европейцы не имеют никаких обязательств по закону наций перед обществами за пределами цивилизованной Европы; другие защищали его «толерантный» империализм [Tunick 2006].

Следовательно, к середине XIX в. приверженцы классической традиции, предполагавшей, что либерализм с его приверженностью равенству и самоуправлению должен быть антиимпериалистическим, все чаще стали утверждать, что, напротив, империалистическое «побуждение является внутренним» для либерализма, что самой структуре либерального рационализма присуща «склонность к колониальному господству» [Berlin 1991]. Тем не менее, Миллианский либерализм, каким бы влиятельным он ни был, не охватывал всей позиции британского либерализма по отношению к империи во второй половине XIX в.

Основная часть

В сущности, империализм был неотъемлемой частью либеральной политической теории, ее стимулирующих концепций и идей. Английский историк Дж. Пэрри утверждает, что либерализм XIX в. пытался сохранить власть состоятельной, но социально разнообразной, рациональной и цивилизованной элиты, полагая, что это – лучшее средство для экономического и справедливого управления государством [Parry 1994: 72–73]. Из-за широкой поддержки населением с виду гуманной внешней и религиозной политики, а также из-за гибких, иногда циничных навыков либеральных лидеров, Либеральная партия приобрела свою популярность. Важно подчеркнуть, что уже на момент своего образования в 1859 г. в составе партии находились лидеры вигов, пилитов и радикалов [Parry 1994: 81–82]. Решающей датой, когда Викторинская либеральная партия оформилась в рамках «либеральной теории», был 1868 г. Теоретический анализ литературы показывает, что это была не столько партия в современном смысле этого слова, сколько свободный союз групп, придерживающихся самых разных политических взглядов и сильно отличающихся по социальному происхождению.

Таким образом, уже в начале своего существования либеральная партия представляла собой уникальную коалицию вигов, бизнесменов среднего класса, религиозных диссидентов, некоторых ирландских членов парламента, передовых философских радикалов и того, что осталось от пилитовского контингента в парламенте. Именно такое разделение представляло собой наиболее очевидный и потенциальный раскол внутри политической коалиции, составлявшей либерализм до конца XIX в. Разделение на вигов и радикалов и нейтральных всегда было связано как с социальным происхождением, так и с политической идеологией. Крупные семейные группировки вигов – такие фамилии, как Портленд, Аргайл и Девоншир – составляли традиционное аристократическое ядро партии. Либерализм этих крупных землевладельцев был в гораздо большей степени продуктом традиций, лояльности и истории, чем какой-либо конкретной программы или набора принципов [Purdue 1981: 5–6].

Однако несмотря на свой врожденный консерватизм, виги-гранды сыграли решающую роль в либерализме девятнадцатого века. Их важность заключалась не в их численности (хотя они составляли большую и важную группу в Палате лордов), и не в их огромном богатстве, а скорее в их доминировании на ключевых постах в либеральных министерствах [Pitts 2010: 54–55]. Именно виги в гораздо большей степени, чем радикалы, занимали жизненно важные посты в кабинете Гладстона.

Необходимо отметить, что часть причин разногласий, которые преследовали либерализм и в начале XX в., можно найти в том, как он был преобразован в официальное политическое движение в 1860-1870-х гг. Раскол был естественным состоянием Либеральной партии на протяжении всей истории. Союз таких разных типов личностей, как Пальмерстон, лорд Джон Расселл, Гладстон и Роберт Лоу, вряд ли можно считать уравновешенным сочетанием. Смешение строгих сторонников невмешательства, таких как Дж. Брайт, и зарождающихся коллективистов, таких как Д. Чемберлен, и пацифистов, таких как Р. Кобден, и шовинистов, таких как У. Пальмерстон, гарантировано создавало структурные трудности [Rossi 1978: 63–64]. Однако серьезные вопросы, по которым мнения разных фракций сходились, на некоторое время объединяли партию.

Высказанные ранее суждения о разрозненности позиций либеральных фракций по внешней политике подтверждаются фактами и в 1880-х гг. Лишь благодаря принятием лидером либералов Гладстоном как минимум радикальной риторики, как максимум радикальной программы, дали большинству радикалов повод оставаться лояльными партии [Ibid.: 69]. Внешняя политика Дизраэли оскорбила чувство справедливости и морали нонконформистов и стала еще более ужасной в их глазах в конце 1878 и начале 1879 гг., когда в Афганистане и Южной Африке были развязаны две колониальные войны. Это заставило их вернуться и снова поддерживать либеральную партию. Различные фракции партии не были разделены по этим вопросам, как это было по Восточному вопросу, все фракции были в целом согласны с тем, что эти колониальные конфликты были как аморальными, так и политически катастрофическими. Но ирландский контингент в партии был разочарован политикой правительства в отношении Ирландии, поэтому они не поддерживали либеральные взгляды на внешнюю политику [Ibid.: 73].

Все эти факты подводят к выводу, что прослеживается некая тенденция к тому, что при наличии вопросов, вокруг которых различные фракции в Либеральной партии могли бы сплотиться, как, например, объединение Италии или ликвидация Ирландской церкви, возникала возможность доминировать в политической жизни страны. Если же появлялись проблемы, разделявшие эти фракции, либералы сразу же раскалывались на части.

С середины 1880-х гг. Либеральная партия столкнулась с глубоким кризисом, вызванным упорным стремлением ее лидеров решить ирландский вопрос любой ценой. Это привело к расколу в 1886 г., который сильно ослабил либералов [Dossa 2002: 741]. Сама потеря воплотилась, прежде всего, в отделении некоторых влиятельных радикалов под руководством Д. Чемберлена. Их отделение было напрямую связано с потерей их довольно провокационного политического потенциала. Большинство вигов присоединились к Чемберлену и основали партию Либеральных юнионистов, которая уже в 1887 г. начала сотрудничать с консерваторами непосредственно на уровне кабинета министров [Dossa 2002: 742]. Идеалистический религиозный характер Гладстона расходился с либеральным мейнстримом и привел в 1886 г. к уничтожению партии, как естественного правящего органа в Англии [Parry 1994: 85]. Он пытался сдержать империалистическую фракцию и не допустить расходов на военно-морское соперничество с Германией, а также от уступок России. Розбери при нем продолжал политику сближения с Тройственным союзом. Американский историк Д. Рой приходит к выводу, что если у пришедшего после Гладстона Розбери и была какая-то политика, то она была националистической и существенно не отличалась от политики Тори [Jenkins 2001].

По мнению американского историка Д. Роя, граф Розбери, был наименее удовлетворительным из всех либеральных премьер-министров, он был чрезвычайно эгоистичен и отклонился во взглядах вправо, защищая империализм [Ibid.]. После ухода Роузбери Либеральная партия была расколота на три фракции войной в Южной Африке. Следовательно, некоторые из причин разногласий внутри Либеральной партии в конце XIX в. были связаны с вопросами политики, а некоторые – с личным соперничеством между лидерами [Southgate 1962]. Либерал-радикальная фракция не поддерживала имперский внешнеполитический курс консерваторов и выступала против второй Англо-бурской войны, и считала важным придерживаться политики Малой Англии. Фактически они были выразителями мнений среднего класса и выступали против внешнеполитических взглядов земельной аристократии [Dossa 2002].

Либерал-империалисты требовали расширения колониальных владений и ратовали за сближение с Россией и Францией против агрессивной Германии. Они поддерживали консерваторов, считая, что только захватом территорий можно обеспечить развитие экономики страны. В рамках новой либеральной теории Э. Грей, Г. Асквит, Р. Холдейн были уверены в том, что экспансия не подрывает традиции либерализма, при этом же осуждали практику концлагерей и массовых убийств.

Либерал-пацифисты не всегда были против войны из-за своих либеральных взглядов. Например, взгляды радикала Д. Бернса против Англо-бурской войны, в первую очередь, были связаны с личным антисемитизмом: «...буры защищают свою землю не от вооруженной нации, отстаивающей правое дело, а от воинствующего капитализма, который использует наших солдат в качестве брокеров в форме, выгоняющих неправильных арендаторов в Южной Африке в интересах евреев...» [Feldman 1994: 158]. Лидер Либеральной партии Кэмпбелл-Баннерман осуждал «варварские» методы ведения Англо-бурской войны, но верил в свободную торговлю, поэтому боялся, что проигрышные действия могут привести к потере Британией суверенитета [Bernstein 1983: 107]. Лидер оппозиции У. Харкорт поддерживал Гладстона по вопросу о помощи армянам в войне с османами, при этом он перестал сдерживать уважение к либерал-империализму и активно критиковал идеи империалистов в период Англо-бурской войны [Pitts 2010].

Ситуация, сложившаяся в партии в конце XIX в., открыла достаточно пространства для молодого поколения. В начале 1890-х гг. на политической сцене появились люди, которые возглавляли партию в первые три десятилетия XX-го в. Среди них были такие выдающиеся личности, как Дэвид Ллойд Джордж, Герберт Генри Асквит, Огастин Биррелл, Ричард Бердон Холдейн, Эдвард Грей и Джеймс Брайс [Ему 1973: 21]. На них сильно повлияли идеи нового либерализма, которые исходили из философии неогегельянцев Т.Х. Грина и Д.Г. Ритчи. Они переосмыслили классические либеральные принципы, отказались от утилитаризма, как единственного аспекта социального прогресса, и сформулировали концепцию позитивной свободы. Их взгляды в вопросах империи, внешней политики и концепциях либерализма расходились с поколением гладстоновцев. Внутрипартийная борьба за пост лидера завершилась победой Генри Кэмпбелл-Баннермана. Он представлял определенный «сдвиг в прогрессе» среди либералов на рубеже веков [Skokan 2011: 35].

С одной стороны, он был верен классическому либерализму, с другой стороны, он был частично открыт для нового либерализма. Его отношение к Англо-бурской войне и его способность вести переговоры с многочисленными разногласиями внутри партии объединили и подготовили либералов к более конструктивной оппозиции против юнионистов в 1902–1906 гг. Возвращение британской пацифистки Э. Хобхаус в 1901 г. в Лондон положило начало напряженной дискуссии по этой проблеме. Ее отчет об условиях в лагерях потряс Кэмпбелла-Баннермана до такой степени, что он осудил практику британцев в Южной Африке как «методы варварства». Реакция на это выражение была немедленной и двоякой [Wilson 1973: 211]. С одной стороны, юнионисты и либеральные империалисты внутри Либеральной партии поддерживали политику кабинета консерваторов против буров и

отвергали критику либерального лидера, с другой стороны, были умеренные либералы и, так называемые, либерал-пацифисты (сторонники буров), придерживающиеся принципов Малой Англии, которые присоединились к мнению Кэмпбелла-Баннермана [Skokan 2011]. Хотя лидер либералов своими речами едва не вызвал очередной раскол в партии, сыграв на истощении британского общества войной, он создал тем самым предпосылки для будущего успеха партии [McCallum 1963]. Победа либералов в 1906 г. была основана, на политических ошибках юнионистов в отношении как внутренней, так и внешней политики.

Таким образом, можно констатировать, что все либеральные фракции несмотря на противоположные позиции по вопросам войны, в той или иной мере беспокоились о способности Британии конкурировать с другими державами, что подкреплялось неспособностью Британии быстро и решительно победить буров. Их приверженность инициативе поиска национальной эффективности требовала решительного изменения либеральной политики в пользу нового либерализма и адаптации его новых идей на практике. С этой точки зрения, кажется, что возрождение Либеральной партии после 1902 г. невозможно отделить от обмена поколениями с конца XIX в.

Новое либеральное поколение было готово ответить на новую ситуацию и ответить на потребности и вызовы эпохи. При этом было бы заблуждением утверждать, что смена поколений и принятие нового либерализма были единственными или наиболее важными причинами возрождения. На идеологическом уровне акцент консерваторов на колониальную политику, а не на европейскую, в частности на снижение роли свободной торговли по мнению либеральных кругов, был атакой на либеральную и викторианскую веру в способность отдельных людей самоутвердиться в жесткой конкуренции. Такого взгляда придерживались в этом контексте и либерал-радикалы, их позицию хорошо выразил Ллойд Джордж в речи в Либеральном клубе Кембриджского университета в мае 1903 г., когда он сказал: «Колониальная торговля составляет лишь четверть английской торговли; три четверти приходится на зарубежные страны. ... Собираемся ли мы закрыть наши двери перед клиентами, насчитывающими, по крайней мере, 250 миллионов человек? Это безумие» [Wilkinson 1900]. Схожий подход приняли либеральные империалисты. Создатели Либеральной лиги были уверены в необходимости решительной внешней политики, так как с помощью неё можно было решить внутренние проблемы. Однако Либеральная лига не была эффективна в отличие от либерал-радикалов, так как её члены не хотели ждать четких политических действий своего лидера. Ситуация зашла настолько далеко, что даже рассматривалась возможность воссоединения Либеральной партии и юнионистского крыла, которые критиковали предложение Чемберлена относительно необходимости выхода из дипломатической изоляции Британии и возможном союзе с Германией.

Однако оно не состоялось из-за различных мнений по вопросу, касающемуся руководства Либеральной партии. Хотя имперские предпочтения оставались самой важной темой до второй половины 1906 г. и, в некотором отношении, привели к значительному ослаблению позиций Бальфура в кабинете и к его отставке [Spender 1923]. В течение 1904–1906 гг. появился вопрос, который был тесно связан с послевоенным обновлением Южной Африки и помог укрепить вновь созданное единство Либеральной партии. Восстановление страны шло не так, как планировалось, и поэтому осенью 1903 г. владельцы золотых приисков в Руанде обратились к губернатору Трансвааля и колонии Оранжевого штата А. Милнеру с просьбой одобрить аренду достаточного количества индийских и китайских рабочих [Grigg 2002: 64]. До 1906 г. их число увеличилось до 50 000. Пацифистские активисты во главе с Э. Хобхаус снова передали информацию о ситуации в Британию. Таким образом, осенью 1905 г. обсуждаемые в обществе вопросы об образовании, имперских предпочтениях и рабстве ослабили позиции юнионистского правительства и усилили либеральную оппозицию [Ibid.].

На всеобщих выборах в январе 1906 г. британская либеральная партия одержала явную победу над юнионистами. Либералы получили 397 мест, их поддержали 29 депутатов-

лейбористов и 82 ирландских националиста. Юнионисты сократились до меньшинства всего в 156 человек, тогда как на предыдущих всеобщих выборах они получили целых 402 места [Skokan 2011: 6]. Значительный сдвиг в составе Палаты общин указывает на то, что произошли значительные изменения как в политической практике партий, так и в общественном восприятии политики. Этот сдвиг более очевиден из того факта, что Либеральная партия находилась в глубоком кризисе с 1886 г., а само возрождение произошло только в последние четыре года после окончания Англо-бурской войны [Ibid.: 7]. Это изменение связано с двумя основными явлениями – медленной сменой поколений с 1880-х гг. и постепенной реинтеграцией Либеральной партии, которая возникла из-за отсутствия темы, которая могла бы вызвать различные трения среди либералов.

Либерально-империалистическое крыло и лорд Розбери потеряли влияние на партийные структуры, и они больше не рассматривались, как угроза единству. Группа либерал-империалистов Р. Холдейн, Э. Грей и Х.Х. Асквит заключили пакт «Regulus Compact» цель которого заключалась в смещении Кэмпбелл-Баннерманна с поста руководителя партии при поддержке Солсбери и Бальфура [Wilson 1973]. Это бы дало возможность проводить захватническую внешнюю политику под эгидой новых либеральных ценностей. Бальфур ушел в отставку в надежде, что Либеральная партия снова раскололась, и поэтому сэр Генри Кэмпбелл-Баннерманн не сможет сформировать новое либеральное правительство [Rowland 1968: 112]. В случае такого развития событий Либеральная партия дискредитировала бы себя, а юнионисты выиграли бы объявленные всеобщие выборы. Однако он ошибался. Сэр Г. Кэмпбелл-Баннерманн не согласился с пактом и вынудил его членов присоединиться к правительству пойдя на уступки. На этом фоне, он сформировал так называемый «Кабинет всех талантов» [Ibid.: 135]. Последовательная победа либералов на всеобщих выборах, состоявшихся на рубеже 1905 и 1906 гг., была, таким образом, результатом процесса реинтеграции, длившегося с 1902 г., и политических ошибок юнионистского кабинета.

Заключение

В заключении следует акцентировать внимание на том, что возрождение Либеральной партии в начале XX в. имело два основных аспекта. Во-первых, это был обмен политическими поколениями, который продолжался с 1880-х гг. Этот фактор казался существенным, поскольку он, естественно, сопровождался медленным изменением политики и пересмотром некоторых устаревших догм поздневикторианского периода во внешней политике Британии. Согласно этому процессу, Либеральная партия смогла предложить избирателям некоторые новые перспективы и взгляды, которые должны были реагировать на острые проблемы общества. Во-вторых, политические ошибки юнионистов помогли воссоединить и консолидировать Либеральную партию на фоне коллективного сопротивления юнионистским мерам. Юнионисты предложили либералам, борющимся с 1890-х гг. с различными взглядами на внешнюю и колониальную политику, возможность воссоединиться и отложить в сторону спорные темы [Skokan 2011]. Поэтому внутренние трения в Либеральной партии были улажены.

Такие вопросы, как реформа образования, имперские преференции, европейская внешняя политика до такой степени атаковали либеральные и неконформистские убеждения, что помогли преодолеть личное отвращение между либералами и создать конструктивную оппозицию с новой политической повесткой дня [Seeley 1923]. Это стало предпосылкой и краеугольным камнем убедительной победы либералов на всеобщих выборах в начале 1906 г.

Таким образом, в период нахождения в оппозиции внутри либеральной партии четко оформились несколько фракций с опорой на различные имущественные слои, имевшими разные представления о внешней политике государства. Либерал-империалисты выражали интересы части либеральной буржуазии, которые были заинтересованы в широкой

колониальной экспансии и активной империалистической политике в Европе. Они были уверены в том, что экономическое процветание государства можно достичь только агрессивной внешней политикой. При этом они оставались привержены некоторым принципам традиционного либерализма, в частности, стремились представить партию защитницей мира и демократии и хотели бороться с противниками благородно.

Одновременно с этим они не афишировали, какие действия консерваторов поддерживали для активного расширения колониальных владений во время Англо-бурской войны, инцидента в Фашоде и европейских делах. Они не смогли объединить вокруг себя партию, так как изначально представляли определенный имущественный слой со своей идеологией и принципами, стремились создать свое отдельное либеральное течение с упором на империализм. Этим была обусловлена достаточно узкая социальная база. В то же время, некоторые их взгляды относительно Ирландии и внешней политики были позитивно восприняты сторонниками традиционного либерализма. Лидер партии Г. Кемпбелл-Баннерман вынужден был считаться с ними и предоставить им ряд важнейших постов в новом либеральном кабинете. Они задали тон либеральной партии на будущее, поставив в центр внимания либералов колониальные и внешнеполитические проблемы.

Либерал-радикалы изначально были негативно настроены к расширению колониальных владений и были против курса консерваторов в его империалистическом проявлении. Несмотря на большинство в партии, мало кто из них имел весомое положение в высшем обществе и, соответственно, влияние на курс партии. Практически во всех внешнеполитических вопросах их мнение не сходилось с нейтральстами и либерал-империалистами. В первую очередь, они выражали мнения среднего класса и были уверены в необходимости смещения акцента на внутренние вопросы. Не все радикалы были против войн из-за либеральных взглядов, нередко на их позицию оказывали влияние личные мотивы. В то же время, они не желали, чтобы Британия стала менее влиятельной в мире, поэтому защищая принципы либерализма все же были готовы пойти на некоторые уступки империалистам и поддержать их в случае серьезного кризиса.

В свою очередь, либерал-нейтральсты были составной частью либерал-радикалов, но включали в себя разнообразные подгруппы политиков. Их состав постоянно менялся. В зависимости от обстоятельств они могли менять свое мнение от радикального до империалистического. Они не имели четких программ и были непоследовательны по внешнеполитическим вопросам. Нейтральсты оказывали влияние на другие фракции через СМИ, вынуждая либерал-империалистов вести более закрытую политику по налаживанию отношений с Россией и Францией.

Список источников

1. Wilson J. A life of Sir Henry Campbell–Bannerman. London: Constable, 1973. 746 p.
2. Spender J. The life of the Right Hon. Sir Henry Campbell–Bannerman. London: Hodder and Stoughton, 1923. 402 p.
3. Seeley J. The growth of British policy an historical essay. London: Cambridge, 1923. 468 p.
4. Wilkinson S. British policy in South Africa. London: S. Low, Marston, 1900. 132 p.

Список литературы

1. Geuss R. History and Illusion in Politics. London: Cambridge press, 2001. 80 p.
2. Craig D. The language of liberality in Britain 1760–1815 // Modern Intellectual History. 2019. № 16. P. 771–801.
3. Pitts J. Political Theory of Empire and Imperialism // Annual Review of Political Science. 2010. № 13. P. 211–235.
4. Mehta U. Liberalism and Empire: A Study in Nineteenth-Century British Liberal Thought. Chicago: Univ. Chicago Press, 1990. 250 p.
5. Pitts J. A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton: Univ. Princeton Press, 2005. 382 p.

6. Tunick M. Tolerant imperialism: John Stuart Mill's defense of British rule in India // *The Review of Politics*. 2006. № 68. P. 586–611.
7. Berlin I. The thought of de Tocqueville (review of *The Social and Political Thought of Alexis de Tocqueville*, by J. Lively) // *The Western Political Quarterly*. 1991. № 35. P. 199–206.
8. Parry J. *The Rise and Fall of Liberal Government in Victorian Britain*. Yale University Press: New Haven & London, 1994. 378 p.
9. Purdue A. *The Liberal and Labour Parties in North-East Politics 1900-14: The Struggle for Supremacy* // *International Review of Social History*. 1981. № 26. P. 1–24.
10. Rossi J. *The Transformation of the British Liberal Party: A Study of the Tactics of the Liberal Opposition, 1874-1880* // *American Philosophical Society*. 1978. № 8. P. 15–133.
11. Dossa S. Liberal Imperialism: Natives, Muslims, and Others // *Political Theory*. 2002. № 5. P. 738–745
12. Jenkins R. *The British Liberal Tradition: From Gladstone Through to Young Churchill, Asquith, and Lloyd George*. Toronto: Victoria University, 2001. 84 p.
13. Southgate D. *The passing of the Whigs 1832-1886*. London: Martin Press, 1962. 273 p.
14. Feldman D. *Englishmen and Jews: Social Relations and Political Culture 1840-1914*. London: Yale University Press, 1994. 266 p.
15. Bernstein G. Sir Henry Campbell-Bannerman and the Liberal Imperialists // *Journal of British Studies*. 1983. № 23 (1). P. 105–124.
16. Emy H. *Liberals, Radicals and Social Politics*. London: Cambridge University Press, 1973. 37 p.
17. Skokan P. *Revival of British Liberal Party 1902–1905*. London: Cambridge University Press, 2011. 110 p.
18. Wilson J. *A Life of Sir Henry Campbell–Bannerman*. London: Cambridge University Press, 1973. 348 p.
19. McCallum R. *The Liberal Party from Earl Grey to Asquith*. London: Yale University Press, 1963. 134 p.
20. Grigg J. *Lloyd George. The People's Champion 1902 –1911*. Berkeley: University of California Press, 2002. 137 p.
21. Rowland P. *The Last Liberal Governments: The Promised Land 1905–1910*. New York: Macmillan, 1968. 194 p.

List of sources

1. Wilson J. *A life of Sir Henry Campbell–Bannerman*. London: Constable, 1973. 746 p.
2. Spender J. *The life of the Right Hon. Sir Henry Campbell–Bannerman*. London: Hodder and Stoughton, 1923. 402 p.
3. Seeley J. *The growth of British policy an historical essay*. London: Cambridge, 1923. 468 p.
4. Wilkinson S. *British policy in South Africa*. London: S. Low, Marston, 1900. 132 p.

References

1. Geuss R. *History and Illusion in Politics*. London: Cambridge press, 2001. 80 p.
2. Craig D. The language of liberality in Britain 1760–1815 // *Modern Intellectual History*. 2019. № 16. P. 771–801.
3. Pitts J. Political Theory of Empire and Imperialism // *Annual Review of Political Science*. 2010. № 13. P. 211–235.
4. Mehta U. *Liberalism and Empire: A Study in Nineteenth-Century British Liberal Thought*. Chicago: Univ. Chicago Press, 1990. 250 p.
5. Pitts J. *A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France*. Princeton: Univ. Princeton Press, 2005. 382 p.
6. Tunick M. Tolerant imperialism: John Stuart Mill's defense of British rule in India // *The Review of Politics*. 2006. № 68. P. 586–611.
7. Berlin I. The thought of de Tocqueville (review of *The Social and Political Thought of Alexis de Tocqueville*, by J. Lively) // *The Western Political Quarterly*. 1991. № 35. P. 199–206.
8. Parry J. *The Rise and Fall of Liberal Government in Victorian Britain*. Yale University Press: New Haven & London, 1994. 378 p.
9. Purdue A. *The Liberal and Labour Parties in North-East Politics 1900-14: The Struggle for Supremacy* // *International Review of Social History*. 1981. № 26. P. 1–24.

10. Rossi J. The Transformation of the British Liberal Party: A Study of the Tactics of the Liberal Opposition, 1874-1880 // American Philosophical Society. 1978. № 8. P. 15–133.
11. Dossa S. Liberal Imperialism: Natives, Muslims, and Others // Political Theory. 2002. № 5. P. 738–745
12. Jenkins R. The British Liberal Tradition: From Gladstone Through to Young Churchill, Asquith, and Lloyd George. Toronto: Victoria University, 2001. 84 p.
13. Southgate D. The passing of the Whigs 1832-1886. London: Martin Press, 1962. 273 p.
14. Feldman D. Englishmen and Jews: Social Relations and Political Culture 1840-1914. London: Yale University Press, 1994. 266 p.
15. Bernstein G. Sir Henry Campbell-Bannerman and the Liberal Imperialists // Journal of British Studies. 1983. № 23 (1). P. 105–124.
16. Emy H. Liberals, Radicals and Social Politics. London: Cambridge University Press, 1973. 37 p.
17. Skokan P. Revival of British Liberal Party 1902–1905. London: Cambridge University Press, 2011. 110 p.
18. Wilson J. A Life of Sir Henry Campbell–Bannerman. London: Cambridge University Press, 1973. 348 p.
19. McCallum R. The Liberal Party from Earl Grey to Asquith. London: Yale University Press, 1963. 134 p.
20. Grigg J. Lloyd George. The People’s Champion 1902 –1911. Berkeley: University of California Press, 2002. 137 p.
21. Rowland P. The Last Liberal Governments: The Promised Land 1905–1910. New York: Macmillan, 1968. 194 p.

Информация об авторе

О.О. Бойко – аспирант, кафедра Всемирной истории,
Донецкий национальный университет.

Information about the author

О.О. Boyko – Post Graduate, Department of World History,
Donetsk National University.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022;
принята к публикации 20.05.2022

The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for
publication 20.05.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 41–48.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 6. P. 41-48.

Научная статья

УДК 94 (41/99)

doi: 10.24412/2713-0231- 2022-6-41-48

ФРИДРИХ II ПРУССКИЙ И ПАВЕЛ I: ПАРАЛЛЕЛИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андрей Сергеевич Костев

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, a.kostev@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставлению государственной деятельности, в частности идеям и практикам Фридриха II Прусского и русского императора Павла I. Интерес к этим историческим персонам вызван тем, что оба императора в современной историографии представляются фигурами неоднозначными, их деятельность часто подвергается субъективной оценке и трактуется по-разному. Отметим, что данная тема является предметом историографических исследований на протяжении двух веков. Довольно хорошо изучена военная реформа Павлом I, которая состояла в введении прусских порядков в русской армии. Император начал этот процесс, еще будучи наследником престола. Другие аспекты, например, крестьянская и религиозная реформы Павла I в отечественной историографии упоминаются не так часто, хотя в последнее время появляются отдельные работы, специализирующиеся на данном аспекте. Сопоставление материалов, затрагивающих данные сферы деятельности Фридриха II Прусского и Павла I, показывают наличие схожих черт, например, относительная свобода вероисповедования, изменение формы крестьянской зависимости и др. Этот исторический факт может быть объяснен тем, что родители Павла I, император Петр III и императрица Екатерина II, поддерживали дружеские отношения с Пруссией. Отметим, что прусские инновации не были слепо копированы Павлом I, а имели свои особенности. Помимо прочего, общие черты двух государей можно найти в их биографиях, ключевые моменты которых, например, конфликты с родителями, а также вопрос о престолонаследии, с большой вероятностью оказали влияние на последующую деятельность двух императоров. В представленной статье автор выявляет факторы, имеющие релевантное значение для последующего сопоставительного анализа государственной политики двух императоров. Для этого используются такие методы, как историко-генетический, нарративный, сравнительный и типологический. Анализ биографий и политики двух императоров позволил сделать вывод о влиянии прусского императора на практики Павла I не только в военной области, но и в других важных аспектах общественной жизни.

Ключевые слова: реформа, император, политика, биография, армия, религия, крестьянство

Для цитирования: Костев А.С. Фридрих II Прусский и Павел I: Параллели жизни и деятельности // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 41–48. <https://doi.org/10.24412/2713-0231- 2022-6-41-48>

Original Article

FREDERICK II OF PRUSSIA AND PAUL I: PARALLELS OF LIFE AND WORK

Andrey S. Kostev

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, a.kostev@mail.ru

Abstract. This article is devoted to a comparison of state activity, in particular, the ideas and practices of Frederick II of Prussia and the Russian Emperor Paul I. Interest in these historical figures is caused by the fact that both emperors in modern historiography seem to be ambiguous figures, their activities are often

subjected to subjective assessment and are interpreted differently. Note that this topic has been the subject of historiographic research for two centuries. The military reform by Paul I, which consisted in the introduction of Prussian orders in the Russian army, has been quite well studied. The emperor began this process while still heir to the throne. Other aspects, for example, the peasant and religious reforms of Paul I, are not mentioned so often in Russian historiography, although some works specializing in this aspect have recently appeared. Comparison of materials affecting these areas of activity of Frederick II of Prussia and Paul I show the presence of similar features, for example, relative freedom of religion, a change in the form of peasant dependence, etc. This historical fact can be explained by the fact that the parents of Paul I, Emperor Peter III and the Empress Catherine II maintained friendly relations with Prussia. Note that Prussian innovations were not blindly copied by Paul I, but had their own characteristics. Among other things, the common features of the two sovereigns can be found in their biographies, the key points of which, for example, conflicts with parents, as well as the issue of succession to the throne, most likely influenced the subsequent activities of the two emperors. In the presented article, the author identifies factors that are relevant for the subsequent comparative analysis of the state policy of the two emperors. For this, methods such as historical-genetic, narrative, comparative and typological are used. An analysis of the biographies and policies of the two emperors made it possible to draw a conclusion about the influence of the Prussian emperor on the practices of Paul I, not only in the military field, but also in other important aspects of public life.

Keywords: reform, emperor, politics, biography, army, religion, peasantry.

For citation: Kostev A.S. Frederick II of Prussia and Paul I: Parallels of life and work. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;6:41-48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-41-48>

Введение

Большая часть дореволюционных историков, среди них Н.М. Карамзин [Карамзин 1991: 44–47] оценивали период правления Павла I как негативный и даже репрессивный, поскольку в то время происходила борьба императора с сословными привилегиями, к которому относилось дворянство. По сложившемуся мнению, данный процесс привел к ограничению личных прав и свобод, а также к жесткой дисциплине и порядку. В основном историки дореволюционной эпохи приходили к выводу о том, что император Павел I делал все наперекор своей матери, императрице Екатерине II. Многие исследователи, описывая исторический портрет русского императора, называли его сумасшедшим. К таким относились С.Ф. Платонов [Платонов 1899: 5–7] и М.К. Любавский [Любавский 1912: 7]. Тем не менее были и противоположные мнения, хотя и в небольшом количестве. Например, Д.А. Милютин положительно оценивал значение военной реформы Павла I. По его мнению, она позволила навести порядок в вооруженной организации [Милютин 1853: 264]. Историк М.В. Ключков, рассматривая политику Павла, называл его «благородным рыцарем, защитником простого народа, которого невзлюбило дворянство» [Ключков 1916: 5–10]. Данное описание следует из-за увлечений русского императора средневековым рыцарством (Павла I называли «Русским Гамлетом»).

Историческая наука в СССР отвергала дореволюционную точку зрения, однако не радикально. Несмотря на репрессии Павла, направленные против дворянства, советские историки, в целом, утверждали, что политика того времени не отличалась от предыдущей и являлась абсолютным продолжением крепостнической и продворянской. Такое мнение высказывал историк С.Б. Окунь [Окунь 1956: 112], а Н.Я. Эйдельман [Эйдельман 1986: 26–35] называл проводимую Павлом политику «непросвещенным абсолютизмом». Большинство современных историков, к которым можно отнести Е.В. Анисимова [Анисимов 2011: 424] и А.Б. Каменского [Каменский 2001: 554–590] оценивают фигуру и политику Павла I как неоднозначную, противоречивую и загадочную. При этом существуют и апологические работы. К ним можно отнести труды историка Г.Л. Оболенского [Оболенский 1996: 2–3].

Основная часть

Фридрих II Прусский предстает перед нами как одна из самых известных и ярких исторических персон в истории XVIII в. Прежде всего он был создателем просвещенного абсолютизма, модель которого вскоре использовала русская императрица Екатерина II

Великая. Помимо этого, он известен как искусный военачальник, полководец, завоеватель, музыкант и философ. Еще во время своего правления Фридрих II получил прозвище «Великий», в основном, благодаря его дипломатическим и полководческим навыкам. При его деятельности королевство Пруссия превратилось в одно из самых мощных государств с сильной и организованной армией в Европе. Благодаря таланту прусского императора, его государство смогло принять активное участие в политической обстановке того времени. За 40-летнее правление Фридриха II численность и территория королевства Пруссия была увеличена в два раза. В самом государстве проводились существенные реформы, например, судебная и религиозная. Тем не менее, многие историки отмечают и другие негативные аспекты правления прусского императора. Например, он часто был склонен поступать вопреки своим обещаниям. Также он использовал систему телесных наказаний для солдат своей армии, что свидетельствует о его достаточно жестоком характере. Несмотря на введение телесных наказаний, император выступал за свободу и равенство всех сословий, проводил успешную завоевательную внешнюю политику, был талантлив в поэзии, сочинении сонат и арий, а также игре на флейте.

Население Пруссии встретило смерть императора Фридриха II неоднозначно. Одни глубоко переживали его кончину, другие же радовались, поскольку считали, что император принес государству не только прогрессивные законы, но и более миллиона убитых в результате кровопролитных войн. Знакомство двух императоров произошло после первой женитьбы Павла I (его жена, Наталья Алексеевна, умерла в родах вместе с ребенком). Император Фридрих II лично организовал их встречу. Он считал брак Павла I и Вильгельмины Луизы Гессен-Дармштадтской (будущей Натальи Алексеевны) выгодным для обоих государств. Пруссия же произвела неизгладимое впечатление на русского императора. Однако гипотетически можно предположить, что непосредственное влияние прусского государства оказали гены русского императора Павла I. Его отец, император Петр III, наследник одновременно русского и шведского престолов, считал своим кумиром Фридриха II Великого. По окончании Семилетней войны (1756–1763), он подписал Петербургский мирный договор, а также был готов начать войну со Швецией за прусские интересы. Тем не менее, данная точка зрения все еще остается предметом для дискуссии.

Общие черты мы находим в биографиях Павла I и Фридриха II Прусского. Первое, что можно выделить, это детские увлеченности. Воспитательницей Фридриха II была эмигрантка из Франции мадемуазель де Рокуль, которая зародила в нем интерес к французской литературе. Вскоре его учителем стал француз Дюган, благодаря которому будущий император еще больше увлекся всем французским [Runkel 2006: 872]. Русский император Павел I с детства увлекался рыцарством. У него была заветная мечта – стать рыцарем Мальтийского ордена, о котором он прочитал в книге. Таким образом, мы видим, что оба императора в детстве тянулись ко многому иноземному. Вторая общая черта – это конфликт с родителями. У Фридриха II Прусского был конфликт со своим отцом. Во возрасте 18 лет будущий император совместно с лейтенантом Гансом Германом фон Катте (Hans Hermann von Katte) попытался совершить побег в Англию. Однако затея провалилась, и оба были заключены в крепость. Отец Фридриха II намеревался судить обоих за дезертирство, а впоследствии казнить. Тем не менее, своему сыну он предложил помилование взамен на то, что тот откажется от своих притязаний на престол. Однако Фридрих II отказался принимать такие условия. В результате лейтенант Катте был судим и казнен, но в отношении Фридриха II его отец столкнулся с возмущениями. Сперва суд отказался судить будущего императора, а вскоре и Военный совет. Помимо всего, ведущие европейские державы стали оказывать дипломатическое давление на отца будущего императора. Как итог, Фридриха II освободили, однако ему пришлось некоторое время оказаться в ссылке в Кюстрине. Там он входил в состав военно-судного совета Неймаркского округа, но только с правом совещательного голоса. Ссылка продлилась два года. Вскоре Фридрих II получил окончательное помилование и был назначен шефом пехотного полка [Schwarz 2006].

Русский император Павел I был практически сразу отстранен от своей матери Екатерины II. Та могла видеть его раз в неделю. Отец, император Петр III, и вовсе его почти не видел, да и факт его отцовства часто ставится историками под сомнение. Когда Павлу исполнилось 7 лет, умерла его бабушка императрица Елизавета Петровна. Еще через полгода он потерял отца, умершего при загадочных обстоятельствах в Ропше после государственного переворота, а мать стала императрицей. Ходили слухи, что она обещала передать престол сыну, как только он станет совершеннолетним, то есть через 14 лет. Однако обещанного пришлось ждать 34 года [Бринкер 2004: 91]. Павла I воспитывали как наследника престола. Тем не менее, чем старше он становился, тем дальше его держали от государственных дел. Екатерина II и ее сын были совершенно чужими друг другу людьми. Павел стыдился матери, считал ее развратной и боялся ее фаворитов. Для Екатерины Павел был нежеланным и нелюбимым сыном от нелюбимого человека. У них сложились абсолютно разные взгляды и предпочтения на политику государства.

Таким образом, и у Павла I, и у Фридриха II Великого были конфликты со своими родителями. Здесь важно учитывать тот факт, что оба расценивались как наследники престола, но могли его не получить. Из других общих черт двух императоров можно выделить проводимые реформы, в особенности, военные, так как оба увлекались данным искусством. В зрелом возрасте у Фридриха II настоящей страстью стала армия. В качестве полководца он внес довольно существенный вклад в развитие военного дела. Свои военно-теоретические планы он изложил в ряде сочинений, например, «Его величества короля Прусского наставление о военном искусстве к своим генералам» [Des Königs von Preußen Majestät... 1761]. Лучшей стратегией, по его мнению, было маневрирование на театре военных действий. Целью являлось лишение противника его баз снабжений. Сражения и битвы он предпочитал проводить с помощью внезапных и неожиданных наступлений на противника. Огромное значение было отдано линейной тактике. Именно в Прусской армии она достигла наивысшего развития. Также Фридрих II ввел так называемый кривой боевой порядок. Он был необходим для повышения ударной боевой силы. Решающую роль в битвах должен был играть ружейный огонь, который производила пехота с помощью залпового огня. Помимо этого, по образцу русского императора Петра I была реформирована кавалерия [Kriegsgeschichtliche Einzelschriften 1899: 98].

Проведение реформы способствовало военным успехам Пруссии. Так, осенью 1740 г., Фридрих II начал борьбу за австро-венгерское наследство и вошел в Силезию. Император Фридрих II также состоял в коалиции во время Семилетней войны. Благодаря успеху в театре военных действий, в Пруссии начался подъем во всех сферах жизни [Сухотин 1882: 135]. Например, в 1763–1765 гг. проводились меры по изменению формы крестьянской зависимости, что вскоре сделал и русский император Павел I. Однако удалось реализовать только частичные ограничения на размеры крестьянских повинностей в пользу землевладельцев. Также в 1777 г. были закреплены права владения и наследования земель для крестьян королевского домена.

Фридрих II также провел религиозную реформу. Несмотря на то, что Пруссия являлась лютеранским государством, уже в этот период происходили процессы предоставления убежища вальденсам, гугенотам, меннонитам, а также евреям. После восхождения на престол император заявил: «Все религии равны и хорошо, если их приверженцы являются честными людьми. И если бы турки и язычники прибыли и захотели бы жить в нашей стране, мы бы и им построили мечети и молельни» [Schwartz 2006: 229]. Как и Фридрих II, Павел I обожал военное искусство и стал известен своей военной реформой, начало которой было положено в 1796 г. Первое изменение касалось уставов. Всего было утверждено 3 устава (Полевой кавалерийской службы, Полевой гусарской службы, Полевой пехотной службы). Общепринятой точкой зрения считается то, что они были в точности копиями прусских уставов 1759 г., поскольку Пруссия на тот момент имела самую лучшую армию в Европе. Уставы вводили систему управления в армии. Они описывали организацию системы

управления, снабжения, обучения и многое другое. Они были достаточно жесткими и допускали телесные наказания [Акуленко 2009: 17]. Император Павел I перенял не только прусские порядки, но и военную форму. Тем не менее, и здесь есть отличия, например, более скромная отделка и разница в мундирах офицера и солдата.

Главной же чертой военной реформы стала служба офицеров. Были запрещены длительные отпуска, запись дворянских детей на службу до достижения совершеннолетия. Также требовалось, чтобы списочный состав соответствовал реальному наличию людей. Например, официально в 1795 г. армия насчитывала 4000 тысяч человек, однако на самом деле это число составляло около 320 тысяч [Лебедев 1877: 279]. Принято полагать, что военная реформа императора Павла I потерпела неудачу из-за попытки заимствования прусских порядков, например, введение новой формы. С одной стороны, данная точка зрения правдива. С другой стороны, не стоит забывать, что Павел I не копировал прусские порядки целиком, а лишь брал за основу. Также русский император, как и Фридрих II, состоял в военной коалиции (антифранцузской). Это к вопросу об общих чертах в политике. Павел I провел крестьянскую реформу. Благодаря ей, появились разные роды: удельные, казенные, фабрично-заводские, помещичьи.

Удельным крестьянам разрешалось покупать земли у частных владельцев, оформляя сделку на имя департамента уделов. Также указом от 2 марта 1798 г. установлено выдавать промежуточные паспорта удельным крестьянам. Это позволило им заниматься отдельной работой и уходить в купечество [Долгих 2003: 94]. Павел I также осуществил религиозную реформу. Главной ее характеристикой стала являться терпимость по отношению к не православным. Так, изданный 12 (23) марта 1798 г. указ разрешал строительство старообрядческих храмов во всех епархиях Российской империи, а уже в 1800 г. император утвердил положение о единоверческих церквях. Хорошо известен тот факт, что Павел I был в хороших отношениях с Папой Римским. Его император считал своим союзником в борьбе с революционной Францией. Благодаря такому союзу, в России активно действовал орден иезуитов. Также существовал проект иезуита Габриэля Грубера, который назвал Павла «восстановителем и ангелом-хранителем Общества Иисуса».

Свободно себя чувствовали и представители разных сект и околочристианских учений. Например, в столице Российской империи проводил свою деятельность основатель секты скопцов Кондратий Селиванов. Что касается масонских организаций, несмотря на запрет их деятельности, введенный еще при Екатерине II, раннее наказанные ею лидеры движения практически были освобождены от казни или тюремного заключения [Долгих 2003: 87]. Таким образом, русский император Павел I, осуществляя свою политическую и государственную деятельность, взял за основу реформы прусского императора Фридриха II Великого. Конечно, это касается, в первую очередь, военной составляющей, однако проведенный анализ показывает, что другие прусские реформы Фридриха II также оказали существенное влияние на Павла I.

Жизнь и деятельность Павла и Фридриха имеет много схожих черт, которые можно представить в виде таблицы.

Таблица 1. Параллели в биографии и деятельности императоров Павла I и Фридриха II

	Биографии	Реформы	Содержание реформ
Павел I	1. Детская увлеченность иноземным. Бредил идеями «рыцарства», мечтал стать рыцарем Мальтийского Ордена 2. Конфликт с родителями. Был нелюбимым сыном Екатерины II, по мнению многих историков,	1. Военная 2. Крестьянская 3. Религиозная	1. Взятые за основу прусские порядки, введены новые уставы, изменение порядка службы офицеров. 2. Появление новых родов крестьян, выдача удельным крестьянам паспортов. 3. Относительная свобода вероисповедования: разрешено

	Биографии	Реформы	Содержание реформ
	проводил свою политику в отместку матери. 3. Расценивался как наследник престола, однако мог его не получить.		старообрядчество, орден иезуитов, деятельность сект.
Фридрих II Прусский	1. Интерес к французской литературе. 2. Конфликт с отцом. Тот пытался вырастить из Фридриха II воина, однако у того были другие увлечения. 3. Расценивался как наследник престола, однако мог его не получить.	1. Военная 2. Крестьянская 3. Религиозная	1. Вклад в развитие военного дела (написал сочинения по военной науке), введение новой стратегии, тактики и стиль введения боя. 2. Приняты меры по изменению формы крестьянской зависимости: удалось реализовать частичные ограничения на размеры крестьянских повинностей в пользу землевладельцев. Были закреплены права владения и наследования земель для крестьян королевского домена. 3. Свободное вероисповедание: процессы предоставления убежища вальденсам, меннонитам и гугенотам. Не происходило преследование евреев.

Заключение

Таким образом, проведя анализ биографий и политики двух императоров, можно прийти к выводу, что Павел I, имея схожие черты воспитания Фридриха II Прусского, следовал примеру прусского государства не только в военной сфере, но и в других важных аспектах общественной жизни. Следует отметить также то факт, что подобное сопоставление представляется перспективным направлением исследования, потому что позволяет посмотреть на историю России с иного ракурса.

Список литературы

1. Акуленко В.П. Реформирование российской армии в конце XVII века – начале XIX века // Военно-исторический журнал. 2009. № 2. С. 15–21.
2. Анисимов Е.В. Императорская Россия. СПб: Питер, 2011. 670 с.
3. Бринкер А.Г. История Павла I. М.: Аст, Астрель, 2004. 287 с.
4. Григорьев С.Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I: автореф. дис. ... к. ист. н. Екатеринбург, 2004. 25 с.
5. Долгих А.Н. Манифест 5 апреля 1797 г. и его дальнейшая судьба в конце XVIII – начале XIX в. // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. Вып. 3. Липецк: Изд-во «Липецкий государственный педагогический университет», 203. С. 87–107.
6. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 2001. 575 с.
7. Карамзин Н.М. Записки о древней и новой России. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 127 с.
8. Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Записки Историко-филологического факультета Петроградского университета. Ч. 132. 1916. 628 с.
9. Лебедев П.С. Преобразование русской армии в царствование императора Павла Петровича, 1796–1801. РС. 1877. КН. 2. С. 277–280.
10. Любавский М.К. История царствования Екатерины. Приложения. Царствование Павла I. Москва, Курс, читанный в Императорском Московском университете весной 1911 года. М.: Издание Общества Взаимопомощи Студентов Филологов по запискам студента Ю.С. Ильина, 1912. 222 с.

11. Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году. Том 5. СПб.: тип. Штаба военно-учебных заведений, 1853. 548 с.
12. Оболенский Г.Л. Императора Павел I: Ист. Роман. Смоленск: Фирма «Русич», 1996. 397 с.
13. Окунь С.Б. Очерки истории СССР конец XVIII – первая четверть XIX в. Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1956. 416 с.
14. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории Профессора Платонова. Выпуск I-й. Время Павла I (1796 – 1801). СПб.: Столичная скоропечатня, 1899. 125 с.
15. Сухотин Н.Н. Фридрих Великий. СПб.: тип. Штаба войск гвардии и Петерб. воен. окр., 1882. 264 с.
16. Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М.: Мысль, 1986. 368 с.
17. Юркевич Е.И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2007. 274 с.
18. Des Königs von Preußen Majestät Unterricht von der Kriegs-Kunst an seine Generals [Электронный ресурс] / Frankfurt und Leipzig, 1761. 207 S. URL: <https://gdz.sub.uni-goettingen.de/id/PPN600798852?tify:207> (дата обращения: 25 марта 2022).
19. Kriegsgeschichtliche Einzelschriften. Herausgegeben vom Grossen Generalstabe. Heft 27. Friedrich des Grossen. Anschauungen vom Kriege in ihrer Entwicklung von 1745 bis 1751. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1899. 387 S.
20. Runkel F. Geschichte der Freimaurerei. In 3 Bd. Berlin: Hobbing, Nachdruck: Königswinter: Edition Lempertz, 2006. 1232 S.
21. Schwartz Br.W. Friedrich der Große und sein Verhältnis zur Freimaurerei, Versuch einer Deutung. Große Nationalmutterloge «Zu den drei Weltkugeln». Berlin: Selbstverlag, 1986. 209 S.
22. Seewald B. Warum Friedrich der Große den Siebenjährigen Krieg überlebte. [Электронный ресурс] URL: www.welt.de/geschichte/article202341804/Friedrich-der-Grosse-Wie-Preussen-den-Siebenjaehrigen-Krieg-ueberlebte.html (дата обращения: 25 марта 2022).

References

1. Akulenko V.P. Reformirovanie rossiiskoi armii v kontse XVII veka - nachale XIX veka [Reformation of the Russian army at the end of the 17th century - beginning of the 19th century]. *Voennno-istoricheskii zhurnal*. 2009, no. 2, pp. 15-21. (In russ.).
2. Anisimov E.V. Imperatorskaia Rossiia [Imperial Russia]. St. Petersburg, Piter, 2011, 670 p. (In russ.).
3. Brinker A.G. Istoriia Pavla I [History of Paul I]. Moscow, Ast, Astrel', 2004, 287 p. (In russ.).
4. Grigor'ev S.L. Religioznye vzgliady i religioznaia politika Pavla I [Religious views and religious policy of Paul I]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Ekaterinburg, 2004, 25 p. (In russ.).
5. Dolgikh A.N. Manifest 5 apreliia 1797 g. i ego dal'neishaia sud'ba v kontse XVIII - nachale XIX v. [Manifesto of April 5, 1797 and its subsequent fate at the end of the 18th - beginning of the 19th centuries.]. *Vekhi minuvshego: Uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta*. Lipetsk, Izd-vo «Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet», iss. 3, 203, pp. 87-107. (In russ.).
6. Kamenskii A.B. Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka: opyt tselostnogo analiza [From Peter I to Paul I: reforms in Russia in the 18th century: an experience of a holistic analysis]. Moscow, Izd-vo «Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet», 2001, 575 p. (In russ.).
7. Karamzin N.M. Zapiski o drevnei i novoi Rossii [Notes on ancient and new Russia]. Moscow, Nauka. Glavnaia redaksiia vostochnoi literatury, 1991, 127 p. (In russ.).
8. Klochkov M.V. Ocherki pravitel'svennoi deiatel'nosti vremeni Pavla I. Zapiski Istoriko-filologicheskogo fakul'teta Petrogradskogo universiteta [Essays on government activities of the time of Paul I. Notes of the Historical and Philological Faculty of Petrograd University]. Part 132, 1916, 628 p. (In russ.).
9. Lebedev P.S. Preobrazovanie russkoi armii v tsarstvovanie imperatora Pavla Petrovicha, 1796-1801 [The transformation of the Russian army in the reign of Emperor Pavel Petrovich, 1796-1801]. 1877, book 2, pp. 277-280. (In russ.).
10. Liubavskii M.K. Istoriia tsarstvovaniia Ekateriny. Prilozheniia. Tsarstvovanie Pavla I [History of the reign of Catherine. Applications. Reign of Paul I]. Moscow, Izdanie Obshchestva Vzaimopomoshchi Studentov Filologov po zapiskam studenta Iu.S. Il'ina, 1912, 222 p. (In russ.).

11. Miliutin D.A. Istoriia voiny Rossii s Frantsiei v tsarstvovanie imperatora Pavla I v 1799 godu [History of the war between Russia and France in the reign of Emperor Paul I in 1799]. St. Petersburg, tip. Shtaba voenno-uchebnykh zavedenii, vol. 5, 1853, 548 p. (In russ.).
12. Obolenskii G.L. Imperatora Pavel I [Emperor Paul I]. Smolensk, Firma «Rusich», 1996, 397 p. (In russ.).
13. Okun' S.B. Ocherki istorii SSSR konets XVIII - pervaya chetvert' XIX v. [Essays on the history of the USSR, late 18th - first quarter of the 19th centuries.]. Leningrad, Uchpedgiz. Leningr. otd-nie, 1956, 416 p. (In russ.).
14. Platonov S.F. Lektsii po russkoi istorii Professora Platonova. Vypusk I-i. Vremia Pavla I (1796 - 1801) [Lectures on Russian history by Professor Platonov. Issue I. Time of Paul I (1796 - 1801)]. St. Petersburg, Stolichnaia skoropechatnia, 1899, 125 p. (In russ.).
15. Sukhotin N.N. Fridrikh Velikii [Frederick the Great]. St. Petersburg, tip. Shtaba voisk gvardii i Peterb. voen. okr., 1882, 264 p. (In russ.).
16. Eidel'man N.Ia. Gran' vekov. Politicheskaia bor'ba v Rossii. Konets XVIII- nachalo XIX stoletii [Edge of Ages. Political struggle in Russia. Late 18th – early 19th century]. Moscow, Mysl', 1986, 368 p. (In russ.).
17. Iurkevich E.I. Voennyi Peterburg epokhi Pavla I [Military Petersburg of the era of Paul I]. Moscow, Tsentrpoligraf, St. Petersburg, MiM-Del'ta, 2007, 274 p. (In russ.).
18. Des Königs von Preußen Majestät Unterricht von der Kriegs-Kunst an seine Generals [Электронный ресурс] / Frankfurt und Leipzig, 1761. 207 S. URL: <https://gdz.sub.uni-goettingen.de/id/PPN600798852?tify:207> (дата обращения: 25 марта 2022).
19. Kriegsgeschichtliche Einzelschriften. Herausgegeben vom Grossen Generalstabe. Heft 27. Friedrich des Grossen. Anschauungen vom Kriege in ihrer Entwicklung von 1745 bis 1751. Berlin: E. S. Mittler & Sohn, 1899. 387 S.
20. Runkel F. Geschichte der Freimaurerei. In 3 Bde. Berlin: Hobbing, Nachdruck: Königswinter: Edition Lempertz, 2006. 1232 S.
21. Schwartz Br.W. Friedrich der Große und sein Verhältnis zur Freimaurerei, Versuch einer Deutung. Große Nationalmutterloge «Zu den drei Weltkugeln». Berlin: Selbstverlag, 1986. 209 S.
22. Seewald B. Warum Friedrich der Große den Siebenjährigen Krieg überlebte. [Электронный ресурс] URL: www.welt.de/geschichte/article202341804/Friedrich-der-Grosse-Wie-Preussen-den-Siebenjaehrigen-Krieg-ueberlebte.html (дата обращения: 25 марта 2022).

Информация об авторе

A.S. Kostev – аспирант, общеуниверситетская кафедра всеобщей и российской истории, Московский городской педагогический университет.

Information about the author

A.S. Kostev – Post Graduate, University-wide Department of General and Russian History, Moscow City Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 18.03.2022; принята к публикации 20.04.2022

The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 18.03.2022; accepted for publication 20.04.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 49–59.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 6. P. 49-59.

Научная статья

УДК 659.123.17; 659.131.25

doi: 10.24412/2713-0231- 2022-6-49-59

РЕЧЕТВОРЧЕСТВО В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ЭРГОНИМЫ ПЕРМИ

Елена Петровна Карзенкова¹, Татьяна Борисовна Карпова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ karzenkova_e@mail.ru

² tatyana_2000@mail.ru

Аннотация. Авторы данной статьи исследуют язык современного города как весьма сложный лингвистический, лингвосоциальный и лингвокультурный феномен. Материалом послужили эргонимы как наименования различных коммерческих объектов города: кафе, реторанов, рекламных агентств, магазинов, салонов красоты и других. Исследование рекламы во всём её разнообразии и многократной повторяемости, развлекательности и воздействии, привлекательности и отвратительности по-прежнему остаётся актуальным. Креативная стилистика даёт исследователям инструменты для изучения словотворчества, проявляющегося в ономастическом пространстве городов. Авторы данной статьи посвятили её анализу способов нейминга как создания текстов наружной рекламы, размещённых в ономастическом пространстве современного российского города. Понятие «ономастическое пространство» в качестве термина и в качестве способа познания культур появилось с лёгкой руки В.Н. Топорова во второй половине XX в. и до сих пор функционирует, не переставая быть актуальным. Реклама как неотъемлемая часть современного города занимает значительное место в его ономастическом пространстве. Исследование посвящено изучению современной городской культуры. Авторы анализируют способы, которые используются при нейминге – создании наименований коммерческих предприятий, – для их размещения в ономастическом пространстве города Перми. Среди этих способов создания наименования предприятия выявлено 12 (фонетические, грамматические, орфографические и другие).

Ключевые слова: наружная реклама, нейминг, ономастическое пространство, городская среда, Пермь, речетворчество, креативная стилистика.

Для цитирования: Карзенкова Е.П., Карпова Т.Б. Речетворчество в ономастическом пространстве современного города: эргонимы Перми // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 49–59. <https://doi.org/10.24412/2713-0231- 2022-6-49-59>

Original article

SPEECH CREATION IN THE ONOMASTIC SPACE OF A MODERN CITY: ERGONYMS OF PERM

Elena P. Karzenkova¹, Tatiana B. Karpova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ karzenkova_e@mail.ru

² tatyana_2000@mail.ru

Abstract. The authors of this article explore the language of a modern city as a very complex linguistic, linguosocial and linguocultural phenomenon. The material was ergonyms as the names of various commercial objects of the city: cafes, retorans, advertising agencies, shops, beauty salons and others. The study of advertising in all its diversity and multiple repetitiveness, entertainment and impact, attractiveness and disgust is still relevant. Creative stylistics gives researchers the tools to study word-making manifested in the onomastic space of cities. The authors of this article devoted it to the analysis of naming methods as the creation of outdoor advertising texts placed in the onomastic space of a modern Russian city. The concept of «onomastic space» as a term and as a way of cognizing cultures appeared with the light hand of V.N. Toporov in the second half of the XX century and still functions, without ceasing to be relevant. Advertising as an integral part of a modern city occupies a significant place in its onomastic space. The research is devoted to the study of modern urban culture. The authors analyze the methods used in naming – the creation of names of commercial enterprises – for their placement in the onomastic space of the city of Perm. Among these ways of creating an enterprise name, 12 were identified (phonetic, grammatical, spelling, and others).

Keywords: outdoor advertising, naming, onomastic space, urban environment, Perm, speech creation, creative stylistics.

For citation: Karzenkova E.P., Karpova T.B. Speech Creation in the onomastic space of a modern city: ergonyms of Perm. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;6:49-59. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-49-59>

Введение

Язык современного города – сложный лингвистический, лингвосоциальный и лингвокультурный феномен. Российские учёные исследуют его в различных аспектах. Например, изучают проблемы устной живой городской речи и её взаимодействия с литературным языком в условиях многонационального города [Китайгородская, Розанова 1999 и другие], особенности речи горожан (территориальные, социальные, возрастные) [Ерофеева 2012; Шмелева 1994 и другие]. Язык современного города – это и литературная речь (устная и письменная), и нелитературные элементы (просторечие, социальные и профессиональные жаргоны, диалекты). Язык современного города – это и наименования множества самых разнообразных объектов, расположенных на его территории.

Всё это многообразие «языков отдельного города» соединяется в некоем – «физическом» и «нефизическом», «официальном» и «неофициальном» – ономастическом пространстве, которое включает в себя и наименования разнообразных внутригородских объектов (микрорайонов, улиц, площадей, торговых, образовательных, культурных учреждений и т.п.) в виде рекламных щитов, объявлений, растяжек, вывесок, заполняющих собой город и представляющих собой неотъемлемую его часть. Это и есть ономастическое пространство современного города.

Впервые термин ономастическое (топономастическое) пространство был употреблён ещё В.Н. Топоровым. Исследуя древнюю палийскую топонимику (язык культа), учёный отметил, что в разные эпохи в разных странах выделялись и индивидуализировались различные аспекты действительности; при этом ономастическое пространство всегда представляло собой нечто вполне конкретное и целостное [Топоров 1969]. Ономастическое пространство различных культур, эпох, территорий заполнено неодинаково, потому что «онимизируются» – превращаются в наименования – «разные денотаты» [там же]. Следовательно, ономастическое пространство определяется своеобразной – существующей в культуре конкретного народа в конкретный период времени – моделью мира, которая хранит в себе конкретные элементы и тем или иным способом транслирует это «наследие» прежних эпох [Топоров 1969]. Сложившаяся в XXI в. в России, как и повсюду, модель мира диктует свои принципы конструирования ономастического пространства современного города.

В силу того, что главным стремлением организаторов большинства видов деятельности сейчас является привлечение внимания с целью извлечения прибыли (материальной и другой), главной задачей любого рекламного текста (вербального и невербального) и является аттракция (от латинского: *attrahere* ‘привлекать’, ‘притягивать’) – формирование

привязанности к определённым виду продукта, бренду, месту продаж. Аттракция возрастает благодаря многократной повторяемости, лёгкости запоминания и т.п. Как следствие, значительная часть ономастического пространства современного города оказывается заполнена непрерывно конкурирующей чуть ли не с самой собой рекламой. Конечно же, в таких условиях без творчества (в том числе без речетворчества) никак не обойтись.

В создании ономастического пространства современного города принимают самое активное участие сами жители: учредители частых предприятий и те, с кем они советуются в процессе формирования и «эксплуатации» имиджа фирмы – «рекламщики». Определённую – цензурирующую – роль играют и государственные органы, муниципальные власти, которые призваны следить за соблюдением ряда законов, касающихся размещения рекламы на территории городов. Однако реклама всё активнее и агрессивнее внедряется в городское пространство.

При этом особое значение приобретает нейминг (от англ. to name ‘называть’ ‘давать имя’) – как (1) профессиональный подбор (поиск, придумывание) подходящего наименования; (2) «этап в процессе создания нового бренда»; (3) разработка идеи, названия, «словесного графического знака», «визуальной концепции» и «в целом фирменного стиля» [Маркетинг 2010]. Существуют определённые требования к результату нейминга – названию объекта – точность, краткость, эмоциональность, благозвучие, уникальность, лёгкость идентификации [там же].

Эргонимы, или *рекламные имена*, как вид наименований подробно изучаются И.В. Крюковой, Н.В. Шимкевич, И.А. Тортуновой и другими. Определено и само содержание термина *эргоним* как наименования, «обозначения социальных объединений» и коммерческих организаций – имя собственное нового класса [Подольская 1988].

Основная часть

Материалом для нашего исследования ономастического пространства города Перми послужили эргонимы – наименования различных коммерческих предприятий. Эргоним (от древнегреч.: ‘труд’, ‘дело’; ‘функция’) – «имя собственное делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» и других [там же: 166]. Разнообразные наименования (онимы), расположенные в ономастическом пространстве города ещё принято называть термином урбаноним (от лат. *urbanus* ‘городской’ + от греческого *onimos* ‘имя’, ‘название’) – «вид топонима, собственное имя любого топографического объекта» [Подольская 1978: 154], в том числе наименования улиц, переулков, проспектов, тупиков, скверов, парков, рынков, районов, прудов, а также объектов культа и культуры, кинотеатров и гостиниц, кафе, магазинов, памятников и т.п.

Хотя урбанонимия представляет собой, на первый взгляд, «достаточно хаотичный» набор названий очень разнородных объектов, входящие в этом наборе единицы тесно связаны между собой; объединяет их то, что они выполняют схожие функции. Четыре из этих функций особенно значимы в аспекте описываемого нами материала – эргонимов города Перми. Одна из них – идентифицирующая – поименовать так, чтобы не только отличить друг от друга разные объекты, но чтоб и выделить один в качестве значимого, вызывающего определённый интерес [Суперанская и другие 2019]. Подчеркнём, что важно именно идентифицировать (от лат. *identificare* ‘отождествлять’, ‘уподоблять’ ‘устанавливать совпадения’), а не просто нести информацию. Таким образом, эргоним не просто «сообщение, предоставляющее минимальную информацию об объекте номинации», а сообщение-идентификатор. А вторая важная функция урбанонима (эргонима) – аттрактивная [Суперанская и другие 2019] (от лат. *attraction* ‘притяжение’), то есть функция привлечения внимания. И эта функция является первой по своей значимости, ибо пока внимание потенциального «потребителя эргонима» не остановлено на нём, эргоним будто бы и не существует. Не менее значима и эмотивная функция [Суперанская и другие 2019], состоящая не только в том, что выражает эмоции, но и эмоции вызывает. Конечно же, важна функция

воздействия, причём считается, что «меньшая информативность» «образных номинаций, компенсируется их оригинальностью». Эргоним – «парадная» часть, черта имиджа любого предприятия, фасад здания фирмы в прямом и переносном значении, как говорится: *как вы ихну назовёте, так она и поплывёт...* Поэтому пусть эргоним «бросится в глаза» и тем самым запомнится; пусть он отождествится с услугой, товаром, фирмой, их предоставляющей; пусть он вызовет эмоции; пусть он воздействует на эмоциональную или интеллектуальную сферу потребителя... В связи с коммерциализацией (подчинением цели извлечения прибыли из всего) ономастического пространства любого современного города выдвигаются на первый план эмотивная (эстетично!), аттрактивная (позитивно!) и персуазивная (убедительно!) функции эргонима, как любого рекламного текста.

Креативность (от англ. *creativity*) – творческий подход к использованию языка, речетворческое начало – привлекает внимание не только рядовых носителей языка, не только практиков рекламы, но и исследователей (см., например: [Маслоу 2008; Баженова, Карпова 2022; Купина, Матвеева 2013, 2013а и другие]). Заключённые в эргониме, как части имиджа предприятия, задачи: (1) привлечь внимание наибольшего числа потребителей; (2) продать как можно дороже (свой товар или услугу); (3) продать максимально возможному числу потребителей; (4) склонить потенциального покупателя к покупке – креативное отношение к наименованию предприятия выполняет по мере возможностей. В целях привлечения внимания к объекту продажи выбор наименования предприятия, товара, услуги, рекламного слогана, места расположения рекламы, а также размера, конфигурации шрифта и изображения приобретают особую значимость. Здесь – для рекламных целей (!) – оказывается необходимым соединением лингвистических (языковых), психологических и маркетинговых приёмов, а также знаний о психологии не только отдельного человека, но целого социума, а точнее: некоего социокультурного континуума – совокупности потребителей, говорящих на конкретном языке и являющихся носителями определённой культуры. Это связано с тем, что реклама одного и того же товара (одной и той же услуги) для покупателей, говорящих на разных языках и относящихся к разным культурам, может и должна различаться: как говорится, *что русскому хорошо, то немцу...*

«Визуализация» и «вербализация» рекламных идей приобретает новые формы: наружной рекламе становится тесно в рамках прежних традиционных носителей и приёмов. Рекламные тексты более активно выходят в пространство городской среды, растворяются (не без осадка!) в этом пространстве, становясь его неотъемлемой частью, сопровождают горожанина на каждом шагу. Для повышения привлекательности и эффективности рекламного текста (в широком и узком смысле этого слова) его создатели привлекают «креативные возможности языка», которым в современном речеведении уделяется большое внимание (см., например: [Баженова, Карпова 2022; Купина, Матвеева 2013, 2013а; Попова 2007] и другие).

Исследователями рекламы уже выработаны основные принципы создания и размещения её, уточнены её функции. Е.А. Мезенцев, в частности, указывает на то, что реклама (1) стимулирует сбыт и, как следствие, рост прибыли производителей и продавцов (экономическая функция); (2) влияет на управление спросом, корректируя его (управляющая, корректирующая функции); (3) создаёт образ товара или услуги (маркетинговая); (4) формирует, закрепляет определённые ценности и нормы в общественном сознании (социальная функция); (5) содействует развитию национальных ценностей (идеологическая функция); (6) транслирует готовые формы поведения, формирует вкус (воспитательная функция); (7) обеспечивает потребителя рекламы информацией о товаре или услуге (информационная) [Мезенцев 2007]. Нам представляется весьма логичным расположить функцию информирования на последнем месте, потому что пространство любого современного города заполнено в основном коммерческой рекламой, главная цель которой – продать. И все средства рекламы, визуальные, акустические, языковые и любые другие направлены на достижение именно этой цели. А выбранные речевые средства в рекламе

репрезентируют попытку адресанта использовать язык для того, чтобы убедить потребителя «укрепиться в намерении купить». Подчеркнём также, что слова или выражения, использованные в конкретной рекламе, являются продуктом тщательного и осознанного выбора адресанта.

Язык, таким образом, выступает как мощное персуазивное (от лат. *persuadere* ‘уговаривать’) средство – средство эмоционального воздействия – на адресата: в рекламе, например, нередко с этой целью используются прецедентные тексты и образы, фразеологизмы (в сохранённом или модифицированном виде), каламбуры (игра слов) и тому подобное. Принципы и приёмы языковой игры постоянно используются в рекламе. Сам термин *языковая игра* (нем. *sprachspiel*) впервые был использован австрийским философом Людвигом Витгенштейном, который описывал языковую игру как (1) применение языка в соответствующей сфере общения (науке, культуре или торговле); (2) способность использовать языковые средства с учётом реализуемой ими функции (коммуникативной, экспрессивной, аппеллятивной) и (3) осознанное применение речевых средств для достижения цели общения. В аспекте создания рекламного продукта и продвижения того или иного товара или услуги весьма важным оказывается принцип *языковой игры*, возможности практического использования языковой игры, поскольку весёлый настрой позитивно влияет на восприятие человеком любой информации. Языковая игра способствует «облегчённому», «легкомысленному», если хотите, видению мира, то есть лёгкости восприятия всего, что окружает человека, в том числе и в тех случаях, когда его «застаёт врасплох» реклама товаров и услуг. Тогда реклама берёт потребителя, что называется, «тёпленьким», он склонен делать необдуманные шаги, то есть готов на спонтанные и/или «спровоцированные рекламой» покупки.

Одним из самых распространённых приёмов языковой игры, используемых в рекламе, являются графические искажения, игры с графикой. Нередко они сопровождаются и фонетическими искажениями с целью выделить и обыграть в каламбурной фразе название товара, услуги, идеи или фирмы. В процессе работы нами было проанализировано 65 рекламных коммерческих названий города Перми, среди которых выявлены 12 видов графической языковой игры. Рассмотрим примеры различных видов графической игры, которые чаще всего встречаются в текстах наружной рекламы города Перми.

1. Игра с нарушением буквенных орфограмм: написание неправильное буквы. Нам встретились нарушения следующих буквенных орфограмм.

1.1. «Непроверяемая гласная в корне слова»: *Чикага* вместо *Чикаго* (название кафе-бара, ул. шоссе Космонавтов, 117); *Мясковский* – по аналогии с ранее созданным брендом сахара «Чайковский» (это фамилии известных русских композиторов XIX в.) – (мясной магазин, ул. Героев Хасана, 16); *Мясковна* (ул. Сибирская, 71). Последнее в этом ряду название имеет словообразующий суффикс *-ов-*, что указывает на принадлежность чего-либо определённому лицу, кроме того само слово представляет собой будто отчество женщины (хозяйки магазина, например, или домохозяйки, покупающей продукт в нём).

1.2. «Непроверяемая согласная в корне слова»: *Анетитто* вместо *Аппетит* (название кулинарной студии, ул. Пушкина, 109) – слово искажено на итальянский манер.

1.3. «О-Ё после шипящих в корне слова», «правописание прописной буквы вместо строчной» использованы для привлечения внимания, например, в названии бара-магазина «*Красное и Чорное*» вместо *Чёрное* (ул. Плеханова, 46).

2. Нарушение небуквенных орфограмм. Слитное написание вместо отдельного. Исследованные нами урбанонимы намеренно нарушают правила написания прописной буквы и «слитность/раздельность», сравните: *ХмельСолод* (сетевой магазин пива и кваса, ул. Монастырская и другие); *НадоМаркет* (товары для дома); *БельёМоё* (магазин постельного белья, ул. Адмирала Ушакова, 55/1; дополнительно здесь использовано созвучие с «ругательством» *ёмоё*).

2. Другие «игры с графикой»

2.1. Игра в нарушение формы слова

Декоративка (салон-магазин встроенной техники, ул. Героев Хасана, 56) – слово не существует в современном русском литературном языке. Здесь используется существительное, образованное от относительного прилагательного «декоративный» путём добавления словообразовательного суффикса **-к-**, что придаёт названию коммерческого объекта стилистическую окраску разговорности (см. например: *планёрка* или даже совр. *пленарка*).

Автозапчайны (магазин автозапчастей для китайских автомобилей, ул. Героев Хасана, 35) – умышленное искажение слова «автозапчасти» связано с подчёркиванием информации о том, что продукция магазина предназначена для автомобилей китайского производства.

Букетия, Тюльпаня (салоны цветов и подарков на ул. Школьной, 3а, на ул. Трамвайной, 14, корпус 7) – названия призваны ассоциироваться «с целой страной букетов или тюльпанов» (а возможно, навеяны песней поп-группы «Дюна» про страну *Лимонию*).

Среди урбанонимов, исследованных нами, есть и совмещающие в себе элементы современной и древнерусской графики, включающие написание древнерусской буквы «Ъ» на конце слова, с целью придания названию русского колорита, а также особой значимости, весомости или указания на традиционность. Часто эти наименования связаны с прецедентными именами, имеющими специфический для русского языкового сознания культурный компонент значения. Например, фамилии русский классических писателей А.С. Пушкина, И.С. Тургенева или доктора Живаго (заглавного героя романа Б. Пастернака): *ПушкинЪ* (торговый комплекс на ул. Пушкина, 71); *ТургеневЪ* (кафе-бар на ул. Тургенева, 6); *Живаго* (прецедентное имя, но без Ъ – в названии торгово-развлекательного комплекса с рестораном на ул. Ленина, «примыкает сюда тематически», к сожалению уже не существующее). Буква **Ъ** использована и в названии кафе с традиционными русскими кушаньями – пирогами – *ПироговЪ* (ул. Ленина, 98) Древнерусская буква **Ъ** используется и в сочетании с архаизмом, например: *ЦирюльникЪ* (название сети салонов красоты). Само это слово через польский язык (сравните: *cyrulik* < от лат. *chirurgus*) пришло в русский и означало «парикмахер и банщик, владеющий элементарными приёмами хирургии». В армии при царе Петре I: «нестроевой низший медицинский чин», позже – «парикмахер».

Название юридической фирмы *БастионЪ* (Монастырская, 12) напрямую соотносится с оценочным значением слова (от лат. через франц. *bastion* «военное укрепление в форме пятиугольника»). При выборе названия учредители ориентировались на метафоричность: «фирма даёт прочную и надёжную, как военное укрепление, защиту». *ГОСТЪ* (магазин разливного пива, ул. Куйбышева, 107). В этом случае аббревиатура (обозначающая государственный стандарт качества) в названии магазина в сочетании с древнерусской буквой подчёркивает прочные традиции в изготовлении напитка и соответствие товара традиционным государственным нормам.

В случаях с буквой **Ъ** видно, что она дополнительно выделена графически (бывает либо большего, либо меньшего размера) по сравнению с другими буквами эргонима. Однако игра с размером шрифта – шрифтовыделение – используется в названиях и как самостоятельное средство (см. далее).

2.2. Шрифтовыделение. Суть данного приёма: посредством смены шрифта (изменение кегля, цвета, очертаний букв) из рекламируемого названия извлекается дополнительный, незапланированный смысл. Иногда такой дополнительный смысл непосредственно связан с основным смыслом. В представленных ниже примерах графически выделены сегменты, которые занимают важнейшее место среди других сегментов. Например: *АКСЕССУАРИЯ* (магазин аксессуаров для цифровой техники, ул. Ленина, 88 в торговом центре *Bazar*). Такого рода игра размерами шрифта подчёркивает дополнительный смысл: некая вещь (то есть *аксессуар*) и *Я* – здесь можно купить вещи *для меня*, то есть того, кто читает название магазина. Сама форма существительного снова отсылает нас к семе «страна наполненная», но теперь уже не лимонами, не букетами или тюльпанами, а аксессуарами.

Сравните ещё примеры шрифтовыведения соединённые с элементами словотворчества: *БУлавка* (детский *комиссионный* магазин, ул. Мира, 3, от *б/у* – ‘бывший в употреблении’); *текСТИЛЬ* – ‘ткани для создания собственного стиля’, *ФурниТЕРРА* ‘территория, где есть фурнитура’ (магазины тканей и швейной фурнитуры, второй на ул. Н. Островского, 99); *ЗаПОЙ* – «игра омонимов» (караоке-кафе, ул. Окулова, 75 корпус 2).

2.3. Усечение слов встречается в названии кафе *Буль-Вар* (ул. П. Осипенко, 53). «Усечение основ» двух глаголов: «булькать» (или сущ. *бульон*) и «варить», между основами поставлен дефис, что и привело к смене смысла (*Буль-вар* вместо грамматически верного *бульвар*). Усечение слов использовано и при создании названий студии цветов и декора (*Весёлый Одуван* вместо *одуванчик*, на ул. Пионерской, 12) и медицинских лабораторий (*МедЛаб*, *Медлабдиагностика*).



Рис.1. Студия декора «Весёлый Одуван».

В названии ресторана *Bar&resto* (ул. Сибирская, 16) использованы несколько приёмов языковой игры: совмещение букв и особого символа & (известного в англоговорящих странах как союз *и*), а также усечение основы французского слова *restaurant* (от глагола *restaurer* ‘подкрепляться’, ‘восстанавливать силы’).

2.4. Наложение основ. К данному виду графической игры относятся слова / словосочетания, образованные посредством наложения двух исходных слов друг на друга и усечения основы одного из этих слов. Чаще всего этот приём сопровождается шрифтовыведением. Шрифтовыведение позволяет обыграть различные значения одного и того же слова, взглянуть на них по-новому. Например, в названии придорожного кафе (ул. Зенкова, 4а) *ПодкреПИЦЦА* использовано наложение основ разных частей речи и является языковой игрой с нарушением правил орфографии, что придаёт названию многозначность. Первая часть названия «подкре-питься» – глагол с усечённой основой, а вторая часть – название итальянского открытого пирога – существительное «пицца»; второе дополнительно выделено заглавными буквами, чтоб подчеркнуть особенности меню.

В названии салон красоты (ул. Екатерининская, 48) *ШИКолад* использовано существительное «шик» (← от франц. *chic* ‘показная роскошь’) и присоединено ко второй части существительному «шоколад», у которого в свою очередь усечена основа. В такой форме название салона отсылает нас к разговорному фразеологизму «быть в шоколаде», по смыслу соотносимому с понятием «жить роскошно, быть роскошным и, в том числе

ухоженным» («прецедентность»). Кроме того, и само произношение слова вслух слова *шоколад* «располагает» к такого рода фонетической игре.

В наименовании салона цветов (на ул. Куйбышева, 47/3) *FLOROOM*, возможно, использовано наложение основ: фрагмента английского слова *flower* ‘цветок’, или *флора* (совокупность всех растений), или *Флора* (древнеримская богиня цветов, весны и юности (← от лат. *flora*) и английского *room* ‘комната’. Однако происхождение этой игры слов может быть связано и с латинским *florum* – ‘цветы’.

2.5. Сочетание элементов латиницы и кириллицы. В последнее время в широко используется в нейминге написание букв или части слова на латинице. Такие совмещения элементов кириллической графики, создающей фон, русский колорит, и латинской – «графогибридизация» [Попова 2007: 231] – подчеркивают иностранное происхождение рекламируемого товара или услуги и свидетельствуют об интернационализации общения в современном мире. Вот несколько примеров данной графической игры: *PEREЦ* (шоурум для мужчин, ул. Куйбышева, 65); *Мятный BriZZ* (студия красоты и шоу-рум, ул. Монастырская, 90); *BuGOODu* (салон красоты, ул. Маршала Рыбалко, 35); *BarБургер* (бар, ул. Ленина, 88); *ЧЕBUREK* (бар-магазин на ул. Пушкина, 29); *Beerлога* (магазин разливного пива, ул. Юрша, 21); *СпешуLove* (торгово-развлекательный комплекс на ул. Спешилова, 114). В последнем примере многозначность названия достигается за счёт игры слов: задействованы название улицы, на который построен торговый комплекс, и отсылка к советскому фильму «Спешите любить», последнее только для тех, для кого он «является прецедентным».



Рис. 2. Сочетание элементов кириллицы, латиницы, символического изображения.

2.6. Написание русского слова латинскими буквами. В последнее время английский язык занимает всё большее место в российской рекламе. В рекламных названиях коммерческих объектов города Перми встречаются русские слова, передаваемых буквами латинского алфавита, которые нередко реализуют декоративную функцию в рекламе. Речетворчество в данных случаях заключается в том, что русские наименования эргонимов написаны латинскими буквами. Впрочем, это не исключает и «интернационализации» этих объектов рекламы, а также способствует тому, что они привлекают внимание молодёжи, для которой английский язык становится все более привычным: *Zasada* (закусочная, ул. Академика Веденеева, 40); *Nezabudki* (салон цветов, ул. Сибирская, 71); *Dedushka* (ресторан-бар, ул. Куйбышева, 68); *Bogatyr* (тату-студия, ул. Уральская); *Feska* (ресторан, Комсомольский проспект, 67); *Egoist* (салон красоты, ул. Пермская, 128 а); *POLNOCH* (кафе-клуб, ул. Краснополянская, 3). В последнем случае название дано ещё и заглавными буквами.

3. Поликодовое написание. Как показал анализ, в рекламных названиях широко используется языковая игра с применением цифр и других неалфавитных знаков, которые

принято называть параграфемными элементами. Параграфемика – это вторичные по отношению к языку невербальные средства, сопровождающие письменную речь и способствующие (или нет) восприятию и пониманию текста адресатом.

3.1. Совмещение букв и цифр. Совмещение букв латиницы и кириллицы с цифрами, а также заглавных букв со строчными достаточно распространённая игра при создании эргонимов. Сравните: *7Я* (сеть супермаркетов «Семья»); *PRO100вкусно* (кулинарная школа *Просто вкусно*, ул. Седова, 22, а цифра 100 ассоциируется со 100 %); *100ловая* (сеть столовых, ул. Ленина, 68 и в других районах); *LOFT19* (кафе, ул. Сибирская, 19 а); *Уловка22* (гастропаб, ул. Максима Горького, 22 а).

В представленных далее названиях № 1 говорит не просто об обычном номере коммерческого объекта, а о его лидерском положении на фоне других подобных. Цифра здесь подчёркивает значение *первый, то есть лучший*, сравните: *Пирожковая № 1* (кафе, ул. Плеханова, 39); *Шашлычная № 1* (ул. Пушкина, 102); *SHAURMA №1* (кафе быстрого питания, ул. Мира, 11/1); *Пельменная № 1* (ул. Краснова, 25). Впрочем, есть и № 2...

3.2. Совмещение букв и пунктуационных и других знаков. Как показал материал, существует тенденция к нестандартному использованию в рекламных названиях различных символов, обозначающих денежные знаки определённых стран, чаще всего доллара, восклицательного знака, апострофа, символического изображения пламени (на котором жарятся шашлыки и т.п.). «Вклиниваясь» в слово, такие знаки привлекают к нему внимание необычным графическим обликом. Сравните, например: *Коми\$шюнка* (комиссионный магазин, ул. Ленина, 52 а.) или *Лист'ок!* (сеть супермаркетов канцелярских товаров), основой данного изображения является слово, обозначающее типичный канцелярский товар – листок бумаги. Однако это существительное разделено на две части, вторая из которых многозначна: это суффикс *-ок-*, который представляет собой «звуковую игру» с английским *okay*, означающим ‘всё хорошо’, ‘всё в порядке’, а знак восклицания «придаёт интонацию» («с лёгкой радостью»).

В названии столовой (на ул. Дзержинского, 1Б) *Йе!да* (Yeah! < от англ. Yes! – ‘да!’); восклицательный знак с возгласом (*Йе!*) выражает особые эмоции, которые человек, возможно, испытывает, если перекусит в данном месте. Часть *да* подталкивает потребителя при выборе заведения для обеда сказать уже по-русски: *Да!*

Гоу! Фитнес (спортивный клуб, ул. Н. Островского, 76 Б) называется так: в начале идёт (и мы «покаламбурим»!) английский глагол *to go* ‘идти’, который, видимо, представляет собой призыв к занятиям фитнесом.

3.3. Графическая контаминация – использование двух и более видов графических приёмов языковой игры – также встречается в наименованиях объектов города Перми. Иногда рекламодатели не задумываются ни о благозвучии слова или словосочетания, ни о воздействии рекламного текста на взрослую и грамотную целевую аудиторию, которая, чаще всего, отрицает любые отступления от привычного написания фразы. Сравните, например следующие: *ШашлыкоFF* (сеть закусочных, см.: рис. 2); бургерная *#МЯСО* (ул. Крисанова, 26); кафе *ВРО.дяга* (ул. Монастырская, 61); магазин одежды *NashLosь* (ул. Куйбышева, 16); бутик *ВектоR MODЫ* (ул. Ленина, 60); кафе-бар *d'Иваныч* (ул. Докучаева, 20); нефтяная компания *ЛУКойл* (ул. Ленина, 77). Стоит упомянуть о том, что первые три заглавные буквы «ЛУК» представляют собой аббревиатуру от названий основных городов, где эта компания добывает нефть: Лангепас, Урай и Когалым, а *oil* (от англ. ‘масло’ или ‘нефть’), однако мало кто задумывается об этих пунктах нефтедобычи.

Заключение

Как показало наше исследование (около 80 наименований различных объектов), в ономастическом пространстве города Перми встречаются самые разнообразные виды языковой игры, используемые в наружной рекламе. Пермские рекламщики (и рекламодатели) весьма творчески относятся в неймингу. Лингвистический и

лингвосемиотический анализ эргонимов – названий коммерческих объектов Перми – позволил нам разделить их на 12 видов, то есть выделить 12 различных «типов решений в нейминге». Более широкий массив материала исследования, возможно, дополнит нашу классификацию.

Список литературы

1. Баженова Е.А., Карпова Т.Б. Креативная стилистика: онтология и дидактика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 2 (220). С. 135–143.
2. Ерофеева Т.И. Речевой узус современного города // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3 (19). С. 22–25.
3. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.
4. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Креативность и функциональные принципы стилистического анализа // Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2013. С. 327–329.
5. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Прагматическая обусловленность креативной речевой деятельности // Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2013а. С. 371–379.
6. Маркетинг: Большой толковый словарь / под ред. А.П. Панкрухина. М.: Омега-Л, 2010. 261 с.
7. Маслоу А. Креативность у самоактуализирующихся людей // Мотивация и личность. М., СПб.: Питер, 2008. С. 221–230.
8. Мезенцев Е.А. Реклама в коммуникационном процессе: учебное пособие. Омск: Изд-во «Омский государственный технический университет», 2007. 64 с.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
10. Попова Т.В. Графодерева в русском словообразовании конца XX – начала XXI вв. // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М.: Макс Пресс, 2007. С. 230–231.
11. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: URSS; Либриком, 2019. 366 с.
12. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.П., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований. М.: URSS; Либриком, 2019. 256 с.
13. Топоров В.Н. Из области теоретической топономастики // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 3–12.
14. Топоров В.Н. О палийской топономастике // Ономастика Востока: Исследования и материалы. М.: Наука, 1969. С. 3–49.
15. Шмелёва Т.В. Ономастикон современного города // Материалы Международного съезда русистов в Красноярске. Т. I. Красноярск: Изд-во «Красноярский педагогический институт», 1997. С. 147–148.

References

1. Bazhenova E.A., Karpova T.B. Kreativnaia stilistika: ontologiia i didaktika [Creative stylistics: ontology and didactics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022, iss. 2 (220), pp. 135-143. (In russ.).
2. Erofeeva T.I. Rechevoi uzus sovremennogo goroda [Speech usage of the modern city]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*. 2012, no. 3 (19), pp. 22-25. (In russ.).
3. Kitaigorodskaiia M.V., Rozanova N.N. Rech' moskvichei: kommunikativno-kul'turologicheskii aspect [Muscovites' speech: communicative and cultural aspect]. Moscow, *Russkie slovani*, 1999, 396 p. (In russ.).
4. Kupina N.A., Matveeva T.V. Kreativnost' i funktsional'nye printsipy stilisticheskogo analiza [Creativity and functional principles of stylistic analysis]. *Stilistika sovremennogo russkogo iazyka*. Moscow, Iurait, 2013, pp. 327-329. (In russ.).
5. Kupina N.A., Matveeva T.V. Pragmaticheskaiia obuslovlennost' kreativnoi rechevoi deiatel'nosti [Pragmatic conditionality of creative speech activity]. *Stilistika sovremennogo russkogo iazyka*. Moscow, Iurait, 2013a, pp. 371-379. (In russ.).
6. Marketing: Bol'shoi tolkovyi slovar' [Marketing: Big explanatory dictionary]. Moscow, Omega-L, 2010, 261 p. (In russ.).
7. Maslou A. Kreativnost' u samoaktualiziruiushchikhsia liudei [Creativity in self-actualizing people]. *Motivatsiia i lichnost'*. Moscow, St. Petersburg, Piter, 2008, pp. 221-230. (In russ.).

8. Mezentsev E.A. Reklama v kommunikatsionnom protsesse [Advertising in the communication process]. Omsk, Izd-vo «Omskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet», 2007, 64 p. (In russ.).
9. Podol'skaia N.V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka, 1978, 200 p. (In russ.).
10. Popova T.V. Grafoderevatsiia v russkom slovoobrazovanii kontsa XX - nachala XXI vv. [Graph derivation in Russian word-formation of the late XX - early XXI centuries.]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. Moscow, Maks Press, 2007, pp. 230-231. (In russ.).
11. Superanskaia A.V. Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo [General theory of proper name]. Moscow, URSS, Librikom, 2019, 366 p. (In russ.).
12. Superanskaia A.V., Staltmane V.E., Podol'skaia N.P., Sultanov A.Kh. Teoriia i metodika onomasticheskikh issledovaniia [Theory and methodology of onomastic research]. Moscow, URSS, Librikom, 2019, 256 p. (In russ.).
13. Toporov V.N. Iz oblasti teoreticheskoi toponomastiki [From the field of theoretical toponomastics]. *Voprosy iazykoznanii*. 1962, no. 6, pp. 3-12. (In russ.).
14. Toporov V.N. O paliiskoi toponomastike [About Pali Toponomastics]. *Onomastika Vostoka: Issledovaniia i materialy*. Moscow, Nauka, 1969, pp. 3-49. (In russ.).
15. Shmeleva T.V. Onomastikon sovremennogo goroda [Onomasticon of the modern city]. *Materialy Mezhdunarodnogo s"ezda rusistov v Krasnoiarske*. Krasnoiarsk: Izd-vo «Krasnoyarskij pedagogical institut», vol. I, 1997, pp. 147-148. (In russ.).

Информация об авторах

Е.П. Карзенкова – старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Т.Б. Карпова – кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и стилистики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E.P. Karzenkova – Senior Lecturer of Russian Language and Stylistics Department,
Perm State University;
T.B. Karpova – Ph.D. (Philology), Associate Professor
of Russian Language and Stylistics Department,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 18.03.2022;
принята к публикации 15.04.2022

The article was submitted 12.02.2022; approved after reviewing 18.03.2022; accepted for
publication 15.04.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 60–71.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 6. P. 60-71.

Научная статья

УДК: 821.111 (73)

doi: 10.24412/2713-0231- 2022-6-60-71

«МОИ КНИГИ РАЗВЛЕКАЮТ, ПРОСВЕЩАЮТ И ПРОВОЦИРУЮТ»: ТВОРЧЕСТВО ДЭНА СИММОНСА

Гульчачак Ильгизовна Гадиева

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, kochfy@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются вехи творческого пути современного писателя США Дэна Симмонса, лауреата многочисленных премий в области литературы. Краткий анализ художественных произведений Симмонса начинается с первого рассказа «Река Стикс течет вспять» (1979) и включает в себя такие романы, как «Гиперион», «Падение Гипериона», «Колокол по Хэму», «Террор», ещё не законченную книгу «Омега Каньон» и др. Творчество американского автора уже более сорока лет популярно во всем мире, в том числе в России, на русский язык переведено 26 романов, с каждым годом появляется все больше экранизаций по его произведениям. Неуклонно растущая популярность писателя, возможно, объясняется стремлением Д. Симмонса работать сразу в нескольких жанрах; в своей прозе он соединяет фантастические истории с детективными, готические романы с биографическими. Своеобразная жанровая контаминация привлекает и исследователей, пытающихся разобраться в модификациях, инструментах и методах, которые использует автор. Однако на фоне неослабевающего интереса российских критиков к романам Симмонса «белым пятном» выделяется отсутствие у нас его творческой биографии. Поэтому цель данной статьи – отчасти заполнить имеющийся пробел и проанализировать этапы становления Д. Симмонса как писателя, работающего сразу в нескольких жанрах. Материалом для статьи послужили переводы ряда романов на русский язык, исследования отечественных литературоведов, интервью с писателем, англоязычные статьи о личности и творчестве Д. Симмонса и его собственные высказывания в различных медиа.

Ключевые слова: Дэн Симмонс, современная литература США, готический роман, детектив, биография.

Для цитирования: Гадиева Г.И. «Мои книги развлекают, просвещают и провоцируют»: творчество Дэна Симмонса // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 60–71. <https://doi.org/10.24412/2713-0231- 2022-6-60-71>

Original article

«MY BOOKS ENTERTAIN, ENLIGHTEN AND PROVOKE»: DAN SIMMONS' WORKS

Gulchachak I. Gadieva

Bashkir State University, Ufa, Russia, kochfy@mail.ru

Abstract. The article illustrates the stages of an oeuvre of modern American author Dan Simmons, winner of numerous awards in the field of literature. A brief analysis of Simmons' works begins with the first story «The River Styx Runs Upstream» (1979) and includes novels such as «Hyperion», «The Fall of Hyperion», «The Crook Factory», «The Terror», the unfinished book «Omega Canyon», etc. Works of famous American author has been popular all over the world, including Russia, for more than forty years, 26 novels has been translated into Russian, more and more film adaptations of his works appear every year. The

increasing popularity of the writer may be explained by the desire of D. Simmons to work in several genres at once; he combines fantasy with detective stories, Gothic novels and biographical ones. A peculiar genre contamination, also attracts those researchers who try to figure out the modifications, tools and methods that the author uses. However, against the background of the relentless interest of Russian critics in Simmons' novels, the lack of his creative biography stands out as a «blank spot». Therefore, the purpose of the article is to partly fill this gap and analyze the stages of the establishment of D. Simmons as a writer who works in several genres at once. The research material for the article were translations of a number of novels into Russian, studies of domestic scholars, interviews with the writer, English-language articles about D. Simmons' works and his personality, his own statements in various media.

Keywords: Dan Simmons, modern US literature, Gothic novel, detective story, biography.

For citation: Gadieva G.I. «My books entertain, enlighten and provoke»: Dan Simmons' works. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;6:60-71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-60-71>

Введение

Редкий любитель фантастики не слышал об американском писателе Дэне Симмонсе, обладателе премий Брэма Стокера, «Хьюго», «Локус» и Всемирной премии фэнтези. Его самый известный роман «Гиперион» можно найти в любом российском книжном магазине, хотя с даты первого выхода книги в свет прошло уже 33 года.

«Афиша Daily» ставит имя писателя в один ряд с Конрадом и Мелвиллом, называя «Террор» «самым увлекательным романом XXI века» [Завозова 2017: эл.р.]; Владимир Гаков (псевдоним Михаила Ковальчука, российского публициста, критика и переводчика фантастики) считает Симмонса поэтом в научной фантастике. Преданные фанаты с нетерпением ждут от автора новых произведений, а исследователи ищут и находят в его творчестве удивительные жанровые гибриды, многоуровневые интертекстуальные связи и оригинальные литературные приемы. Романы Д. Симмонса уже успели войти в сферу серьезных исследований по теории и истории литературы.

В российском литературоведении анализу творческого наследия писателя посвящено немало научных изысканий: к примеру, Е.А. Куликов написал диссертацию и несколько статей о национальных кодах в произведениях Дэна Симмонса; Т.С. Гуманова, изучая образ Ч. Диккенса в английской биографической прозе XIX–XXI вв., в одной из глав своего диссертационного исследования рассматривает «биографический» роман Симмонса «Друд, или Человек в черном». Романы американского писателя становились предметом научных работ Т.Л. Селитриной – «Биография и псевдобιοграфия Генри Джеймса в романе Дэна Симмонса «Пятое сердце» (2018), Ю.П. Хорошевой – «Мифопоэтика фантастического в романе Нила Геймана «Американские боги» и тетралогии Дэна Симмонса «Песни Гипериона», Г.Г. Ишимбаевой – «Мотив неузнанного сына в романе Д. Симмонса «Пятое сердце» (2019), «Постмодернистская рецепция шерлок-холмсовского канона в романе Д. Симмонса «Пятое сердце» (2019), И.С. Емельянова – «Двойничество в романе Дэна Симмонса «Друд, или Человек в черном» (2019), «Двоемирие в романе Д. Симмонса «Пятое сердце» (2021) [Емельянов 2019, 2021; Ишимбаева 2019; Куликов 2014, 2015; Селитрина 2018]. Но даже при объективно высоком уровне внимания российских исследователей и критиков к произведениям Дэна Симмонса, в нашей стране до сих пор ещё не появилась работа, дававшая бы общее представление о творческом пути писателя, поэтому цель данной статьи – отчасти заполнить существующий пробел.

Основная часть

Родился будущий писатель 4 апреля 1948 г. в городе Пеория в штате Иллинойс. Его отец Роберт работал в компании, продающей автомобильное испытательное оборудование, поэтому семье приходилось часто переезжать. Вместе с родителями, младшим братом Уэйном (старший брат Тед к тому времени уже жил отдельно) они проехали большую часть Среднего Запада, жили «в Де-Мойн в Айове, в Чилликот и Бримфилде в штате Иллинойс,

прежде чем обосноваться в городе Питтсборо штата Индиана» [World Biographical Encyclopedia: эл.р.]. Самым счастливым временем Симмонс называет несколько лет, проведенных в Бримфилде. Став взрослым, он использовал воспоминания о той поре в романе «Лето ночи» (1991).

Дэн Симмонс рано научился читать и практически сразу же увлекся этим процессом, сначала поглощая все подряд журналы «Ридерз Дайджест», которые выписывала мама, затем комиксы и научно-фантастические журналы, принадлежавшие брату. В третьем классе начал знакомиться с более серьезными книгами, причем благодаря появившемуся интересу к камням: «Однажды я посмотрел 11 книг о камнях, и назад пути уже не было» [White: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.). Из самых важных книг детства он всегда называет «Приключения Тома Сойера» М. Твена (1876), даже сегодня Симмонс может вспомнить, где именно впервые прочитал эту повесть и какие эмоции в то время испытывал.

Любовь к литературе привела его в 1966 г. в колледж Вабаша (Wabash College) на факультет английского языка. Учеба юного первокурсника не была безоблачной и спокойной, так как осенью того же года мать Симмонса заболела раком, и ему приходилось часто ей помогать, ездить домой на выходные, от чего порой страдала учеба. Кэтрин Симмонс не выдержала борьбы с раком и умерла в 1967 г., а в 1968 г. отец стал жертвой той же болезни. Боль от утраты была настолько сильной, что Дэн позднее отобразил ее в сценарии, где «молодой человек смог вылечить рак своей матери одним прикосновением рук» [Wabash Magazine 1998: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.), когда стал уже опытным писателем.

В университетской статье «Wabash Magazine», посвященной пятидесятилетию Дэна Симмонса, авторы отмечают, что трагические события ослабили дух студента, затем возникли еще и финансовые трудности, и молодой студент собрался покинуть колледж. Но с поддержкой факультета Симмонс смог продолжить учебу, позднее он получил материальную помощь и серию грантов после определенных достижений в обучении и внеучебной деятельности. К одной из них относится выпуск подпольной газеты «Сатир» («The Satyr»), которую он готовил вместе с соседом по комнате Китом Найтхельсером в 1970 г. Они редактировали и публиковали статьи самых разных авторов со всего кампуса: «Дуэйна Хокенберри, профессоров, членов братства, спортсменов, эстетов, интеллектуалов и маргиналов» [Wabash Magazine 1998: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.). Симмонс даже организовывал студенческие забастовки, одна из них, к примеру, была в знак протеста против ввода американских войск в Камбоджу в 1970 г.

В колледже он изучал творчество Джеффри Чосера, Джона Китса, Джерарда Мэнли Хопкинса, что в будущем оказало на него влияние, – например, незаконченные поэмы Джона Китса вдохновили его на создание романов «Гиперион» (1989) и «Падение Гипериона» (1990). Во время учебы преподаватель английского языка Уолтер Фертиг предложил ему провести один семестр в Филадельфии в одном из колледжей GLCA – Ассоциации колледжей Великих озер (Great Lakes Colleges Association). Решение поехать стало одним из ключевых в его жизни, поскольку, помогая знакомому режиссеру, работавшему с детьми из неблагополучных районов, Симмонс нашел свое призвание. Там же, по воле судьбы, он встретил свою будущую жену Карен.

Работой мечты для Симмонса стало преподавание, поэтому, после семестра в Филадельфии, юноша решил дополнить свое образование и стать учителем. Магистерскую степень он получил в университете Вашингтона в Сент-Луисе, на последнем курсе завоевав «национальную премию общества «Фи Бета Гамма» за достижения в беллетристике, журналистике и искусстве» [Лаборатория Фантастики: эл.р.].

За почти два десятка лет работы в школе Симмонс сумел стать первоклассным специалистом, что доказывает премия «Колорадской Ассоциации Образования», выход в финал в конкурсе «Преподаватель года штата Колорадо» и тот факт, что Дэн Симмонс был одним из организаторов «обширной специальной программы по выявлению и развитию способностей у особо одаренных детей – APX» [Лаборатория Фантастики: эл.р.]. Писатель

всегда с любовью отзывался о 18 годах преподавания, именно детям он начал рассказывать истории в жанре фэнтези, оттачивая свое мастерство. Его ученики первые узнавали, что случится со злодеем Шрайком из будущего Гипериона, о нем Симмонс рассказывал по тридцать минут в день в течение 180 дней. Позже рукопись будет потеряна, но сам замысел останется до лучших времен.

Первый рассказ «Река Стикс течет вспять» был написан еще в 1979 г., но его долго не хотели публиковать, из-за чего молодой преподаватель терял веру в себя. Но тогда, как и в случае с деканом и возможным отчислением Симмонса, появились люди, готовые ему помочь. Этим человеком стал Харлан Эллисон (1934–2018), американский фантаст и сценарист, автор очерков, статей и эссе. Он был довольно популярным автором короткой прозы, известным, помимо этого, своей несдержанностью и резкими высказываниями, к примеру, Эллисон всегда говорил, что писать нужно «только о трех самых важных вещах в жизни. Это – секс, любовь и отношения между мужчинами и женщинами, это – насилие (все наше общество строится исключительно на насилии), и – зависимость от карьеры (99 человек из 100 готовы пойти на любые унижения начальства ради сохранения карьеры)» [Лаборатория Фантастики: эл.р.]. Но, даже несмотря на скандальные выходки и эпатажные приемы, он является одним из самых титулованных лауреатов премий по научной фантастике – восемнадцать премий «Локус», десять «Хьюго», четыре «Небьюлы», шесть премий Брэма Стокера и мн. др.

Симмонс познакомился с Эллисоном на писательской конференции в 1982 г., куда он отправился нехотя, только из-за уговоров жены. Уже знаменитый своей прямолинейностью и несдержанностью Харлан Эллисон сразу же раскритиковал начинающего автора за то, что тот представил слишком длинный рассказ. Но стоило ему прочитать «Река Стикс течет вспять», как он не выдержал и заплакал. Критик сказал Симмонсу, что у него «нет иного выбора, кроме как продолжить писать, независимо от того, будет что-то опубликовано или нет» [Wabash Magazine 1998: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.). После этого Симмонс по настоянию Эллисона участвовал в конкурсе газеты «Сумеречная зона» («Twilight Zone Magazine»), и первый его опубликованный рассказ стал победителем.

Во вступлении к сборнику рассказов «Молитвы разбитому камню» 1990 года Харлан Эллисон пишет, что именно он «открыл» Симмонса на той писательской конференции, разнеся в пух и прах труды всех участников и оценив лишь одну работу – рассказ Дэна Симмонса, молодого человека около тридцати лет, уже три года безуспешно пытающегося публиковаться в журналах. Уместно привести слова Эллисона, которые начинающий автор, вознесшийся после справедливой похвалы, запомнил на всю жизнь: «Мистер Симмонс, вы – писатель. И вы навсегда останетесь писателем, даже если больше ничего не напишете. Возможно, здесь есть и другие писатели, но я сомневаюсь, что кто-нибудь еще в этой комнате является писателем в столь полном и точном смысле этого слова. Я должен сказать и еще кое-что: вы теперь не сможете, никогда не сможете бросить. Вы все знаете и поэтому обречены принести остаток жизни в жертву этому одинокому и священному ремеслу. Пострадает личная жизнь; жена и дети, если таковые имеются, рано или поздно вас возненавидят; каждая влюбленная в вас женщина будет презирать свою вечную соперницу – вашу профессию; из-за постоянных дедлайнов вы перестанете ходить в кино; из-за проблем с вдохновением будете не спать ночи напролет; финансы запоют романсы, потому что писателям обычно не заработать ни на жилье, ни на игрушки детям» [Эллисон: эл.р.]. Там же Харлан Эллисон трогательно замечает, что если и запомнится потомкам, то именно потому, что он «открыл Дэна Симмонса. Вот ведь!»

Но было еще одно событие, по значимости превосходящее даже получение известной премии – это рождение дочери Джейн именно в день публикации выпуска с рассказом. Симмонс, сравнивая эти две новости, писал, что если говорить о рождении, то «дети – это настоящее дело» [Симмонс: эл.р.].

Следующим художественным произведением стал уже роман, психологический триллер ужасов (psychological horror-thriller) – «Песнь Кали», опубликованный в 1985 г. Книга сделала Симмонса единственным начинающим романистом, когда-либо получавшим Всемирную премию фэнтези (World Fantasy Award) за лучший роман. Как отмечается в статье «Wabash Magazine», критики оценили то, что Симмонс поднял жанр, который можно назвать криминальным триллером, на более высокий уровень.

В 1989 г. автору приходится оставить преподавательскую деятельность, чтобы больше сосредоточиться на писательской. Вместе с семьей решает обосноваться в штате Колорадо, где он преподавал последние 14 лет. Там же, в горах, он приобрел поместье Windwalker, рядом с которым на высоте 8400 футов позже установили 8-ми футовую скульптуру Шрайка, героя романа «Гиперион».

В 1989 г. был опубликован роман «Фазы тяготения» (1989), переписанный из повести «Глаза, что я не дерзну встретить и во сне» (1983), который «с самого начала затруднил себе продвижение на рынке нарушением одной из важнейших заповедей: к нему оказалось трудно прикрепить какой-либо стандартный ярлычок» [Гаков 2000: эл.р.]. Владимир Гаков в статье «Поэт в Science Fiction больше, чем поэт» пишет, что тяжело определить, к какому жанру можно отнести этот роман (отсюда отсутствие «ярлычка»): «Что это – роман «общего потока» (mainstream), «научная фантастика» (science fiction), «любовная мелодрама» (romance), «роман ужасов» (horror)? Да всего понемножку: и первого, и второго – и десятого! Между тем американский книжный рынок подобен большому универмагу: какие бы роскошные унитазы вы ни предлагали, никто их у вас не купит, если они выставлены в отделе обуви. Или, скажем, гастрономии» [Гаков 2000: эл.р.].

Владимир Гаков, критикуя отдельные решения Симмонса, с большим уважением отзывается о его произведениях, которые часто публиковали в российском журнале фантастики «Если», выходившем в 1991–2012 и в 2015–2016 гг. Например, автор статьи высоко оценивает самое известное произведение Дэна Симмонса – «Гиперион». История создания романа довольно необычна, перейти от привычных жанров к научной фантастике американского автора отчасти вынудил литературный агент, добившись хорошего предложения с авансом в издательстве «Bantam-Doubleday», где главным условием было написать именно научно-фантастический роман. Симмонс согласился подготовить за год две книги, связанные с двумя незаконченными поэмами Джона Китса «Гиперион» и «Падение Гипериона». Главным антагонистом романа стал уже известный его бывшим ученикам Шрайк, которого автор трансформировал, превратив в более серьезного и устрашающего персонажа, подходящего для такого жанра. Владимир Гаков называет «Гиперион», опубликованный в 1989 г., «необычной книгой», где «странным образом соседствуют поэзия Китса и Чосера (в частности, «Кентерберийскими рассказами» последнего, несомненно, навеяно сюжетное построение первой книги дилогии), новой «апокалиптической» религии (фактически, еще одно перевоплощение христианства, возродившегося на далекой планете после гибели Земли, – совсем в духе модных веяний New Age), путешествий во времени и межзвездной политической интриги на уровне хербертовской «Дюны». Одним словом, как уже успели окрестить роман критики, эдакая «интеллектуальная космогоническая опера!» [Гаков 2000: эл.р.].

Аналогию с «Кентерберийскими рассказами» исследователи проводят из-за структуры «Гипериона» – роман состоит из шести историй, которые рассказывают главные герои, шестеро паломников, в пути в пути к планете Гиперион, где состоится встреча с антагонистом Шрайком. Выбор именно этих людей в качестве паломников был продиктован их связью с главным героем Шрайком, который в разной степени повлиял на жизнь каждого из них.

«Гиперион» был высоко оценен критиками и американской прессой, к примеру, газета «The New York Times» хвалила изобретательное и необычное повествование романа, сравнив его уже с классическим на тот период циклом «Основание» (1942–1993) Айзека Азимова, «Дюной» (1965–1985) Фрэнка Герберта и с «Книгой Нового Солнца» (1980–1983) Джин

Вулф. «Washington Post» писала о том, что Симмонс мастерски изобразил будущее, отдаленное на 700 лет, «по сложности и масштабу, возможно, превосходя Айзека Азимова и Джеймса Блиша» [Wabash Magazine 1998: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.). Помимо хвалебных рецензий газет и журналов об успехе романа свидетельствует полученная в 1989 г. премия «Хьюго» за лучший роман и премия «Локус» в категории «Научно-фантастический роман».

Не меньшее количество наград будет у его следующего романа «Утеха падали» (Carrion Comfort) 1989 г., название которого переводят еще как «Комфортная мертвечина». Симмонс получил «Британскую фэнтези-премию» в категории «Роман – Премия им. Августа Дерлета», премию «Локус» в категории «Роман ужасов», премию «Брэма Стокера» в категории «Роман». «Утеха падали» до сих пор считается одним из лучших романов, посвященных теме вампиров. Эту тему Симмонс продолжит в рассказе «Метаастазы» (1988), повести «Все дети Дракулы» (1991) и в романе «Дети ночи» (1992).

Журнал «Wabash» отмечает, что Дэн Симмонс стал «одним из немногих авторов, пишущих в жанре ужасов и научной фантастики, к которым серьезно относятся ученые и литературные критики» [Wabash Magazine 1998: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.). Совершенно неудивительно, что свой талант американский писатель смог реализовать сразу в нескольких жанрах, он никогда и не стремился работать в рамках только одной формы, даже дал себе клятву, что если достигнет какого-либо успеха, то не станет придерживаться рамок одного жанра: «Единственный способ продолжения моей работы и написания большего количества книг для меня – это представить читателям роман Дэна Симмонса с тропами и схемами того жанра, который я выбрал. Если это притянет читателей Дэна Симмонса – хорошо, если нет, черт с ним, лучше уж тогда сесть за руль грузовика» [Rambo 2009: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.). Это высказывание показывает, какая сильная связь у автора с читателем, его читатель примет любой жанр, который выбрал любимый писатель: «Настоящее чудо, на мой взгляд, заключается в том, что когда я оставил определенные жанры позади, многие мои читатели охотно последовали за мной в новые жанры и новые формы художественной литературы» [Albuquerque 2015: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.).

Из всех жанров, которые исследователи выделяют в творчестве Симмонса: научной фантастики, романа ужасов, триллеров, фэнтези – самым первым условно можно считать детектив, поскольку именно с него он начал писать еще в 3-м классе. «Тимми Браун: детективные истории для мальчиков» приобрели первую в его жизни аудиторию, состоявшую из одноклассников. В четвертом классе Дэн продолжил рассказом уже в жанре научной фантастики, а в пятом написал «подробное продолжение «Волшебника страны ОЗ»» [White: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.).

Его профессиональная установка не ограничивать себя как автора во многом была сформирована литературой, которой он восхищался: «Писатель, чьей карьере я бы хотел в какой-то мере последовать, – это Джон Фаулз («Женщина французского лейтенанта»), отчасти потому, что он писал все, что хотел, и отказывался быть классифицированным» [Gwinn 2009: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.). Среди других своих любимых авторов он выделяет Чарльза Диккенса, Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Ф.С. Фицджеральда, Владимира Набокова, Сола Беллоу, Джона Апдайка, Томаса Пинчона и мн.др.

На вопрос о сотрудничестве с другими авторами Симмонс в одном из интервью ответил, что его не так сильно привлекает эта идея после совместного создания с Эдом Брайантом рассказа «Dying is Easy, Comedy is Hard» для DS Comics (1990). Симмонс согласился на работу с такой крупной корпорацией, в основном, из-за дочери Джейн, которая увлекалась Джокером в оригинальном фильме о Бэтмене. Первую половину написал он, а вторую Эд Брайман, обоим совместный результат понравился, хотя позднее сложилась не совсем красивая ситуация с компанией DS Comics, которая хотела внести свои правки в рассказ, но после спора с авторами заказчики отказались от этих планов. Таким образом, в неканонической антологии «The Further Adventures of The Joker» 1990 г. остался совместный рассказ Симмонса и Брайанта.

Возвращаясь к хронологии появления художественных произведений Д. Симмонса, уточним, что после «Детей ночи», получивших в 1993 г. премию «Локус», в 1995 г. выходит в свет книга «Костры Эдема» (Fires of Eden). Роман относится к жанру ужасов, его сюжет разворачивается вокруг героини Элинор Перри, учительницы американского колледжа, которая отправляется в путешествие на Гавайи. Е.А. Куликов, один из исследователей творчества Симмонса, выделяет в «Кострах Эдема» тему национальных менталитетов, поскольку автор описывает «оживших представителей Гавайской мифологии и народных преданий, которые сталкиваются с совершенно другим менталитетом прибывших на Гавайи американских туристов» [Куликов 2015: 128]. Обращение Симмонса к национальной тематике Е.А. Куликов обнаруживает и в рассказе «Песни Кали» (1985), дилогии «Троя» («Илион» 2003, «Олимп» 2005), романе «Друд, или Человек в черном» (2009) и романе «Флэшбэк» (2011).

В последующие годы Симмонс создает продолжение книг «Гиперион» и «Падение Гипериона» – «Эндимион» (1996) и «Восход Эндимиона» (1997). Действие третьего романа «Эндимион» разворачивается через 274 года после событий, описанных в двух первых романах. Вл. Гаков, даже будучи большим поклонником тетралогии, замечает, что два последних романа осилит «лишь наиболее преданный фанат Симмонса – что бы там ни говорили цифры продаж» [Гаков 2000: эл.р.]. Несмотря на то, что «Эндимион» номинировался на премию «Локус», а «Восход Эндимиона» ее выиграл и был номинирован на премию «Хьюго», Симмонс пообещал себе, что эти два произведения станут последними романами, действие которых происходит в «еще плодородной вселенной Гипериона» [White: эл.р.] (перевод наш – Г.Г.).

Романом, закрывающим собой XX век в творчестве писателя, становится «Колокол по Хэму» (The Crook Factory) (1999). В нем Симмонс впервые выводит историческую личность в качестве одного из главных героев. Теперь к научной фантастике, фэнтези и роману ужасов добавляется исторический жанр, включение образов реально существовавших лиц, в основном, писателей. В «Колоколе по Хэму» им становится Эрнест Хемингуэй, создавший на Кубе во время Второй мировой войны разведывательную организацию «Хитрое дело» (попутно заметим, что в дальнейшем Симмонс представит персонажами своих романов Чарльза Диккенса, Уилки Коллинза, Генри Джеймса, участников арктической экспедиции и др.). Конечно, полностью историческим этот роман назвать нельзя, сам Симмонс в примечаниях автора пишет, что книга является «вымышленной реконструкцией покрытых тайной событий тех месяцев» [Симмонс: эл.р.]. Под «месяцами» имеется в виду период с мая 1942 г. по апрель 1943 г., описываемый биографами Хемингуэя весьма скудно, хотя Симмонс утверждает, что действия знаменитого писателя в то время содержались в объемном досье ФБР, которое велось еще с 1930-х. В романе приведена настоящая переписка агентов, отчеты ФБР, секретные расшифровки стенограмм электронного и телефонного прослушивания и другая информация, досконально изученная Симмонсом. Уже в первом, практически историческом и «правдивом на 95 %» [Симмонс: эл.р.], романе заметно пристальное внимание автора к биографическим данным. При центральном вымышленном сюжете исторический фон, детали, герои – реальны, совершенно очевидно, что Симмонс провел большую предварительную работу по поиску информации и ее отбору для будущего произведения. Именно таким же образом он поступит и в своей будущей «викторианской трилогии».

Вступая в новый, двадцать первый век, Симмонс снова показывает, как кардинально может сменить жанр. От исторической формы он переходит к детективному триллеру «Бритва Дарвина» (2000), где главный герой Дарвин пытается раскрыть дело о мошенничестве, связанном с автомобильным страхованием. Стоит отметить, в романе все же присутствуют настоящие истории – несчастные случаи и аварии, основанные на отчетах, реконструировавших реальные события. Некоторые из данных событий герои награждают «премией Дарвина», которая существует в реальности. Это виртуальная антипремия,

присуждаемая тем, кто «наиболее глупым способом умер или потерял способность иметь детей и в результате лишил себя возможности внести вклад в генофонд человечества, тем самым улучшив его» [Академик: эл.р.]. Можно утверждать, что Симмонсу не чужд «черный юмор», если учесть, что наиболее «изобретательные» автомобильные аварии в романе награждаются этой антипремией.

Романы «Неглубокая могила» (2001), «Лютая зима» (2002) и «Круче некуда» (2003) составляют цикл произведений о частном детективе Джо Курце. Симмонс здесь работает в жанре «чистого» детектива, в стиле романов Раймонда Чандлера и Микки Спиллейна, где главный герой, уверенный и опытный детектив, проходит через череду приключений, решая свои и чужие проблемы. Вышедший в том же году роман «Зимние призраки» (2002) становится последней частью цикла о Дэйле Стюарте и Майкле О'Рурке, в который входили романы «Лето ночи» (1991) и «Дети ночи» (1992). Из романа в роман герои борются со Злом – если в первой книге это одиннадцатилетние мальчишки, во второй – подростки, то в третьей части они уже взрослые люди, которые возвращаются в свой город детства, чтобы снова встретиться со старыми врагами.

Романы «Илион» (2003) и «Олимп» (2005) объединены в дилогию «Троя». Сюжет в них разворачивается в отдаленном на 40 веков будущем, где более усовершенствованные люди на Марсе воссоздают действия «Илиады» Гомера, то есть события греко-тройанской войны. Помимо этой поэмы Симмонс обращается также к «Буре» Шекспира, «Одиссее» Гомера, «Аде» Набокова, но в цикле они, по удачному выражению Е.А. Куликова, «получают новую жизнь и обрастают новым смысловым полем, которое способно обогатить не только собственно «Илион/Олимп» американского писателя, но и сами претексты» [Куликов 2014: 95].

Новым этапом в творческой биографии Симмонса становится «викторианская» трилогия, в которую вошли романы «Террор» (2007), «Друд, или Человек в черном» (2009) и «Пятое сердце» (2015). «Викторианскими» романы называются из-за того, что в качестве главных персонажей в них выступают известные личности, жившие в эпоху правления королевы Виктории. В центре первого романа находится экспедиция Джона Франклина 1845–1847 гг., предпринятая для освоения Арктики, но так и не достигшая успехов. Корабли «Террор» и «Эребус» не вернулись в Великобританию, судьба членов экспедиции осталась неизвестной. Примечательными в этой истории стали предполагаемые случаи каннибализма среди участников экспедиции, что подтверждали эскимосы, знавшие погибших моряков. В романе «Террор» Симмонс создает свою альтернативную версию случившегося, обращая внимание и на тему каннибализма. Именно она стала связующим звеном, парадоксальным образом приведшим его к идее создания следующего произведения – «Друд, или Человек в черном».

Дело в том, что романы «Террор» и «Друд, или Человек в черном» связаны реакцией Чарльза Диккенса на острейшую тему, породившую множество слухов в середине XIX в. Викторианский писатель был глубоко возмущен даже самой мыслью о том, что участники экспедиции могли быть заподозрены в каннибализме. Во время создания «Террора» Симмонс изучал статьи Диккенса об этом вопросе, его пламенные высказывания в защиту членов экспедиции, что и привело Д. Симмонса к идее написать роман о последних годах жизни английского классика, начиная с известной железнодорожной катастрофы в Стейплхёрсте 1865 г.

Рассказчиком в «Друде» выступает другой знаменитый писатель – Уилки Коллинз, в романе также выводятся образы членов семьи Диккенса, его друзей, коллег и пр. Это произведение Симмонса заметно отличается от предыдущих более сложной литературной техникой: если в «Колоколе по Хэму» автор использовал образ реальной исторической личности – Эрнеста Хемингуэя, а в дилогии «Троя» – героев других известных произведений, то здесь он объединяет, по меньшей мере, два метода построения сюжета. В «Друде» события разворачиваются не только вокруг последних пяти лет жизни Диккенса,

они включают в себя и персонажей его последнего романа «Тайна Эдвина Друда» – самого видоизмененного Друда, Дердлса, старуху-опиумщицу. Роман представляет собой сложный и многослойный синтез биографических фактов (тщательно отобранных) из жизни Чарльза Диккенса, Уилки Коллинза и вымышленной истории короля Подземного города, Друда. При этом читатель может не опасаться, что составит ложное представление о жизни Ч. Диккенса, так как Симмонс «строго следует биографическим фактам, приводит выдержки из статей, писем Диккенса, но при этом он предлагает новый взгляд на жизнь писателя, позволяя увидеть его совсем не таким, каким он изображен в традиционных биографиях» [Гадиева 2021: 18]. В случае с Уилки Коллинзом все обстоит несколько иначе, поскольку этот образ лишь частично основан на исторической правде. Коллинз в изображении Симмонса становится «неуспешным автором, завидующим Диккенсу и другим именитым писателям, он не уважает женщин, пренебрежительно относится к своим близким» [Гадиева 2022: 51]. Такое изменение было необходимо автору, чтобы рассказчик больше соответствовал центральной теме романа, посвященной разрушению дружбы двух соавторов из-за зависти Коллинза и большей известности Диккенса.

В отношении литературной техники «Друд, или Человек в черном», по нашему мнению, – это настоящий клад для читателей и особенно для литературоведов, которые смогут найти в романе яркий пример нового жанра «альтернативной биографии», сочетающей в себе всевозможные интертекстуальные связи с произведениями Диккенса и Коллинза и историческими фактами из их жизни. На разных уровнях сложной композиционной организации романа обнаруживаются цитаты из писем, статей Диккенса, образ «ненадежного рассказчика», документальное описание чтений «Неподражаемого», авторское видение истории с Эллен Тернан и многое, многое другое.

В «Пятом сердце» Симмонс снова вводит в качестве главного действующего лица писателя – Генри Джеймса. Вместе с Шерлоком Холмсом они проводят свое расследование смерти Кловер Адамс, жены историка Генри Адамса, параллельно пытаясь выяснить, почему Шерлок Холмс чувствует себя персонажем романа. Здесь присутствуют образы исторических лиц конца XIX века, воссоздается атмосфера того времени; основное действие разворачивается в Соединенных Штатах Америки. Уже хорошо знакомый после «Террора» и «Друда» с мировоззрением и привычками британцев, Симмонс сравнивает их с мышлением и правилами американцев, ставя Генри Джеймса, урожденного американца с британским подданством, посередине.

«Викторианская трилогия» является характерным примером того, как внимательно Дэн Симмонс относится к историческому контексту и биографии исторических лиц – персонажей своих романов. Он скрупулезно изучает огромный объем данных: к примеру, биография П. Акройда «Диккенс» 1990 года, на которую он опирался при создании «Друда», содержит в себе 1054 страниц малым шрифтом. Рискнем предположить, что и в этом аспекте он остается в душе тем преподавателем, который стремится познакомить своих учеников (уже читателей) с миром знаменитых писателей и их книг с помощью интересных историй, которые он всегда умел рассказывать.

В настоящее время Д. Симмонс работает над романом «Омега Каньон» – будущей книге о «шпионаже, науке и самопожертвовании во время Второй Мировой Войны» [Лаборатория Фантастики: эл.р.]. На вопрос поклонников о сроках публикации автор многозначительно отвечает в социальных сетях, что «Омега Каньон» продолжает «ползти, чтоб вновь родиться в Вифлееме» (что является цитатой из стихотворения Уильяма Йейтса «Второе Пришествие»).

Заключение

Пример с остроумной поэтической цитатой в социальных сетях ярко показывает, на наш взгляд, что преподаватель всегда остается в душе преподавателем, даже если он прекращает свою работу. Дэн Симмонс все так же стремится знакомить читателей не только

со своими книгами, но и со всей мировой литературой. В его произведениях гармонично соединяются образы исторических личностей и их художественные проекции, трансформированные образы литературных персонажей и вымышленные герои, точные факты и ирреальные фантазии. Сочетая столь разнородный материал, автор не нарушает баланса и логики, все исторические события хронологически верны, изображенные характеры достоверны – конечно же, это результат внимательной работы с самыми разными источниками. Не будет преувеличением утверждать, что редкий автор возьмет на себя смелость работать с таким объемом данных. Но Дэн Симмонс может, и хочет, и невероятно талантливо это делает.

Он не ограничивает себя одним жанром, проверенными инструментами – ни один исследователь не угадает, с какой формой писатель начнет работать в следующий раз. Поэтому верным читателям и терпеливым критикам остается только ждать выхода новой книги, которая, определенно, вновь удивит их, как в первый раз.

Список литературы

1. Гадиева Г.И. Принципы использования биографических фактов в романе Д. Симмонса «Друд, или Человек в черном» // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство: сборник статей с международным участием. Уфа: Изд-во «Башкирский государственный университет», 2021. С. 17–22.
2. Гадиева Г.И. Соотнесенность биографического и художественного образов Уилки Коллинза в современной прозе («У. Коллинз» П. Акройда и «Друд, или Человек в черном» Д. Симмонса) // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2022. № 1. С. 43–53.
3. Гаков В. Поэт в Science Fiction больше, чем поэт [Электронный ресурс] // Журнал «Если». 2000. № 3. URL: <https://coollib.net/b/233460-andrey-schupov-esli-2000-n-03/read?p=105&cnt=9000> (дата обращения: 14.02.2022).
4. Дэн Симмонс [Электронный ресурс] // Лаборатория Фантастики. URL: <https://fantlab.ru/autor1> (дата обращения: 12.02.2022).
5. Емельянов И.С. Двоемирие в романе Д. Симмонса «Пятое сердце» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. № 10. С. 2978–2983.
6. Емельянов И.С. Двойничество в романе Дэна Симмонса «Друд, или Человек в черном» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. № 12 (4). С. 395–398.
7. Завозова А. «Террор», «Поправки» и еще 25 самых значимых зарубежных книг XXI века [Электронный ресурс] // Афиша Daily. 2017. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/5313-terror-popravki-i-esche-25-samyh-znachimyh-zarubezhnyh-knig-xxi-veka/> (дата обращения 12.02.2022).
8. Ишимбаева Г.Г. Мотив убийства отцом неузнанного сына в романе Д. Симмонса «Пятое сердце» // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 6. С. 410–418.
9. Ишимбаева Г.Г. Постмодернистская рецепция шерлок-холмсовского канона в романе Д. Симмонса «Пятое сердце» // Культурные коды зарубежной литературы. Уфа: РИЦ «Башкирский государственный университет», 2019. С. 49–58.
10. Куликов Е.А. Национальная специфика в восприятии Дэна Симмонса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 126–130.
11. Куликов Е.А. Шекспировский код в дилогии Дэна Симмонса «Троя» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (3). С. 90–94.
12. Премия Дарвина [Электронный ресурс] // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/128537> (дата обращения: 19.02.2021).
13. Селитрина Т.Л. Биография и псевдобиография Генри Джеймса в романе Дэна Симмонса «Пятое сердце» // Филология и культура. 2018. № 3. С. 215–221.
14. Симмонс Д. Колокол по Хэму [Электронный ресурс]. URL: <https://libs.ru/book/1808/read/> (дата обращения: 19.02.2022).
15. Симмонс Д. Предисловие к сборнику рассказов «Молитвы разбитому камню» [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/simmons_den/molitvi_razbitomu_kamnyu.html#0 (дата обращения: 14.02.2022).
16. Харлан Эллисон [Электронный ресурс] // Лаборатория Фантастики. URL: <https://fantlab.ru/autor93> (дата обращения: 15.03.2022).

17. Эллисон Х. Вступление к сборнику рассказов Д. Симмонса «Молитвы разбитому камню» [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/simmons_den/molitvi_razbitomu_kamnyu.html#0 (дата обращения: 12.02.2022).
18. A Break in the Action [Электронный ресурс] // Wabash Magazine. 1998. URL: <https://www.wabash.edu/magazine/1998/spring/features/simmons.htm> (дата обращения: 14.02.2022).
19. Albuquerque M. 5 Questions with Dan Simmons [Электронный ресурс] // Hudson Booksellers. 2015. URL: <https://www.hudsonbooksellers.com/5q-dan-simmons> (дата обращения: 13.02.2022).
20. Dan Simmons [Электронный ресурс] // World Biographical Encyclopedia. URL: <https://prabook.com/web/about.html> (дата обращения: 01.03.2022).
21. Gwinn. M.A. Q&A: Dan Simmons, author of «Drood» [Электронный ресурс] // The Seattle Times. 2009. URL: <https://www.seattletimes.com/entertainment/books/qa-dan-simmons-author-of-drood/> (дата обращения: 13.02.2022).
22. Rambo C. Dan Simmons [Электронный ресурс] // A.V. Club. 2009. URL: <https://www.avclub.com/dan-simmons-1798215859> (дата обращения 13.02.2022).
23. White E.C. A Conversation with Dan Simmons [Электронный ресурс] // The Internet Writing Journal. URL: <https://www.writerswrite.com/journal/dan-simmons-9012> (дата обращения 12.02.2022).

References

1. Gadieva G.I. Printsipy ispol'zovaniia biograficheskikh faktov v romane D. Simmonsa «Drud, ili Chelovek v chernom» [Principles of using biographical facts in the novel by D. Simmons "Drud, or the Man in Black"]. *Sovremennye problemy literaturovedeniia, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodykh uchenykh. Traditsii i novatorstvo: sbornik statei s mezhdunarodnym uchastiem*. Ufa, Izd-vo «Bashkirskii gosudarstvennyi universitet», 2021, pp. 17-22. (In russ.).
2. Gadieva G.I. Sootnesennost' biograficheskogo i khudozhestvennogo obrazov Uilki Kollinza v sovremennoi proze («U. Kollinz» P. Akroida i «Drud, ili Chelovek v chernom» D. Simmonsa) [Correlation of the biographical and artistic images of Wilkie Collins in modern prose ("W. Collins" by P. Ackroyd and "Drood, or the Man in Black" by D. Simmons)]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Serii: Draft: molodaia nauka*. 2022, no. 1, pp. 43-53. (In russ.).
3. Gakov V. Poet v Science Fiction bol'she, chem poet [A co-poet in Science Fiction is more than just a poet]. *Zhurnal «Esli»*. 2000, no. 3. (In russ.). Available at: <https://coollib.net/b/233460-andrey-schupov-esli-2000-n-03/readp?p=105&cnt=9000> (accessed: 14.02.2022).
4. Den Simmons [Dan Simmons]. *Laboratoriia Fantastiki*. (In russ.). Available at: <https://fantlab.ru/autor1> (accessed: 12.02.2022).
5. Emel'ianov I.S. Dvoemirie v romane D. Simmonsa «Piatoe serdtse» [Two worlds in the novel by D. Simmons "The Fifth Heart"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2021, no. 10, pp. 2978-2983. (In russ.).
6. Emel'ianov I.S. Dvoinichestvo v romane Dena Simmonsa «Drud, ili Chelovek v chernom» [Duality in Dan Simmons' Drood, or the Man in Black]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2019, no. 12 (4), pp. 395-398. (In russ.).
7. Zavozova A. «Terror», «Popravki» i eshe 25 samykh znachimykh zarubezhnykh knig XXI veka ["Terror", "Amendments" and 25 more significant foreign books of the 21st century]. *Afisha Daily*. 2017. (In russ.). Available at: <https://daily.afisha.ru/brain/5313-terror-popravki-i-eshe-25-samyh-znachimyh-zarubezhnyh-knig-xxi-veka/> (accessed 12.02.2022).
8. Ishimbaeva G.G. Motiv ubiistva ottsom neuznannogo syna v romane D. Simmonsa «Piatoe serdtse» [The motive for the murder of an unrecognized son by the father in the novel by D. Simmons "The Fifth Heart"]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2019, vol. 8, no. 6, pp. 410-418. (In russ.).
9. Ishimbaeva G.G. Postmodernistskaia retseptsiia sherlok-kholmsovskogo kanona v romane D. Simmonsa «Piatoe serdtse» [Postmodern reception of the Sherlock-Holmes canon in the novel by D. Simmons "The Fifth Heart"]. *Kul'turnye kody zarubezhnoi literatury*. Ufa, RITs BashGU, 2019, pp. 49-58. (In russ.).
10. Kulikov E.A. Natsional'naia spetsifika v vospriiatii Dena Simmonsa [National specificity in the perception of Dan Simmons]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2015, no. 2, pp. 126-130. (In russ.).
11. Kulikov E.A. Shekspirovskii kod v dilogii Dena Simmonsa «Troia» [The Shakespeare Code in Dan Simmons' Dilogy "Troy"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2014, no. 2 (3), pp. 90-94. (In russ.).

12. Premiia Darvina [Darwin Award]. *Akademik*. (In russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/128537> (accessed: 19.02.2021).
13. Selitrina T.L. Biografiia i psevdobiografiia Genri Dzheimisa v romane Dena Simmonsa «Piatoe serdtse» [Biography and pseudobiography of Henry James in Dan Simmons' novel The Fifth Heart]. *Filologiya i kul'tura*. 2018, no. 3, pp. 215-221. (In russ.).
14. Simmons D. Kolokol po Khemu [Bell according to Ham]. (In russ.). Available at: <https://libs.ru/book/1808/read/> (accessed: 19.02.2022).
15. Simmons D. Predislovie k sborniku rasskazov «Molitvy razbitomu kamniu» [Preface to the collection of short stories "Prayers to a Broken Stone"]. (In russ.). Available at: https://royallib.com/read/simmons_den/molitvi_razbitomu_kamnyu.html#0 (accessed: 14.02.2022).
16. Kharlan Ellison [Harlan Ellison]. *Laboratoriia Fantastiki*. (In russ.). Available at: <https://fantlab.ru/autor93> (accessed: 15.03.2022).
17. Ellison Kh. Vstuplenie k sborniku rasskazov D. Simmonsa «Molitvy razbitomu kamniu» [Introduction to the collection of short stories by D. Simmons "Prayers to a Broken Stone"]. (In russ.). Available at: https://royallib.com/read/simmons_den/molitvi_razbitomu_kamnyu.html#0 (accessed: 12.02.2022).
18. A Break in the Action [Электронный ресурс] // Wabash Magazine. 1998. URL: <https://www.wabash.edu/magazine/1998/spring/features/simmons.htm> (дата обращения: 14.02.2022).
19. Albuquerque M. 5 Questions with Dan Simmons [Электронный ресурс] // Hudson Booksellers. 2015. URL: <https://www.hudsonbooksellers.com/5q-dan-simmons> (дата обращения: 13.02.2022).
20. Dan Simmons [Электронный ресурс] // World Biographical Encyclopedia. URL: <https://prabook.com/web/about.html> (дата обращения: 01.03.2022).
21. Gwinn. M.A. Q&A: Dan Simmons, author of «Drood» [Электронный ресурс] // The Seattle Times. 2009. URL: <https://www.seattletimes.com/entertainment/books/qa-dan-simmons-author-of-drood/> (дата обращения: 13.02.2022).
22. Rambo C. Dan Simmons [Электронный ресурс] // A.V. Club. 2009. URL: <https://www.avclub.com/dan-simmons-1798215859> (дата обращения 13.02.2022).
23. White E.C. A Conversation with Dan Simmons [Электронный ресурс] // The Internet Writing Journal. URL: <https://www.writerswrite.com/journal/dan-simmons-9012> (дата обращения 12.02.2022).

Информация об авторе

Г.И. Гадиева – магистр,

Башкирский государственный университет.

Information about the author

G.I. Gadieva – Master,

Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 25.03.2022.

The article was submitted 08.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 25.03.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 72–79.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 6. P. 72-79.

Научная статья

УДК 811

doi: 10.24412/2713-0231-2022-6-72-79

КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Дарья Александровна Палийчук

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, dasha.paliichuck@yandex.ru.

Аннотация. В данной статье рассматриваются корпусные технологии как один из актуальных инструментов в современных исследованиях. Была отмечена важная роль корпусной лингвистики, стремительно развивающееся направление лингвистики, которое предоставляет широкий спектр возможностей для решения разного рода задач. Данное преимущество корпусной лингвистики в первую очередь связано с особо быстрым развитием компьютерных технологий. Выделены ключевые понятия и термины корпусной лингвистики: корпус, конкорданс, корпусный менеджер и конкордансер. Термин «корпус» был отмечен в широком смысле как массив текстов, а также в узком смысле как собрание текстов, сопровождаемое разметкой. Выделены основные черты корпуса: наличие прагматической ориентации, машиночитаемый формат, репрезентативность как результат процедуры отбора, наличие металингвистической информации. Конкорданс определен как результат поиска данных в корпусе, список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник. Рассмотрены лингвистические поисковые системы корпусный менеджер и конкордансер, а также были определены их функционал, отличия, задачи, для решения которых они используются. Проведен обзор работ, в которых исследователи различных областей знания занимались решением разного рода задач посредством применения корпусных менеджеров и конкордансеров: извлечение терминологии; изучение социально-политических явлений на основе частоты поведения лексических единиц; компьютерная визуализация языковой картины мира; обучение иностранным языкам. В рассмотренных работах многими учеными сделан вывод о высокой эффективности и удобстве современных корпусных технологий и отмечают их значительный вклад в прикладные науки и гуманитарные области знания.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпус, корпусы, корпусные технологии, корпусный менеджер, конкорданс.

Для цитирования: Палийчук Д.А. Корпусные технологии в лингвистических исследованиях // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 72–79. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-72-79>

Original article

CORPUS TECHNOLOGIES IN LINGUISTIC RESEARCH

Darya A. Palytchuk

University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia,
dasha.paliichuck@yandex.ru.

Abstract. This article deals with corpus technologies as one of the relevant tools in modern research. The important role of corpus linguistics, a rapidly developing area of linguistics, which provides a wide range of opportunities for solving various kinds of problems, was noted. This advantage of corpus linguistics

is primarily associated with the rapid development of computer technology. The key concepts and terms of corpus linguistics are highlighted: corpus, concordance, corpus manager and concordancer. The term «corpus» has been noted in a broad sense as a collection of texts, and also in a narrow sense as a collection of texts accompanied by markup. The main features of the corpus were highlighted: the presence of a pragmatic orientation, a machine-readable format, representativeness as a result of the selection procedure, the presence of metalinguistic information. A concordance is defined as the result of a search for data in a corpus, a list of all occurrences of a given word in context, with references to the source. The linguistic search systems corpus manager and concordancer were considered, and their functionality, differences, tasks for which they were used were determined. A review of works in which researchers from various fields of knowledge were engaged in solving various kinds of problems through the use of corpus managers and concordancers was carried out: extraction of terminology; study of socio-political phenomena on the basis of the frequency of behavior of lexical units; computer visualization of the linguistic worldview; teaching foreign languages. In the reviewed works, many scientists concluded that modern corpus technologies are highly efficient and convenient, and note their significant contribution to applied sciences and the humanities.

Keywords: corpus linguistics, corpus, corpora, corpus technologies, corpus manager, concordance.

For citation: Palytchuk D.A. Corpus technologies in linguistic research. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;6:72-79. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-72-79>

Введение

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется активным внедрением и использованием компьютерных технологий. Применение современной компьютерной техники и сети интернет позволяет производить анализ большого объема языковых данных, доступного в электронном виде. Так, корпусная лингвистика (раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения, разметки и использования огромных массивов текстов, лингвистических корпусов, на основе самых разнообразных компьютерных технологий [Захаров, Богданова 2013: 5]) считается одним из актуальных и стремительно развивающихся направлений современной лингвистики, а инструментарий в виде корпусных технологий приобретает большую значимость в лингвистических исследованиях для решения различных задач.

Основная часть

Центральным и ключевым понятием в корпусной лингвистике является понятие корпуса. Создатели первого лингвистического корпуса текстов на машинном носителе («Брауновский корпус», 1963 г.) У. Френсис и Г. Кучера использовали понятие «корпус» в значении совокупность текстов, считающаяся представительной для данного языка, диалекта или другого подмножества языка, предназначенная для лингвистического анализа [Francis, Kucera 1964]. В учебнике Э. Финегана приведено следующее определение корпуса: это репрезентативное собрание текстов, обычно в машиночитаемом формате, включающее информацию о ситуации, в которой текст был произведен, такую как информация о говорящем, авторе, адресате или аудитории [Finegan 2004: 536]. Согласно многим электронным ресурсам, корпусы – это большие и структурированные наборы или коллекции текстов, которые используются для статистического анализа и проверки гипотез, проверки случаев встречаемости или обоснования языковых правил по определенным областям [Захаров, Богданова 2013: 5]. Т. МакЭнери и Э. Вилсон предлагают следующее определение: корпус – собрание языковых фрагментов, отобранных в соответствии с четкими языковыми критериями для использования в качестве модели языка [McEnery, Wilson 2001: 29]

Также существует определение корпуса в широком смысле – собрание текстов, существующих на некотором языке в электронной форме. Однако, корпусные лингвисты отмечают, что данное определение обозначает понятие «протокорпус» или же «электронная библиотека» [Плунгян 2009]. Действительно, для пользователей корпусов на первый план выдвигается не содержание текстов, а их метатекстовая информация и примеры употребления определенных языковых элементов и конструкций. Таким образом, корпус в узком смысле – собрание текстов в электронном виде, сопровождаемое разметкой. На основании

вышеуказанных определений можно выделить общие черты корпуса текстов: цель (или прагматическая ориентация), машиночитаемый (электронный) формат, репрезентативность как результат особой процедуры отбора, наличие металингвистической информации. В рамках лингвистики наиболее существенным является определение лингвистического (языкового) корпуса текстов – большой, представленный в машиночитаемом формате, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических или прикладных задач [Захаров, Богданова 2013: 5]. Вслед за В.П. Захаровым, мы придерживаемся именно этого определения.

Развитие компьютерных технологий поспособствовало созданию разных типов корпусов текстов, которые могут удовлетворить запросы исследователей для различных целей. Таким образом, на данный момент, существуют многоцелевые, специализированные, письменные, устные, смешанные, одноязычные, многоязычные, параллельные, литературные, диалектные, терминологические, разговорные, фольклорные, драматургические корпуса и т.п. Необходимо добавить, что современные корпуса постоянно пополняются и обновляются, а их сбор и разметка находятся на другом уровне. Ранее вышеуказанные операции производились на основе разрабатываемых лингвистами и затем программируемых правил. Современный этап развития технологий и систем обработки текстов предоставляет возможность собирать и обрабатывать данные для корпусов на основе статистического принципа: посредством сравнения и анализа текстовых фрагментов в сети Интернет специальными поисковыми программами и подбора наилучших соответствий.

Первоначально с помощью корпусов проводились исследования, ограниченные подсчетом частот встречаемости различных языковых единиц. Так, посредством корпусов появилась возможность обнаружить слова, которые регулярно встречаются вместе, и определить их как устойчивые словосочетания. В лексикографических исследованиях можно установить определенные семантические признаки отдельной языковой единицы, наблюдая её окружение в корпусе. Со временем спектр исследовательских задач расширился. Лингвисты-теоретики с помощью компьютерных корпусов проверяют гипотезы и находят доказательства теорий. Прикладные лингвисты (преподаватели, переводчики и т. д.) обращаются к корпусу при обучении языкам, для создания учебников и пособий, и решения своих профессиональных задач. Компьютерные лингвисты, в свою очередь, пытаются выявить и использовать статистические и лингвистические закономерности текстов для построения компьютерных моделей языка. Литературоведы и редакторы на материале компьютерных корпусов получают ответы на интересующие их вопросы. Историки и социологи могут изучать свои объекты через язык, на основании таких параметров текстов, как период, автор или жанр. Литературоведы используют корпусы для стилиметрических исследований [Захаров, Богданова 2013: 81]. Также корпусы активно используются в сферах разработки автоматизированных систем таких как машинный перевод, информационный поиск и распознавание речи. Понятия конкорданс и корпус-менеджер (или корпусный менеджер) неразрывно связаны с понятиями корпусной лингвистики и лингвистического корпуса.

Поиск данных в корпусе текстов позволяет по любому слову построить конкорданс – список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник. Ещё в начале 1980-х гг. А.С. Герд определил конкорданс как упорядоченный список словоформ (или слов) с указанием всех вхождений того или иного слова в заданный массив текстов, при этом для каждой словоформы приведен контекст, иллюстрирующий данное словоупотребление [Герд 1981: 73]. В.П. Захаров дает следующее определение конкорданса – список контекстов, где искомая единица представлена в её лексическом окружении и характеризуется набором статистических данных [Захаров 2005: 11].

Среди лингвистических задач, для решения которых используются конкордансы, выделяют: сравнение различных использований одного слова; анализ ключевых слов; анализ частотности слов и словосочетаний; поиск и исследование фраз и идиом; поиск перевода, например, терминологии; создание списков слов (что используется при публикации)

[Архипов 2010]. Работа в корпусе проводится с помощью корпусного менеджера (корпус-менеджера) – специализированной поисковой системы, включающей программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобной форме [Захаров, Богданова 2013: 50]. Стоит добавить, что при использовании веб-пространства в качестве корпуса текстов роль корпусных менеджеров могут выполнять поисковые системы, в основном это глобальные информационные поисковые системы вербального типа. Применение корпус-менеджеров предоставляет пользователям следующие возможности, связанные с получением из корпуса необходимой информации: поиск конкретных словоформ; поиск словоформ по леммам; поиск группы словоформ в виде разрывной или неразрывной синтагмы; поиск словоформ по набору морфологических признаков; отображение информации о происхождении, типе текста и т. п.; вывод результатов поиска с указанием контекста заданной длины; получение различных лексико-грамматических статистических данных; сохранение отобранных строк конкорданса в отдельном файле на компьютере пользователя и др. [Захаров 2005: 10]. Наиболее известными корпусными менеджерами являются AntConc, Araneum, DDC, CQP, UAM, Manatee/Bonito, SARA, SketchEngine, WordSmith.

Корпусные менеджеры также называют конкордансерами, поскольку обычно результаты поиска отображены в виде конкорданса. Однако, есть некоторые различия между корпус-менеджерами и конкордансерами. Конкордансеры – программы составления конкордансов по тому или иному корпусу текстов, которые позволяют получать частоту некоторой языковой единицы, список контекстов, а также сортировать контексты по ключевому слову (в исходной форме) и по ближайшему контексту. В свою очередь, корпусные менеджеры способны строить полные конкордансы, включающие в себя не только слова, но и другие элементы корпуса. Корпус-менеджеры дают возможность получить из корпуса такие параметры как лемма и морфологические характеристики слова; позиция слова в предложении и в структуре размеченного текста (HTML, XML); библиографические и типологические признаки документа, из которого выбран контекст (автор, название, источник, год издания, тип текста и т. д.); статистические данные и т.п. На сегодняшний день корпусные технологии активно используются многими исследователями для достижения целей в различных научных областях [Богоявленская 2016; Богоявленская, Палийчук 2022; Гацук 2021; Глазырина 2012; Долгих 2018; Захаров, Масевич 2016; Захаров, Чжан 2020; Кротова 2019; Мальцева 2011; Нагель 2008; Новикова 2020; Осипова, Тарнаева 2016; Хохлова 2012; Чернякова 2011 и др.].

Так, М.В. Хохлова в своей работе по выявлению терминов на базе корпуса специальных текстов (по корпусной лингвистике) отмечает корпус-менеджер SketchEngine. Автор выделяет особенность данной системы, которая заключается в наличии средств, способных реализовать методику дистрибутивно-статистического анализа (тезаурус, кластеризация и дифференциация). Таким образом, исследователь делает вывод, что использование корпуса и инструментов системы Sketch Engine, обладающей рядом уникальных инструментов, позволяет выявлять в автоматизированном режиме синтагматические и парадигматические связи и создавать более адекватное наполнение тезауруса и терминосистемы [Хохлова 2012]. А.А. Новикова также занимается вопросом извлечения терминологии (на базе англоязычного корпуса технических текстов предметной области «Водоснабжение»). Исследователь сравнивает популярные корпусные инструменты обработки и извлечения лингвистической информации TermoStat и SketchEngine. Обе программы позволяют получить ранжированные списки терминов-кандидатов для дальнейшей оценки экспертом определенной предметной области. Отмечаются следующие отличия между SketchEngine и TermoStat: данные корпусные программы работают с разным количеством языков (TermoStat работает с 5 языками, а SketchEngine – более, чем с 85 языками); различные статистические меры для извлечения терминов; формат данных (Sketch Engine работает с файлами разных форматов (например, .doc, .docx, .htm, .html, .tei, .tmx, .txt, .vert, .xml, .pdf, .xls, .xlsx, .tmx, .xlf/.xliff, .ods, .zip, .tar.gz), TermoStat – только с 2 форматами .txt и

.rtf). По результатам исследования выяснилось, что обе программы являются хорошими инструментами для извлечения терминов на базе корпуса специальных текстов, в основном благодаря использованию гибридных методов (комбинации статистических и лингвистических методов), однако были обнаружены различия по показателям точности и полноты. TermoStat выделяет термины с большей точностью (85 %) в отличие от SketchEngine (71 %).

В своей работе З.Б. Долгих демонстрирует ряд преимуществ корпус-менеджера SketchEngine на примере анализа градуирующих средств португальского языка. Исследователь отмечает уникальную черту данной программы, заключающуюся в выводе списков коллокаций по отдельным синтаксическим моделям. Корпусный менеджер SketchEngine позволяет создавать частотный словарь, а также группирует лексические единицы в лексико-семантические поля с внутренней кластеризацией и указанием силы связи между лексемами. Отмечается, что результат в виде данных полей визуализируется в формате модели, где слова, различные по цвету и размеру, сгруппированы и изображены вместе. В то же время автор подчеркивает необходимость в диагностировании состояния развития корпусов на конкретный, ограниченный во времени, период, поскольку в настоящее время данные регулярно обновляются, а текстовая информация в корпусе может устареть. Исследования посредством корпусных технологий не ограничиваются исключительно сферой лингвистики. В.П. Захаров и А.Ц. Масевич изучают социально-политические явления на основе частотного поведения лексических единиц, используя Google Books Ngram Viewer (основной инструмент), Национальный корпус русского языка (НКРЯ), Новый частотный словарь русской лексики (НЧСРЛ), а также Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). В своей работе ученые проводят диахроническое исследование лексических единиц русского языка различных категорий (события или явления; лица или персоны; социально-политические системы, режимы; произведения (артефакты), политические документы).

На примере выражений «красный террор» и «белый террор» исследователи отмечают следующую динамику их частотности: до середины 1980-х гг. словосочетание «красный террор» в текстах встречается достаточно редко, затем наблюдается резкий скачок употреблений; выражение «белый террор» в свою очередь в 1930-е гг. обладало пиковым показателем частотности, который впоследствии постепенно снижался. Исследователи связывают данную динамику со значением понятий «красный террор» и «белый террор» в разных идеологических системах.

Авторы выделяют культурометрию (Culturomics) как активно развивающееся направление, которое выведет гуманитарную область на новый уровень посредством внедрения точных наук и новых методов. Культурометрия – исследование культуры человечества, направлений её развития во времени посредством количественного анализа слов и словосочетаний в очень больших корпусах оцифрованных текстов [Захаров, Масевич 2016: 25].

В своем исследовании В.П. Захаров и П. Чжан занимаются вопросом компьютерной визуализации русской языковой картины мира на примере трёх концептов: «империя», «власть» и «государство». Идентификаторы вышеуказанных концептов были извлечены на основе корпуса словарных статей лингвистических и энциклопедических словарей. В данной работе был описан такой способ визуализации семантических полей как облако тегов. Авторы отмечают облако тегов как один из важных, популярных и удобных способов компьютерной визуализации, который показывает слова, наиболее близкие к ключевому слову из всего набора лексических единиц определенного семантического поля. Данный способ был реализован посредством системы SketchEngine. Построенные с помощью SketchEngine диаграммы наглядно показывают парадигматические связи разных лексических единиц семантического поля, отражающих указанные концепты.

В настоящее время использование корпусных технологий в области преподавания иностранных языков считается стремительно развивающимся направлением, которым занимаются многие специалисты [Глазырина 2012; Мальцева 2011; Нагель 2008; Чернякова 2011 и др.].

В данных работах отмечается особая роль корпусных менеджеров и конкордансеров в обучении иностранным языкам. Так, данные поисковые системы предоставляют обучающимся возможность самостоятельно осуществить лингвистический анализ, оценить употребление различных лексических единиц непосредственно носителями языка, получить информацию о типе и происхождении текста. Также корпусные технологии позволяют отслеживать преобразования в языке за счет регулярного обновления корпусов. Для преподавателей применение данных систем открывает возможность составления лексико-грамматических заданий и тестов.

Заключение

Таким образом, корпусные технологии являются важным инструментом для решения различных задач в современных исследованиях, что связано с активным и стремительным развитием компьютерных технологий и постоянным обновлением данных. Следует отметить значительный вклад использования корпусных технологий в прикладные науки и гуманитарные области знания посредством внедрения точных методов. После проведенного обзора исследований различной направленности необходимо выделить корпусный менеджер SketchEngine как один из актуальных инструментов.

Список литературы

1. Архипов А.В. Конкорданс [Электронный ресурс] URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127200> (дата обращения: 03.06.2022).
2. Богоявленская Ю.В. Объектно-ориентированный корпус в сопоставительных исследованиях // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Международной научной конференции. 2016. С. 37–39.
3. Богоявленская Ю.В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 163–166.
4. Богоявленская Ю.В., Палийчук Д.А. Меры ассоциации для установления силы семантико-синтагматической связи элементов словосочетания // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 69–78.
5. Гацук Е.Ю. Sketch Engine как инструмент для выявления специальных номинаций (на примере англоязычных текстов предметной области «Языковая политика») // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Пинск: Полесский государственный университет, 2021. № 2. С. 89–96.
6. Герд А.С. Автоматизация в лексикографии и словари-конкордансы // Филологические науки. 1981. № 1. С. 72–78.
7. Глазырина А.И. Использование конкордансеров при обучении английскому языку для специальных целей // Педагогическое образование в России. 2012. № 1. С. 178–182.
8. Долгих З.Б. Обзор ряда корпусных возможностей в сфере лингвистических исследований (на примере анализа средств градуирования в португальском языке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 5 (795). С. 21–32.
9. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов направления «Лингвистика». 2-е изд., перераб. и доп., СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. 148 с.
10. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2005. 48 с.
11. Захаров В.П., Масевич А.Ц. Методы корпусной лингвистики в исторических и культурологических исследованиях // Сборник научных статей XIX Объединенной конференции «Интернет и современное общество». СПб.: Изд-во «Университет ИТМО», 2016. С. 24–43.
12. Захаров В.П., Чжан П. Компьютерная визуализация русской языковой картины мира // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 1. С. 58–63.
13. Кротова Е.Б. Sketch Engine для лингвистических исследований // Германистика сегодня. Материалы Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во «Казанский университет», 2019. С. 107–112.

14. Мальцева М.С. Корпусные технологии в методике преподавания иностранных языков // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 8. С. 214–219.
15. Нагель О.В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.
16. Новикова А.А. Сравнение инструментов Sketch Engine и TermoStat для извлечения терминологии // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 11. С. 73–79.
17. Осипова Е.С., Тарнаева Л.П. Использование ресурсов корпусной лингвистики при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9–1 (63). С. 205–209.
18. Плунгян В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов [Электронный ресурс] // Лекция, прочитанная в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру». URL: <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (дата обращения: 01.06.2022).
19. Хохлова М.В. Лексико-синтаксические шаблоны как инструмент выявления специальной лексики предметной области [Электронный ресурс] // Статьи, публикуемые на сайте международной конференции Диалог-2012 URL: <https://www.dialog-21.ru/media/1392/%D1%85%D0%BE%D1%85%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BC%D0%B2.pdf> (дата обращения: 05.06.2022).
20. Чернякова Т.А. Использование лингвистического корпуса в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2011. № 4 (16). С. 127–132.
21. Finegan E. LANGUAGE: its structure and use. N.Y.: Harcourt Brace College Publishers, 2004. 613 p.
22. Francis W.N. & Kucera H. Brown Corpus [Электронный ресурс]. 1964. URL: <http://clu.uni.no/icame/brown/bcm.html#bc3> (дата обращения: 05.06.2022).
23. McEnery T. & Wilson A. Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 235 p.

References

1. Arkhipov A.V. Konkordans [Concordance] (In russ.). Available at: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127200> (accessed: 03.06.2022).
2. Bogoiavlenskaia Iu.V. Ob"ektno-orientirovannyi korpus v sopostavitel'nykh issledovaniiah [Object-Oriented Corpus in Comparative Studies]. *Politicheskaiia lingvistika: problematika, metodologiiia, aspekty issledovaniia i perspektivy razvitiia nauchnogo napravleniia: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. 2016, pp. 37-39. (In russ.).
3. Bogoiavlenskaia Iu.V. Rerezentativnost' lingvisticheskogo korpusa: metod verifikatsii dostovernosti poluchennykh dannyykh [Representativeness of the Linguistic Corpus: a Method for Verifying the Reliability of the Obtained Data]. *Politicheskaiia lingvistika*. 2016, no. 4 (58), pp. 163-166. (In russ.).
4. Bogoiavlenskaia Iu.V., Paliichuk D.A. Mery assotsiatsii dlia ustanovleniia sily semantiko-sintagmatischei svyazi elementov slovosochetaniia [Association measures to establish the strength of the semantic-syntagmatic connection of the elements of the phrase]. *Gumanitarnye issledovaniia. Istoriia i filologiiia*. 2022, no. 5, pp. 69-78. (In russ.).
5. Gatsuk E.Iu. Sketch Engine kak instrument dlia vyavleniia spetsial'nykh nominatsii (na primere angloiazychnykh tekstov predmetnoi oblasti «Iazykovaia politika») [Sketch Engine as a tool for identifying special nominations (on the example of English-language texts in the subject area "Language Policy")]. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia: sovremennye vektory razvitiia: sbornik nauchnykh statei po materialam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pinsk, Polesskij gosudarstvennyj universitet, 2021, no. 2, pp. 89-96. (In russ.).
6. Gerd A.S. Avtomatizatsiia v leksikografii i slovniko-konkordansy [Automation in lexicography and concordance dictionaries]. *Filologicheskie nauki*. 1981, no. 1, pp. 72-78. (In russ.).
7. Glazyrina A.I. Ispol'zovanie konkordanserov pri obuchenii angliiskomu iazyku dlia spetsial'nykh tselei [Using Concordancers in Teaching English for Special Purposes]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2012, no. 1, pp. 178-182. (In russ.).
8. Dolgikh Z.B. Obzor riada korpusnykh vozmozhnostei v sfere lingvisticheskikh issledovaniia (na primere analiza sredstv graduirovaniia v portugal'skom iazyke) [Review of a number of corpus possibilities in the field of linguistic research (on the example of the analysis of grading means in Portuguese)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2018, no. 5 (795), pp. 21-32. (In russ.).
9. Zakharov V.P., Bogdanova S.Iu. Korpusnaia lingvistika: uchebnik dlia studentov napravleniia «Lingvistika» [Corpus linguistics: a textbook for students of the direction "Linguistics"]. 2nd edition, St. Petersburg, SpbGU. RIO. Filologicheskii fakul'tet, 2013, 148 p. (In russ.).

10. Zakharov V.P. Korpusnaia lingvistika [Corpus linguistics]. St. Petersburg, Izd-vo «Sankt-Peterburgskii universitet», 2005, 48 p. (In russ.).
11. Zakharov V.P., Masevich A.Ts. Metody korpusnoi lingvistiki v istoricheskikh i kul'turogicheskikh issledovaniakh [Methods of corpus linguistics in historical and cultural studies]. *Sbornik nauchnykh statei XIX Ob'edinennoi konferentsii «Internet i sovremennoe obshchestvo»*. St. Petersburg, Izd-vo «Universitet ITMO», 2016, pp. 24-43. (In russ.).
12. Zakharov V.P., Chzhan P. Komp'yuternaia vizualizatsiia russkoi iazykovoi kartiny mira [Computer visualization of the Russian language picture of the world]. *International Journal of Open Information Technologies*. 2020, no. 1, pp. 58-63. (In russ.).
13. Krotova E.B. Sketch Engine dlia lingvisticheskikh issledovaniy [Sketch Engine for linguistic research]. *Germanistika segodnia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kazan', Izd-vo «Kazanskii universitet», 2019, pp. 107-112. (In russ.).
14. Mal'tseva M.S. Korpusnye tekhnologii v metodike prepodavaniia inostrannykh iazykov [Corpus technologies in the methodology of teaching foreign languages]. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy*. 2011, no. 8, pp. 214-219.
15. Nagel' O.V. Korpusnaia lingvistika i ee ispol'zovanie v komp'yuterizirovannom iazykovom obuchenii [Corpus linguistics and its use in computerized language teaching]. *Iazyk i kul'tura*. 2008, no. 4, pp. 53-59. (In russ.).
16. Novikova A.A. Sravnenie instrumentov Sketch Engine i TermoStat dlia izvlecheniia terminologii // *International Journal of Open Information Technologies*. 2020, no. 11, pp. 73-79. (In russ.).
17. Osipova E.S., Tarnaeva L.P. Ispol'zovanie resursov korpusnoi lingvistiki pri podgotovke perevodchikov v sfere professional'noi kommunikatsii [Comparison of Sketch Engine and TermoStat tools for terminology extraction]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016, no. 9-1 (63), pp. 205-209. (In russ.).
18. Plungian V.A. Pochemu sovremennaia lingvistika dolzhna byt' lingvistiko korpusov [Why Modern Linguistics Should Be a Corpus Linguistics]. *Lektsiia, pročitannaia v ramkakh proekta «Publichnye lektsii Polit.ru»*. (In russ.). Available at: <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (accessed: 01.06.2022).
19. Khokhlova M.V. Leksiko-sintaksicheskie shablony kak instrument vyjavleniia spetsial'noi leksiki predmetnoi oblasti. [Lexico-syntactic patterns as a tool for identifying special vocabulary of the subject area]. *Stat'i, publikuemye na saite mezhdunarodnoi konferentsii Dialog-2012*. (In russ.). Available at: <https://www.dialog-21.ru/media/1392/%D1%85%D0%BE%D1%85%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BC%D0%B2.pdf> (accessed: 05.06.2022).
20. Cherniakova T.A. Ispol'zovanie lingvisticheskogo korpusa v obuchenii inostrannomu iazyku [The use of the linguistic corpus in teaching a foreign language]. *Iazyk i kul'tura*. 2011, no. 4 (16), pp. 127-132. (In russ.).
21. Finegan E. LANGUAGE: its structure and use. N.Y.: Harcourt Brace College Publishers, 2004. 613 p.
22. Francis W.N. & Kucera H. Brown Corpus [Электронный ресурс]. 1964. URL: <http://clu.uni.no/icame/brown/bcm.html#bc3> (дата обращения: 05.06.2022).
23. McEnery T. & Wilson A. Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 235 p.

Информация об авторе

Д.А. Палийчук – ассистент кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации на иностранных языках,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Information about the author

D.A. Palytchuk – Assistant of the Department of Linguistics
and Professional Communication in Foreign Languages,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 25.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 25.03.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 80–94.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 6. P. 80-94.

Научная статья

УДК 372.881.111.1

doi: 10.24412/2713-0231-2022-6-80-94

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА АВТОМАТИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА: СТРУКТУРИРОВАНИЕ, КОРРЕКТУРА, УПРАВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКАМИ

Екатерина Владимировна Исаева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
ekaterinaisae@gmail.com

Аннотация. Публикационная активность ученых и представленность результатов их исследований в высокорейтинговых международных изданиях является одним из показателей эффективности научной деятельности вузов и значительно влияет на их статус в зарубежных и отечественных рейтингах. В связи с этим в Российских университетах все чаще встает вопрос о введении учебных курсов и организации центров академического письма, способствующих освоению культуры и развитию навыков написания статей на английском языке. Однако, для получения значимых результатов в этом направлении требуются значительные финансовые и временные затраты. Ускорить этот процесс помогают новейшие достижения в области искусственного интеллекта, машинного обучения и обработки естественного языка. В зарубежных и отечественных наукометрических базах встречаются публикации, посвященные средствам автоматизации рутинных процессов академического письма. Тем не менее, на сколько нам известно, не разработано четких инструкций комплексного применения инструментов автоматизации на всех этапах написания научной статьи от момента генерации идей до составления библиографического списка, что и является целью нашей статьи. Данная статья представляет новый подход к процессу написания статьи на английском языке и открывает новые возможности для авторов, неуверенно владеющих английским языком (уровень А2-В1). Результаты, полученные в ходе эксперимента по применению предлагаемой методики на занятиях по написанию статей на английском языке студентами неязыковых факультетов, подтверждают эффективность такого подхода. Полагаем, что обучение студентов и сотрудников вузов предложенной методике автоматизации академического письма может способствовать повышению их международной публикационной активности.

Ключевые слова: автоматизация академического письма, прикладной искусственный интеллект, международная публикационная активность, корректура текста, IMRAD, дизайн статьи, библиографические менеджеры.

Для цитирования: Исаева Е.В. Современные средства автоматизации академического письма: структурирование, корректура, управление источниками // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 80–94. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-80-94>

Original article

MODERN MEANS OF ACADEMIC WRITING AUTOMATION: STRUCTURING, PROOFREADING, REFERENCE MANAGEMENT

Ekaterina V. Isaeva

Perm State University, Perm, Russia, ekaterinaisae@gmail.com

Abstract. Scholars' publication activity and representation of their findings in high-ranking international journals is one of the indicators of the universities' scientific performance and significantly influences their status in foreign and national rankings. Therefore, the idea of introducing training courses

and organizing academic writing centers that promote the culture and skills of writing articles in English is becoming more and more popular in Russian universities. However, significant financial and time expenditures are required to obtain meaningful results in this direction. The latest advances in artificial intelligence, machine learning, and natural language processing help accelerate this process. In foreign and domestic scientometric databases there are publications devoted to means of automation of routine processes of academic writing. Nevertheless, to our best knowledge, there are no clear instructions on the integrated application of automation tools at all stages of scientific writing from the idea generation to compilation of references, which is the aim of our article. This article presents a new approach to the process of writing a paper in English and reveals new opportunities for authors who are not confident in English (A2-B1 level). The results obtained during the experiment on the application of the proposed methodology in English writing classes for non-language students confirm the effectiveness of this approach. We believe that training university students and staff in the proposed methodology of academic writing automation can contribute to increasing their international publication output.

Keywords: automation of academic writing, applied artificial intelligence, international publication activity, text proofreading, IMRAD, article design, bibliographic managers.

For citation: Isaeva E.V. Modern means of academic writing automation: structuring, proofreading, reference management. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;6:80-94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-80-94>

Введение

Актуальность проблемы поиска эффективных инструментов повышения публикационной активности русскоязычных авторов

В последние 10–15 лет для профессорско-преподавательского состава и студентов высших учебных заведений Российской Федерации все более актуальным становится призыв к международной научной коммуникации и обмену знаниями. Наряду с другими видами деятельности, способствующими движению в данном направлении, особо подчеркивается необходимость публиковаться на английском языке в высокорейтинговых журналах индексируемых в наукометрических базах Scopus (Elsevier) и Web of Science (Clarivate). Публикационная активность и цитируемость авторов, хоть и не исключительно, но весомо влияет на рейтинги высших учебных заведений, аффилированных с данными авторами. К примеру, аналитический сервис SCImago Institutions Rankings (SIR) проводит классификацию академических и исследовательских учреждений, ранжированных по совокупному значению, объединяющему три различных набора показателей: основанных на результатах исследований (Research Factor), инновационной деятельности (Innovation Factor) и социальном вкладе или «третьей роли» измеряемом по их освещенности в Интернете (Societal Factor) (<https://www.scimagoir.com/>). Критерием включения в рейтинг SIR является наличие у учреждений не менее 100 опубликованных работ, проиндексированных в базе данных SCOPUS, за последний год выбранного временного периода (Рис. 1).

Репрезентативность учреждения по исследовательскому фактору значительный вклад вносят следующие показатели, на которые можно повлиять посредством увеличения количества и качества публикаций сотрудников: 1) нормализованное воздействие (Normalized Impact) рассчитывается по средней нормализованной оценке цитируемости в предметной области; расчет ведется на уровне отдельных статей, например, «показатель NI 0,8 означает, что учреждение цитируется на 20 % ниже среднего мирового уровня, а 1,3 означает, что учреждение цитируется на 30% выше среднего»¹ [Ranking Methodology]; 2) количество публикаций (Output): «общее количество документов, опубликованных в научных журналах, индексируемых в Scopus» [Ranking Methodology]; 3) количество документов, опубликованных не в собственных журналах (Not Own Journals Output); 4) собственные журналы (Own Journals) – количество журналов, опубликованных учреждением (издательские услуги); 5) международное сотрудничество (International Collaboration) – публикации сотрудников учреждения, выпущенные в соавторстве с сотрудниками зарубежных учреждений; 6) количество

¹ Здесь и далее перевод с английского языка на русский наш.

высокорейтинговых публикаций в журналах Q1 по рейтингу SCImago Journal Rank (<https://www.scimagojr.com/>); 7) превосходство (Excellence) – «объем научных публикаций учреждения, которые входят в 10% наиболее цитируемых работ в соответствующих научных областях» [Ranking Methodology]; 8) открытый доступ (Open Access) – доля документов, опубликованных в журналах открытого доступа; 9) пул научных талантов (Scientific Talent Pool) – «общее количество различных авторов из учреждения в общем объеме публикаций этого учреждения за определенный период времени» [Ranking Methodology].

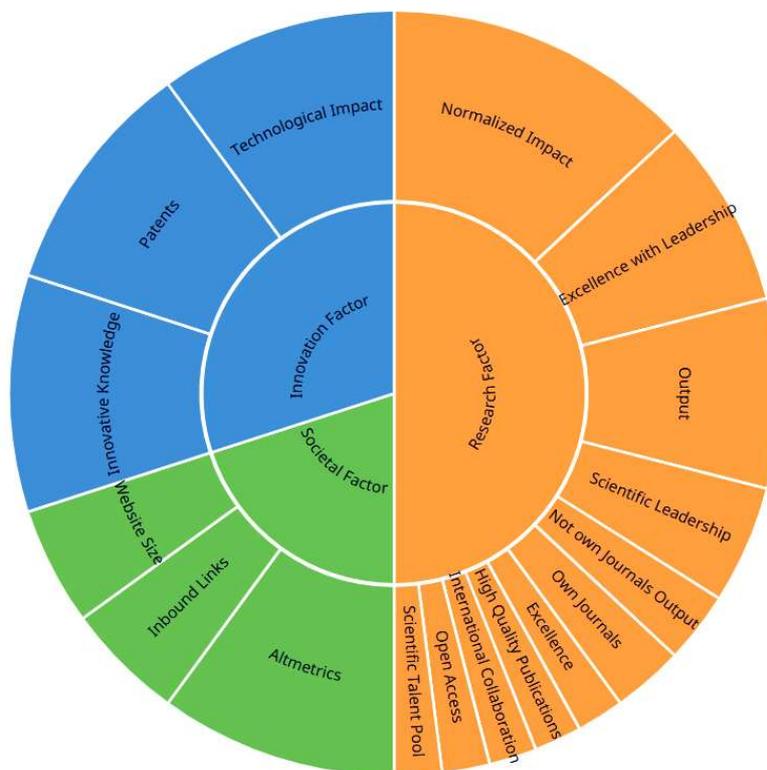


Рис. 1. Распределение индикаторов, включенных в рейтинг SIR (источник: <https://www.scimagoir.com/methodology.php>).

В Таким образом, можно резюмировать, что международный рейтинг современного вуза зависит от публикационной активности профессорско-преподавательского состава (см. п.п. 2, 3, 8, 9), качества публикаций (см. п.п. 1, 6, 7, 8), соавторства с зарубежными учеными (см. п. 5), собственной высокорейтинговой издательской деятельности вуза (см. п. 4). Данные факторы были учтены в показателях эффективности работы сотрудников и подразделений многих вузов. Однако, суммарная скорость прироста результатов исследовательской деятельности Российских вузов по представленным показателям несколько отстает от других стран лидеров в исследовательской деятельности (см. рис. 2).

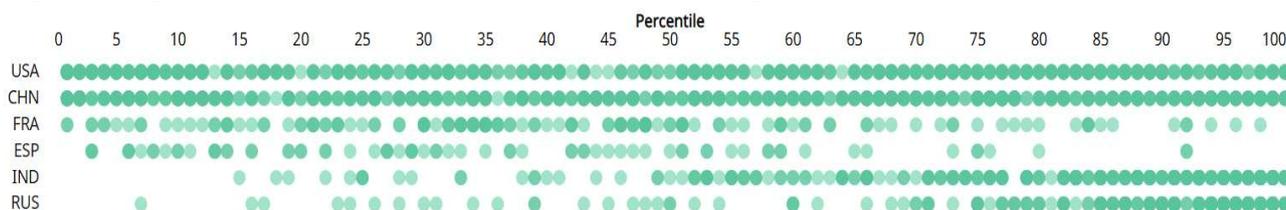


Рис. 2. Страны-лидеры по показателю Research Factor, SIR (источник: <https://www.scimagoir.com/institutiondistribution.php>).

Рис. 2 показывает распределение вузов, сгруппированных по странам и процентилю их вклада в мировую исследовательскую деятельность.

Детализация проблемы сравнительно невысокой скорости прироста результатов исследовательской деятельности вузов РФ в международных рейтингах.

В данной статье мы не рассматриваем такие факторы, влияющие на количество и качество публикаций профессорско-преподавательского состава в высокорейтинговых журналах, как качество самих исследований, наличие оборудования и финансирование. Мы рассмотрим данную проблему только с позиции реперных точек по улучшению академического письма на английском языке.

Несомненно, многие российские работники вузов разделяют мнение, что важнейшей причиной низкой международной публикационной активности является неуверенное владение английским языком (уровень ниже B2). Этим также объясняется и нежелание читать зарубежные публикации на английском языке. Этот замкнутый круг проблем, однако, не является, ни исчерпывающим, ни, вместе с этим, непреодолимым. Ниже в данном разделе мы представим детализацию проблемы академического письма в российских вузах и предложим пути их решения в разделе 2.2.

Так, одной из проблем является разный подход к планированию статьи. В российской традиции практикуется «творческий» подход к написанию научной статьи, так называемый принцип написания статьи «from scratch¹», аналогичный построению рассказа, разворачиванию истории и т.д., что отличается от принятого в зарубежной публикационной практике структурированного аргументированного письма.

Связанный с данным положением пункт – различие в культуре структурирования текста. Далеко не все российские авторы придерживаются рекомендации структурировать свои статьи в соответствии с моделью IMRAD – Introduction, Methods, Results, Discussion and Conclusion².

Кроме того, авторам приходится корректировать свои убеждения относительно стиля и грамматики академического текста на этапе вычитки и редактирования. В данном случае мы имеем в виду, приверженность Российской традиции академического письма на английском языке, а именно использование сложных предложений с несколькими логическими переходами, уточнениями и т.д., грамматически корректных, но не приветствующихся зарубежными читателями предложений, заканчивающийся предложениями, чрезмерное использование страдательного залога и др. Кроме того, проблему представляет поиск баланса между достижением связности текста с помощью специальных логических операторов (слов и выражений) и перегруженностью текста словами не несущими важную смысловую нагрузку (стоп-словами).

Представленные в данном разделе проблемы возможно разрешить посредством использования современных автоматизированных систем, в т.ч. построенных на методах искусственного интеллекта.

Основная часть

Инструменты автоматизации академического письма. Обзор публикаций, посвященных автоматизации академического письма

Идея автоматизации академического письма в настоящее время активно развивается. Рассмотрим некоторые разработки в этой сфере отечественных и зарубежных деятелей компьютерной лингвистики. А.И. Левинзон и соавторы описывают электронную систему, тренажер обучения студентов написанию научных статей. Тренажер включает в себя набор упражнений на редактирование научного текста. Работа тренажера построена «на основе коротких отрывков <[что позволяет] ...> экономить время на выполнение задания и сконцентрироваться на конкретном языковом явлении» [Левинзон 2014: 25]. В последнее время в обучении академическому письму все чаще используются машинные методы распознавания и обработки текста на естественном языке. Например, в работе Т. Африн и О. Кашефи описывается система ArgRewrite <http://argrewrite.cs.pitt.edu/> разработанная, чтобы

¹ Перевод с английского языка – с нуля, с чистого листа

² (Рус) Введение, Методы, Результаты, Дискуссия и Заключение

помочь студентам итеративно пересматривать и улучшать свои сочинения [Afrin & Kashefi 2021]. В статье О.И. Шереметьевой и ее коллег приводится классификация IT-приложений для академического письма, которые можно разделить на две большие группы: «IT-приложения, не предусматривающие автоматизации интеллектуальной лингвистической обработки естественного языка» [Шереметьева 2019: 37] и «IT-инструменты, предусматривающие определенную интеллектуальную обработку естественного языка» [Шереметьева 2019: 38]. Авторы также представляют обзор программных средств для русскоязычного пользователя, автоматизирующие выполнение таких задач, как перефразирование текста в соответствии с академическим стилем (Rewriter Tool <https://articlerewritertool.com/>), подготовка отдельных разделов статьи, например система Related Work, предназначенная для «автоматической генерации раздела, посвященного обзору литературы (Related Work) на основе остального, уже написанного автором, английского текста статьи и списка литературы. Обработка выполняется с использованием техник автоматического реферирования» [Шереметьева 2019: 38–39]. Особый интерес представляют собственные разработки (НОЦ «ЛИИТ») Южно-Уральского государственного университета: Реферат, AutoLex, InterAct и AutoTutor (подробнее см. [Шереметьева 2019: 39]).

Опыт применения инструментов автоматизации академического письма

Рассмотрим опыт применения инструментов автоматизации академического письма, позволяющих преодолеть проблемы, описанные в разделе 1.2. Были проанализированы системы и приложения, включенные в базу данных, разработанную К. Штробол и соавторами (Strobl et al., 2019): 47 ресурсов, из них 10 представлены в открытом доступе; три инструмента, рекомендованных зарубежными центрами академического письма для поддержки языковой грамотности и академической продуктивности иностранных граждан, не носителей английского языка; пять ресурсов, рекомендованных и используемых в Российских вузах. Нами был получен доступ и установлены (при необходимости) 14 инструментов, которые можно использовать для написания академической работы: DeJargonizer, Gingko Writer, Grammark, Marking Mate, Paper rater, Rationale, Research Writing Tutor, Write & Improve, Writefull, Mirro, Grammarly, Writing Mentor, Mendeley, EndNote. Ранее мы уже приводили обзор функционала отдельных инструментов из этого ряда [Isaeva 2022]. В настоящей статье рассмотрим эти инструменты через призму опыта их применения для написания статей студентами магистратуры второго курса неязыковых специальностей ПГНИУ в рамках освоения дисциплины «Письменная иноязычная коммуникация на иностранном языке». Целью обучения по дисциплине являлось получение готового продукта – рукописи статьи по теме магистерского исследования. Следует отметить, что контингент обучающихся был неоднороден в плане языковой компетенции (A2 – B2), что не привело к неуклюжести в достижении поставленной цели. Языковые ограничения и барьеры преодолевались с помощью средств автоматизации. Это позволило нам подтвердить наше убеждение, что неуверенное владение английским языком не является непреодолимым препятствием на пути к написанию качественной статьи в соответствии с требованиями зарубежных высокорейтинговых издательств. Рассматриваемые инструменты автоматизации академического письма были классифицированы в соответствии с решаемыми задачами: планирование/дизайн статьи, структурирование текста, оценка и корректура, цитирование и составление библиографии.

Планирование/дизайн статьи

Напомним, что одним из подводных камней на пути к академическому успеху, особенно для начинающих исследователей, является неэффективное планирование не только самого процесса написания статьи, но ее содержания и внутренней логики. М. Дунн отмечает, что при работе с авторами, испытывающими проблемы с написанием текстов, наиболее эффективными приемами и методами являются обучение саморегулируемой разработке стратегии, использование образов для иллюстрации идей и содержания перед

составлением текста, обратная связь от коллег, постановка целей и др. [Dunn, 2021: 7]. Современные IT-инструменты представляют нам удобный функционал по введению этих приемов и методов в процесс написания статьи на английском языке. Первая задача (планирование процесса написания статьи) отлично решается с помощью автоматизации методологии Канбан, в виде представления электронных досок, ставших практически обязательным элементом популярных систем управления проектами (Jira <https://www.atlassian.com/software/jira>, Trello <https://trello.com/>, Битрикс.24 <https://www.bitrix24.ru/>, Basecamp <https://basecamp.com/> и т.д.). Решение второй задачи, а именно разработки дизайна будущей статьи и визуализации ее в виде карты памяти или логической схемы представляет для нас больший интерес в рамках данной статьи. В помощь автору предлагаются три схожих ресурса, представляющих собой интерактивные доски с возможностью подключения к доскам данных различных форматов: текстовые, видео, аудио файлы, графические изображения, встроенные гиперссылки на внешние источники и на объекты доски, схемы, диаграммы и многое другое. Первые два ресурса – Miro <https://miro.com/app/dashboard/> и Xmind <https://www.xmind.net/> активно используются в отечественных вузах. Эти инструменты представляются в виде онлайн сервиса, настольного приложения для персонального компьютера и мобильного приложения. Третий ресурс – Rationale <https://www.rationaleonline.com/> несколько отличается и менее известен в России. Он более специализирован для написания академических работ, особенно полно в нем представлено аргументированное письмо. Это онлайн система, для создания визуализированного управления рассуждениями, включая структурирование рассуждений, представление обоснований, анализ аргументации, формулировка предположений и оценка доказательств. Рабочее пространство напоминает ранние версии MS Word с интуитивно понятной панелью инструментов. Консоль построения диаграммы содержит как составные элементы для построения блок-схем, так и готовые шаблоны с интерактивной инструкцией и речевыми конструкциями для описания диаграммы (Рис. 3).

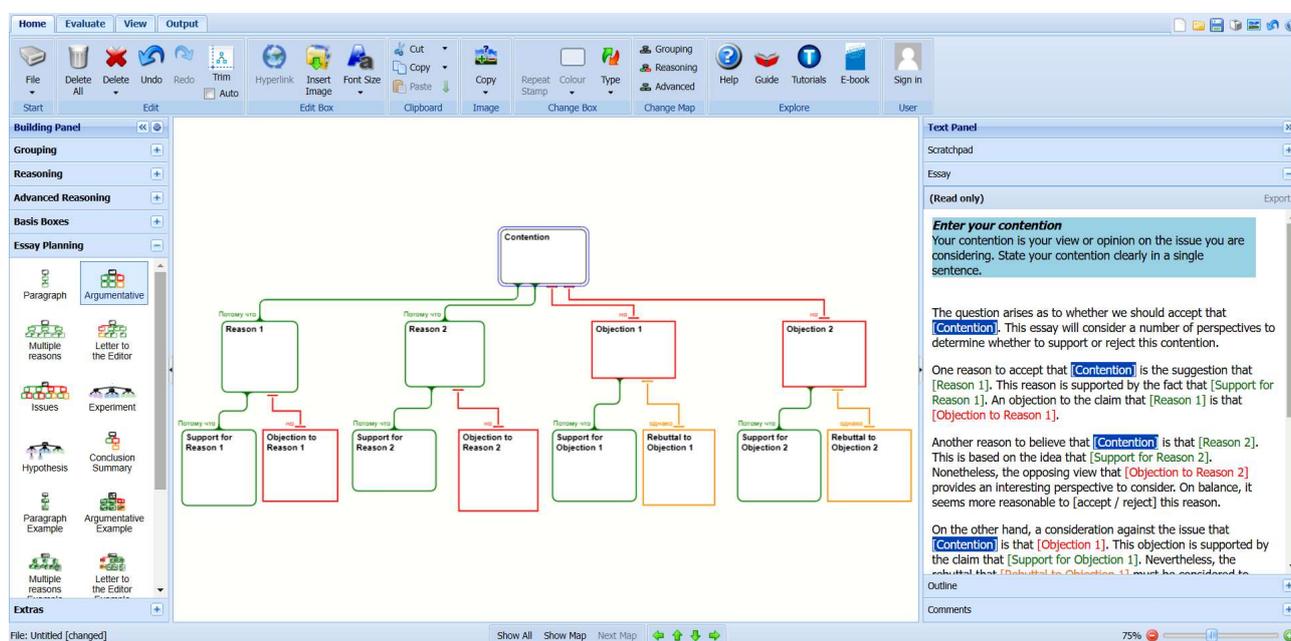


Рис. 3. Рабочее окно системы Rationale.

Видео инструкция по использованию Rationale доступна по ссылке http://www.reasoninglab.com/wp-content/uploads/2013/07/rationale_my_first_map2.mp4

Картирование может применяться на разных этапах работы над научным текстом. Во-первых, для выстраивания логики всей статьи, во-вторых, визуализации отдельных разделов рукописи, например структурирование обзора литературы.

Структурирование текста

В отечественном академическом сообществе зачастую можно услышать рассуждение о кардинальном отличии структур гуманитарных, естественно-научных и точных наук. Однако, этот миф можно развеять, обратившись к содержанию курсов для овладения компетенциями рецензентов, предлагаемых Академией Web of Science: Reviewing in the Sciences и Reviewing in Humanities <https://webofscienceacademy.clarivate.com>. Оба курса отражают принятую в зарубежном академическом сообществе логику модели написания статьи IMRAD. Ключевыми разделами обоих курсов являются: What to look for in an introduction, What to look for in the methodology section, What to look for when checking data and results, What to look for in the discussion and conclusion section. В ходе обучения по данным курсам мы пришли к выводу, что разделы Введение, Методы, Результаты, Обсуждение и Выводы явно или в скрытом виде должны составлять каркас любой статьи, что не подразумевает наличие одноименных заглавий этих разделов.

Рассмотрим средства автоматизации, позволяющие структурировать текст в соответствии с моделью IMRAD в процессе написания статьи. Первый инструмент, который мы рассмотрим в этом подразделе – Ginkgo Writer <https://app.gingkowriter.com/tPUVN>. Это ресурс для управления процессом написания и структурирования работ, представленный в виде древовидного текстового процессора, позволяющего работать прямо в браузере. Результаты работы сохраняются в личном кабинете пользователя. Ginkgo Writer предлагает зарегистрированному пользователю интерактивные шаблоны для написания академических работ (Рис. 4).

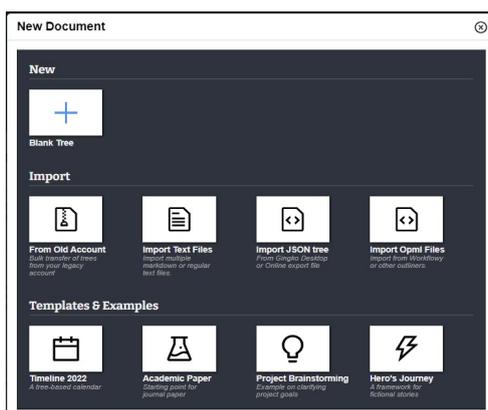


Рис. 4. Выбор шаблона в Ginkgo Writer (источник <https://app.gingkowriter.com/aTBTz>).

Рассмотрим шаблон Academic Paper (Рис. 5).

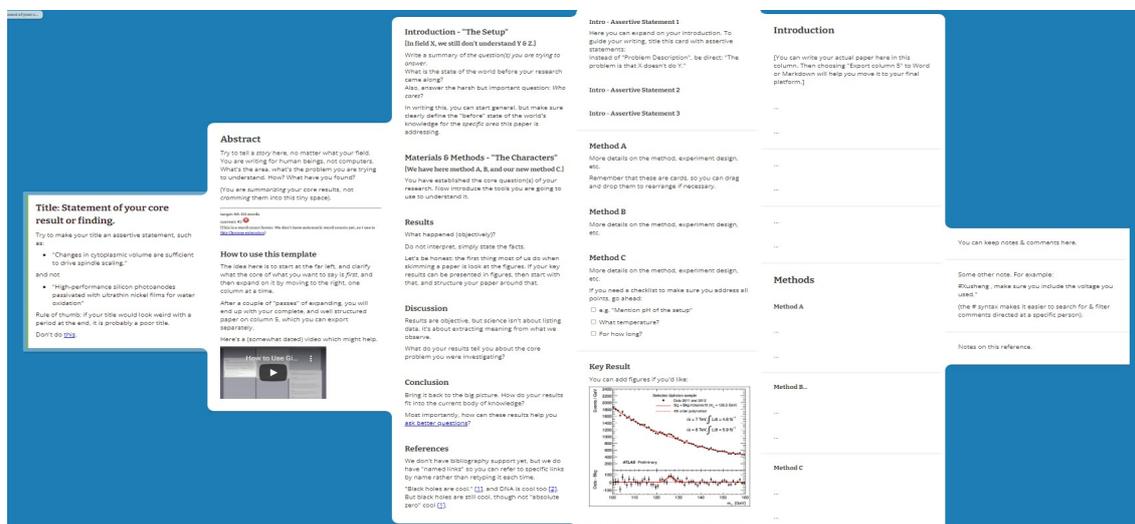


Рис. 5. Шаблон Academic Paper в Ginkgo Writer (источник <https://app.gingkowriter.com/tikHU>)

Шаблон представлен в виде интерактивно-связанных карточек. Каждая карточка соответствует разделу или подразделу статьи и содержит советы по написанию текста. Каждая карточка связана с дочерними карточками. Карточки можно перемещать и переопределять их связи. После представления идеи (тезиса) на одной из карточек возможна ее детализация на уровнях дочерних карточек. При этом вся цепочка аргументации идей интерактивно подсвечивается. Такой текстовый редактор способствует достижению логичности, связности и целостности письменных работ, исключает стихийное появление неподкрепленных аргументами тезисов и тем самым позволяет автоматизировать и оптимизировать стратегию академического письма.

Далее обратимся к другому активно развивающемуся инструменту Open Writeful <https://www.writefull.com/writefull-for-word>. Это приложение, встраиваемое в структуру MS Word. После установки ярлык Open Writeful появляется в панели инструментов текстового редактора. В данном разделе мы сфокусируемся на возможности структурированного написания статьи с помощью функции Sentence Palette, встроенной в приложение Open Writeful. При нажатии на одноименную иконку всплывает интерактивное окно (Рис. 6).

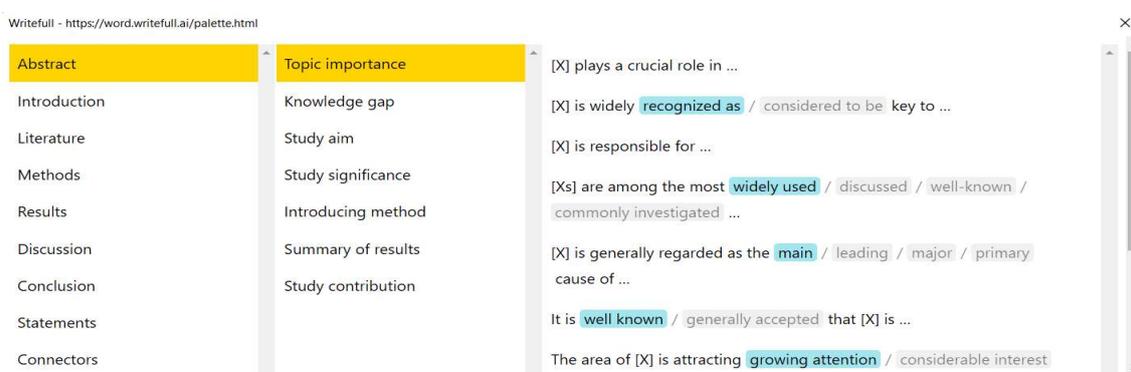


Рис. 6. Окно для структурированного написания статьи в Open Writeful.

Как представлено на Рис. 6, пользователю открывается меню с возможностью выбора фраз-клише, упорядоченных в соответствии с разделами (например, Аннотация, Введение, Литература, Методы и т.д.) и подразделами (например, Актуальность темы, Пробел в знаниях, Цель исследования и т.д.) для каждого раздела. При нажатии на фразу, окно закрывается, и фраза вставляется в редактируемый текст в то место, где установлен курсор. Начинающим авторам при написании статьи рекомендуется пройти по всем подразделам, что позволит упорядочить поток мысли, не упустить важные элементы статьи, ожидаемые зарубежными редакторами и рецензентами и обеспечить грамматическую корректность по крайней мере 10% текста.

В процессе структурированного написания статьи полезно обратиться и к другим функциям Open Writeful. Функция Language Search позволяет проверить корректность терминологии и коллокаций. Поисковый режим может работать в нескольких форматах: поиск примеров выражений в формате конкорданса, поиск слов в контекстах, поиск синонимов слов в контекстах, сравнение слов в контекстах, сравнение выражений в контекстах (Рис. 7–8).

Также следует обратить внимание и на функцию перефразирования Paraphraser в приложении Open Writeful (Рис. 9).

Рис. 9 иллюстрирует пример обработки запроса о перефразировании предложения с высокой степенью грамматических и синтаксических изменений.

Востребованной является и функция интеллектуального создания заголовка на основе аннотации текста Title Generator (Рис. 10).

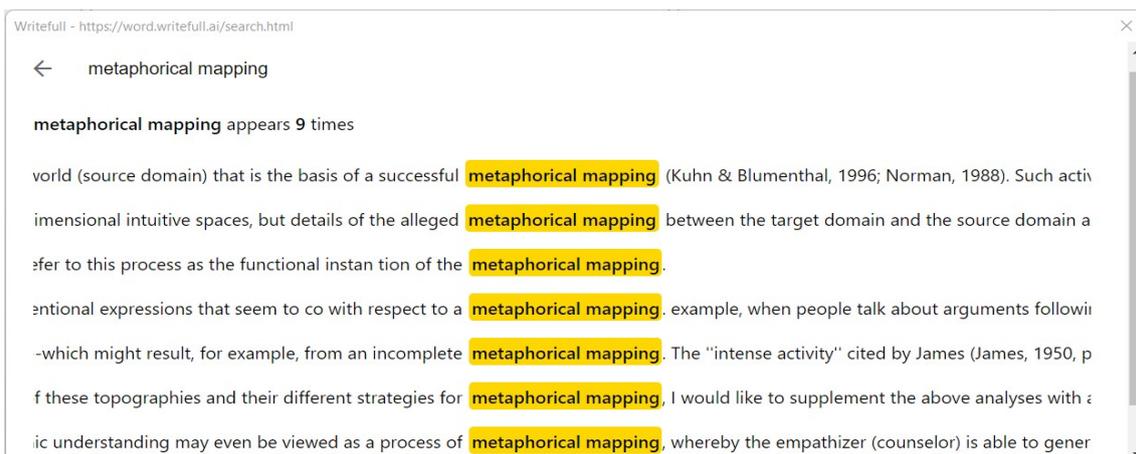


Рис. 7. Пример обработки запроса «поиск примеров выражений в формате конкорданса» Language Search, Open Writeful

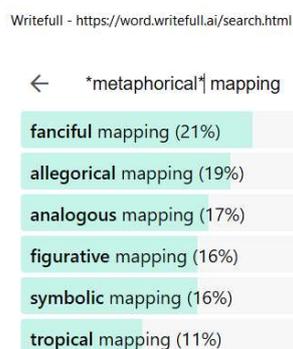


Рис. 8. Пример обработки запроса «поиск синонимов слов в контекстах» Language Search, Open Writeful.

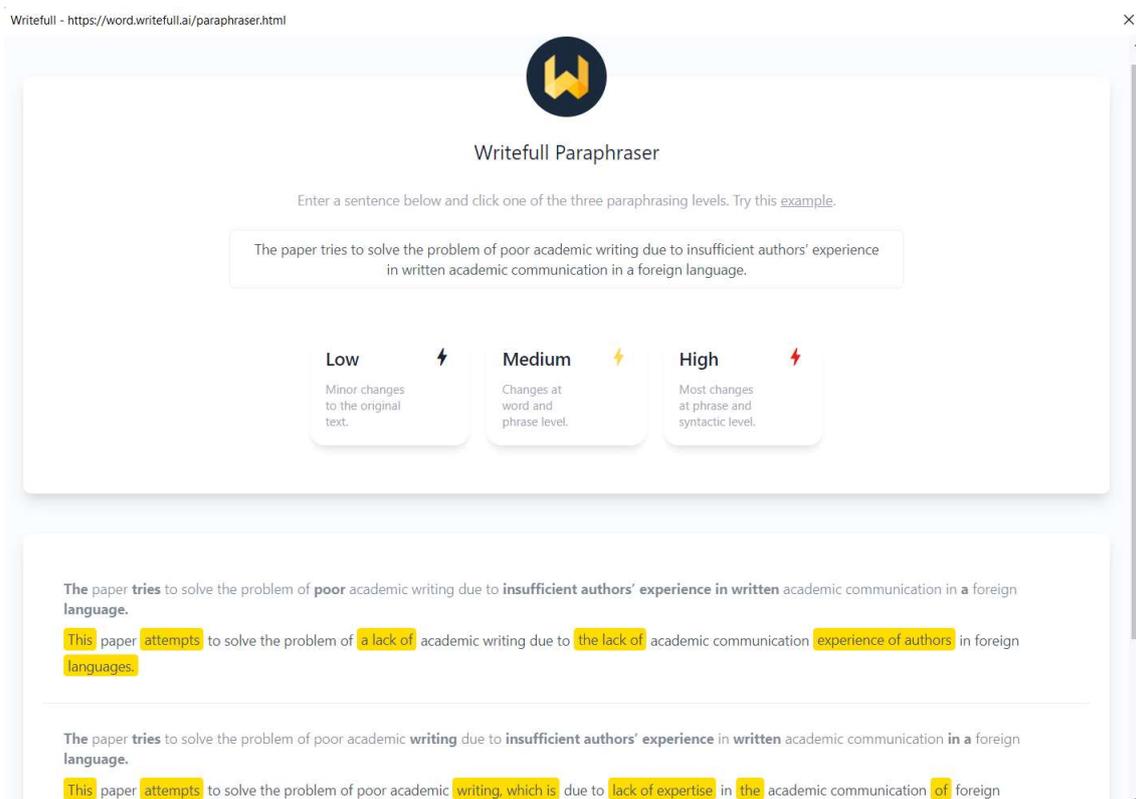


Рис. 9. Пример работы модуля Writeful Paraphraser



Рис. 10. Диалоговое окно Title Generator в Open Writeful.

Для автоматического создания заголовка статьи с поддержкой искусственного интеллекта автор вводит текст аннотации на английском языке. После нажатия на кнопку (RE)GENERATE TITLE программа выдает варианты заголовков с опорой на ключевые слова и логические связи прослеживающиеся в аннотации.

Оценка и корректура

Современная версия приложения Open Writeful также имеет функционал по вычитке и корректуре текста (Proofread, Paragraph Check) и редактированию текста с поддержкой искусственного интеллекта (Full edit). Режим Proofread автоматизирует процесс корректировки грамматических, лексических, пунктуационных, орфографических и стилистических ошибок. Full Edit вносит автоматические редакторские правки в отношении порядка слов и построения предложений на основе статистических данных и методов машинного обучения. При выборе режима Proofread автору предлагается рассмотреть варианты корректировки спорных словоупотреблений в контексте (Рис. 11).

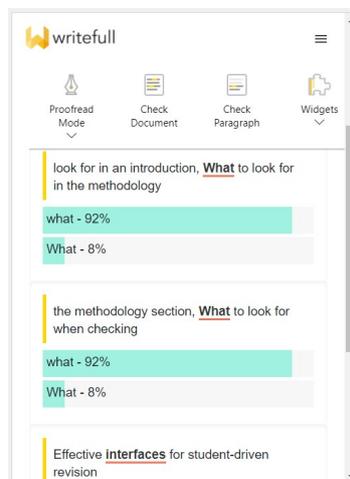


Рис. 11. Пример обработки запроса Proofread в Open Writeful

На этапе вычитки и корректуры текста стоит обратить внимание на доступности текста для целевой аудитории. Если статья ориентирована на узкоспециализированный журнал в определенной предметной области, то вполне обоснованным является высокая терминологическая плотность текста. Однако, в последнее время растет число междисциплинарных журналов, в которых отдается предпочтение относительно большей доступности текста для широкого круга читателей. В связи с этим, чрезмерная перегруженность текста специализированной для конкретной предметной области терминологией может вызвать негативную реакцию редактора и рецензентов. В связи с этим можно обратиться к De-Jargonizer <http://scienceandpublic.com/>. Это онлайн-ресурс, который помогает оценить лексическую доступность статьи для потенциального читателя и адаптировать текст для различных аудиторий. De-Jargonizer представляет аналитику по

соотношению общеупотребимых, среднечастотных и узкоспециализированных слов, и выдает заключение о доступности текста для его восприятия широкой публикой, выделяя при этом проблемные зоны (рис. 12).

The screenshot shows the De-Jargonizer interface. At the top, there is a navigation bar with links: De-Jargonizer, Multiple Texts, Hebrew, About, Instructions, Examples, Development, Developers, How to cite, Contact Us. Below this, the main content area is titled 'Result' and contains an analysis report for the text 'Neurostimulation for Finding Metaphors in Terminology'. The report includes an abstract, an introduction, and a summary of word frequency statistics. The statistics are presented in a table with a rainbow-colored arc above it.

Frequency Category	Percentage	Count
Common	77%	1776
Mid-Frequency	16%	379
Rare	6%	149
Suitability for general audience score	85	
Number Of Words	2304	

Below the table is a blue 'Download' button.

Рис. 12. Пример аналитического отчета в De-Jargonizer.

Рис. 12 иллюстрирует пример аналитического отчета текста статьи, опубликованной в 2022 г. в сборнике материалов конференции 2022 Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering (ElConRus). В карточке отчета видно, что статья содержит 77% общеупотребимой лексики, 16% слов средней частотности и 6% редких узкоспециализированных терминов. По результатам анализа системой сделан вывод, что статья на 85% подходит для чтения широкой аудиторией. Такое распределение вполне соответствует характеру конференции, специализирующейся на электротехнике и электронике и не имеющей явного фокуса на какой-либо конкретной тематике внутри этой достаточно широкой области. Для оценки качества написанного текста может быть использован открытый онлайн ресурс Marking Mate: Standard Version <http://writingtools.xjtlu.edu.cn:8080/mm/markingmate>. Этот онлайн инструмент удобен для студентов, осваивающих академическое письмо на английском языке в рамках образовательных программ, таких как «Письменная иноязычная коммуникация». Во-первых, Marking Mate: Standard Version позволяет выявить ошибки, связанные нарушением академического стиля (неформальной лексики и неясными формулировками, использованием личных местоимений, сокращений, чрезмерной уверенности и отсутствием хеджирования и др.), грамматикой и синтаксисом (ошибками в употреблении грамматических времен, неоправданным «сращением» отдельных предложений – Coma Splice, незавершенными предложениями и др.), стилем (повторением слов, избыточностью текста), цитированием (ошибками в оформлении цитат и ссылок в тексте). Во-вторых, вместе с отчетом о качестве академического текста, автор получает текст с разметкой потенциальных ошибок, отсылками на словарные статьи по конкретным словоупотреблениям в анализируемом тексте и рекомендациями по исправлению потенциальных ошибок. В процессе итеративной корректуры своих статей в Marking Mate: Standard Version студенты развивают свои лексико-грамматические навыки и компетенции по написанию статьи. В-третьих, отчет о работе в Marking Mate: Standard Version может быть сохранен в формате PDF или распечатан и выслан

преподавателю, что значительно облегчает работу последнего и позволяет снизить долю субъективизма при оценивании статьи. При работе с Marking Mate: Standard Version более опытные авторы могут выбрать персонализированные настройки: активировать или отключить какие-либо параметры (Рис. 13).

Рис. 13. Диалоговое окно ввода текста и персонализированных настроек Marking Mate: Standard Version.

Цитирование и составление библиографии

Важнейшей вехой в процессе написания статьи является сквозное цитирование в тексте и оформление библиографического списка. Это достаточно трудоемкий процесс, особенно когда на этапе форматирования текста возникает необходимость изменить стиль цитирования или изменить последовательность и нумерацию ссылок. Данная проблема легко преодолима с использованием современных библиографических менеджеров, таких как Mendeley (Elsevier) <https://www.mendeley.com/search/>, EndNote (Clarivate) <https://endnote.com/> или Zotero <https://www.zotero.org/>.

Остановимся подробнее на библиографическом менеджере Mendeley (Elsevier) <https://www.mendeley.com/search/>. Для корректной работы рекомендуется установить 3 связанных инструмента: расширение для браузера (Mendeley Web Importer <https://www.mendeley.com/reference-management/web-importer/>), настольное приложение для персонального компьютера (Mendeley Reference Manager <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager/>) и надстройку для текстового процессора MS Word (Mendeley Cite <https://www.mendeley.com/reference-management/mendeley-cite/>). Эти три программных продукта синхронизированы и обеспечивают оптимальную работу по внесению управлению цитированием и библиографией, что называется «в один клик». Наиболее часто используемые функции: мгновенный экспорт библиографической записи просматриваемой статьи, оформление и настройка стиля цитирования, генерирование и синхронизированное обновление библиографического списка. На Рис. 14 мы видим консоль управления ссылками надстройки для MS Word и пример внесения ссылки в текст (галочкой отмечена статья, процитированная в тексте).

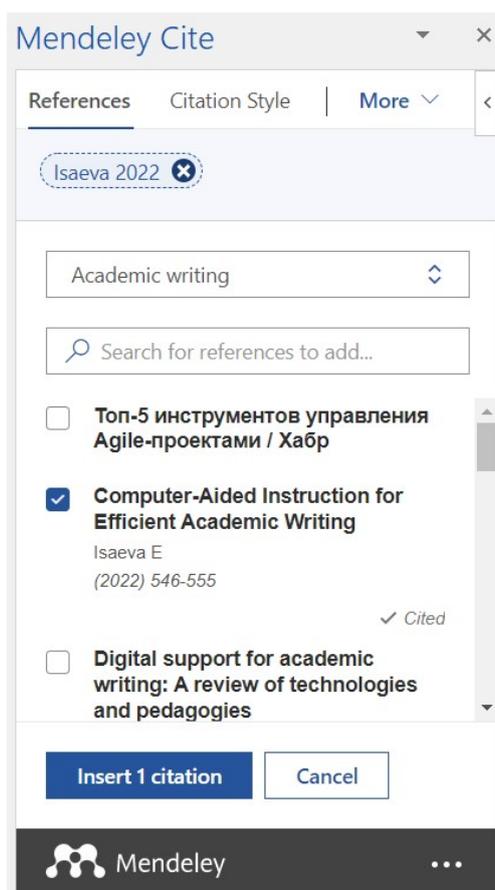


Рис. 14. Консоль управления ссылками Mendeley Cite.

Нельзя забывать и про создание в Mendeley личного кабинета автора и читателя, где хранится перечень и аннотированные описания о публикациях автора, индексированных в Elsevier Scopus, и персонализированные библиотеки экспортированных пользователем библиографических записей.

Заключение

Мы рассмотрели эффективные методы автоматизации процесса написания статьи. Были предложены инструменты для планирования и визуализации содержания статьи в виде блок-схем и карт памяти. Мы показали, как это может быть реализовано с помощью интерактивных досок и специальных онлайн редакторов диаграмм. Для легкого структурирования текста по модели IMRAD прямо в процессе его написания были показаны инструменты, обеспечивающие так называемое «управляемое письмо» (guided writing), при котором роль учителя или инструктора отводится программным средствам. Такие инструменты направляют ход мысли автора с помощью интерактивных интерфейсов в виде карточек с инструкциями и структурированных картотек фраз-клише.

Процесс вычитки и редактуры текста, наверное, одна из наиболее полно автоматизированных задач. Мы показали несколько способов достижения грамматической, лексической, синтаксической и стилистической корректировки текста на английском языке. Представлены онлайн сервисы, не требующие установки на персональный компьютер, и программные средства, устанавливающиеся непосредственно на компьютер, в браузер или текстовый редактор. И, наконец, один из самых рутинных процессов, подлежащих обязательной автоматизации – это работа с источниками и оформление ссылок. В статье были перечислены наиболее популярные на данный момент библиографические менеджеры и даны инструкции по установке и эффективному использованию одного из них. В

результате проведения эксперимента со студентами второго курса магистратуры механико-математического факультета ПГНИУ в рамках учебного курса по «Письменной иноязычной коммуникации» было получено подтверждение эффективности использования представленных в статье методов: подготовлены к публикации научные статьи на английском языке по темам выпускных квалификационных работ студентов. Рукописи прошли внутреннее рецензирование (peer-reviewing) по требованиям Академии Web of Science, отраженным в курсе Reviewing in the Sciences. Полагаем, что использование достижений в области искусственного интеллекта и обработки естественного языка для улучшения академического письма на английском языке и внедрение таких курсов в учебные программы университетов будет способствовать активизации международной публикационной активности Российских ученых.

Список литературы

1. Левинзон А.И., Джакупова С.С., Плисецкая А.Д. Опыт разработки электронной системы обучения студентов написанию научных статей [Электронный ресурс] // Научно-техническая информация. Серия 2: информационные процессы и системы. 2014. С. 22–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21771533> (дата обращения: 18.02.2022).
2. Шереметьева С.О., Бабина О.И., Зиновьева А.Ю., Неручева Е.Д. Информационные технологии и академическое письмо на английском языке [Электронный ресурс] // Вестник южно-уральского государственного университета. Серия: лингвистика. 2019. Т. 16. № 2. С. 36–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38215390> (дата обращения: 25.02.2022).
3. Afrin T., Kashefi O., Olshefski Ch., Litman D., J., Hwa R., Godley A. Effective interfaces for student-driven revision sessions for argumentative writing [Электронный ресурс] // Conference on Human Factors in Computing Systems – Proceedings. Association for Computing Machinery, New York, NY, United States, 2021. URL: <https://doi.org/10.1145/3411764.3445683> (дата обращения: 20.01.2022).
4. Dunn M. The challenges of struggling writers: Strategies that can help [Электронный ресурс] // Education Sciences. MDPI, Basel, Switzerland, 2021. № 11 (12). URL: <https://doi.org/10.3390/EDUCSCI11120795> (дата обращения: 25.01.2022).
5. Isaeva E. Computer-Aided Instruction for Efficient Academic Writing [Электронный ресурс] // Advances in Artificial Systems for Medicine and Education V. AIMEE 2021. Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies, 2022. Т. 107. С. 546–555. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92537-6_50 (дата обращения: 25.01.2022).
6. Ranking Methodology. SCImago Institutions Ranking. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scimagoir.com/methodology.php> (дата обращения: 25.01.2022).
7. Strobl C., Ailhaud E., Benetos K., Devitt A., Kruse O., Proske A., Rapp C. Digital support for academic writing: A review of technologies and pedagogies [Электронный ресурс] // Computers & Education, Elsevier. 2019. № 131. С. 33–48. URL: <https://doi.org/10.1016/J.COMPEDU.2018.12.005> (дата обращения: 18.02.2022).

References

1. Levinzon A.I., Dzhakupova S.S., Plisetskaia A.D. Opyt razrabotki elektronnoi sistemy obucheniia studentov napisaniiu nauchnykh statei [Experience in developing an electronic system for teaching students to write scientific articles]. *Nauchno-tekhnicheskaiia informatsiia. Seriiia 2: informatsionnye protsessy i sistemy*. 2014, pp. 22-32. (In russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21771533> (accessed: 18.02.2022).
2. Sheremet'eva S.O., Babina O.I., Zinov'eva A.Iu., Nerucheva E.D. Informatsionnye tekhnologii i akademicheskoe pis'mo na angliiskom iazyke [Information Technology and Academic Writing in English]. *Vestnik iuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia: lingvistika*. 2019, vol. 16, no. 2, pp. 36-43. (In russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38215390> (accessed: 25.02.2022).
3. Afrin T., Kashefi O., Olshefski Ch., Litman D., J., Hwa R., Godley A. Effective interfaces for student-driven revision sessions for argumentative writing [Электронный ресурс] // Conference on Human Factors in Computing Systems – Proceedings. Association for Computing Machinery, New York, NY, United States, 2021. URL: <https://doi.org/10.1145/3411764.3445683> (дата обращения: 20.01.2022).

4. Dunn M. The challenges of struggling writers: Strategies that can help [Электронный ресурс] // Education Sciences. MDPI, Basel, Switzerland, 2021. № 11 (12). URL: <https://doi.org/10.3390/EDUCSCI11120795> (дата обращения: 25.01.2022).
5. Isaeva E. Computer-Aided Instruction for Efficient Academic Writing [Электронный ресурс] // Advances in Artificial Systems for Medicine and Education V. AIMEE 2021. Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies, 2022. Т. 107. С. 546–555. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92537-6_50 (дата обращения: 25.01.2022).
6. Ranking Methodology. SCImago Institutions Ranking. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scimagoir.com/methodology.php> (дата обращения: 25.01.2022).
7. Strobl C., Ailhaud E., Benetos K., Devitt A., Kruse O., Proske A., Rapp C. Digital support for academic writing: A review of technologies and pedagogies [Электронный ресурс] // Computers & Education, Elsevier. 2019. № 131. С. 33–48. URL: <https://doi.org/10.1016/J.COMPEDU.2018.12.005> (дата обращения: 18.02.2022).

Список инструментов автоматизации и электронных информационных источников

1. ArgRewrite <http://argrewrite.cs.pitt.edu/>
2. Basecamp <https://basecamp.com/>
3. De-Jargonizer <http://scienceandpublic.com/>
4. EndNote (Clarivate) <https://endnote.com/>
5. Gingko Writer <https://app.gingkowriter.com/tPUVN>
6. Jira <https://www.atlassian.com/software/jira>
7. Marking Mate: Standard Version <http://writingtools.xjtlu.edu.cn:8080/mm/markingmate>
8. Mendeley (Elsevier) <https://www.mendeley.com/search/>,
9. Mendeley Cite <https://www.mendeley.com/reference-management/mendeley-cite>
10. Mendeley Reference Manager <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>
11. Mendeley Web Importer <https://www.mendeley.com/reference-management/web-importer>
12. Miro <https://miro.com/app/dashboard/>
13. Open Writeful <https://www.writefull.com/writefull-for-word>
14. Rationale <https://www.rationaleonline.com/>
15. Rationale: my first map (видео инструкция) http://www.reasoninglab.com/wp-content/uploads/2013/07/rationale_my_first_map2.mp4
16. Rewriter Tool <https://articlerewritertool.com/>
17. SCImago Institutions Rankings (SIR) <https://www.scimagoir.com/>
18. SCImago Journal Rank (SJR) <https://www.scimagojr.com/>
19. Trello <https://trello.com/>
20. Web of Science Academy <https://webofscienceacademy.clarivate.com>
21. Xmind <https://www.xmind.net/>
22. Zotero <https://www.zotero.org/>
23. Битрикс.24 <https://www.bitrix24.ru/>

Информация об авторе

***Е.В. Исаева** – кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английского языка профессиональной коммуникации,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.*

Information about the author

***E.V. Isaeva** – Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of English of Professional Communication,
Perm State University.*

Статья поступила в редакцию 26.02.2022; одобрена после рецензирования 18.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 26.02.2022; approved after reviewing 18.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 95–108.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 6. P. 95-108.

Научная статья

УДК 821.161.1(092)

doi: 10.24412/2713-0231- 2022-6-95-108

«НО ДА ЗДРАВСТВУЕТ БРАТСТВО!» НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС У ДОСТОЕВСКОГО

Галина Михайловна Ребель

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
rebel@pspu.ru

Аннотация. Национальный вопрос в мировоззрении и творчестве Достоевского, в силу своей сложности и непреходящей болезненности, и остроты, остается на периферии достоевистики. В этой тематической нише доминируют две тенденции: сглаживание острых углов, вплоть до полного игнорирования проблемы, или, напротив, уличение Достоевского в ксенофобии и антисемитизме. Между тем в данном случае, как и в вопросах мировоззренческого характера в целом, наибольший интерес представляют «рго и contra», между которыми движется мысль писателя. Под знаком «рго и contra», заданным самим Достоевским, и рассматривается еврейская тема в его интерпретации в настоящей статье. На материале писем и романа «Братья Карамазовы» показано принципиальное отличие позиции Достоевского по еврейскому вопросу от юдофобской политики государственной администрации, сформулированной идеологическим единомышленником Достоевского И.С. Аксаковым. При этом анализ социально-исторического контекста, который отразился в романе «Братья Карамазовы», а также эпистолярных и публицистических высказываний на соответствующую тему, дает основание говорить об антисемитизме Достоевского. Суть этого «рго и contra», т.е. сочетания антисемитизма с благоговейным отношением к Священному Писанию, проясняется на материале образа Исаия Фомича Бумштейна. Анализ еврейской темы в «Записках из Мертвого дома» позволяет сделать ряд существенных наблюдений и выводов: проблематизировать сложившиеся представления о соотношении прототипа и персонажа; опровергнуть предлагаемые современным достоевковедением параллели между Исаем Фомичом и пророком Исаяей, а также «рождественскую» интерпретацию образа героя; объяснить концептуальное значение карнавализации образа Исаия Фомича, смыслом и конечным следствием которой является лишение евреев статуса богоизбранного народа и наделение таковым народа русского. Именно с образа Исаия Фомича – через проповедь «нашего Христа» в романе «Идиот», религиозного мессианизма в «Бесах» – начинается движение писателя к призыву в Пушкинской речи «ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода <...> по Христову евангельскому закону».

Ключевые слова: Достоевский, Аксаков, «Записки из Мертвого дома», «Братья Карамазовы», Исаия Фомич Бумштейн, еврейский вопрос, юдофобия, антисемитизм, мессианизм, богоизбранность, карнавализация, рго и contra.

Для цитирования: Ребель Г.М. «Но да здравствует братство!»: национальный вопрос у Достоевского // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 95–108. <https://doi.org/10.24412/2713-0231- 2022-6-95-108>

Original article

«BUT LONG LIVE THE BROTHERHOOD!»: DOSTOEVSKY'S NATIONAL QUESTION

Galina M. Rebel

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, rebel@pspu.ru

Abstract. The national question in Dostoevsky's worldview and creativity, due to its complexity and enduring painfulness and acuteness, remains on the periphery of Dostoevistics. Two trends dominate in this thematic niche: smoothing out the sharp corners, up to the complete ignoring of the problem, or, on the contrary, exposing Dostoevsky in xenophobia and anti-Semitism. Meanwhile, in this case, as in matters of an ideological nature in general, the «pro and contra» are of the greatest interest, between which the writer's thought moves. Under the sign «pro and contra», set by Dostoevsky himself, the Jewish theme is considered in his interpretation in this article. The material of the letters and the novel «The Brothers Karamazov» shows the fundamental difference between Dostoevsky's position on the Jewish question and the Judophobic policy of the state administration formulated by Dostoevsky's ideological associate I.S. Aksakov. At the same time, the analysis of the socio-historical context reflected in the novel «The Brothers Karamazov», as well as epistolary and journalistic statements on the relevant topic, gives grounds to talk about Dostoevsky's anti-Semitism. The essence of this «pro and contra», i.e. the combination of anti-Semitism with reverence for the Holy Scriptures, is clarified by the material of the image of Isai Fomich Bumstein. The analysis of the Jewish theme in «Notes from the Dead House» allows us to make a number of significant observations and conclusions: to problematize the existing ideas about the relationship of the prototype and the character; to refute the parallels between Isaiah Fomich and the prophet Isaiah proposed by modern Dostoevskian studies, as well as the «Christmas» interpretation of the hero's image; to explain the conceptual significance of the carnivalization of the image of Isaiah Fomich, the meaning and final consequence of which is the deprivation of Jews of the status of the God-chosen people and the endowment of the Russian people with such. It is from the image of Isai Fomich – through the preaching of «our Christ» in the novel «Idiot», religious messianism in «Demons» – that the writer's movement begins to call in Pushkin's speech «for universal universal reunification with all the tribes of the great Aryan family <...> according to Christ's gospel law».

Keywords: Dostoevsky, Aksakov, «Notes from the Dead House», «The Brothers Karamazov», Isai Fomich Bumstein, the Jewish question, Judophobia, anti-Semitism, Messianism, God-chosen, carnivalization, pro and contra.

For citation: Rebel G.M. «But long live the brotherhood!»: Dostoevsky's national question. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;6:95-108. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-95-108>

Введение

«Тема эта из обширных» [Достоевский 25: 75], как заметил сам писатель, и сложнейших – добавим мы. В данном случае коснемся преимущественно того аспекта национальной проблематики у Достоевского, с которым связаны приведенные выше цитаты, – то есть еврейского вопроса. Непосредственным толчком нашего обращения к проблеме стало исследование на другую тему¹, в рамках которого цитировался фрагмент письма Иосифа Соркина к И.С. Тургеневу по поводу еврейских погромов 1881 г., где, в частности, говорилось, что в своей Пушкинской речи Достоевский «бросил публично комом грязи в лицо целой еврейской народности» [Письма разных лиц И.С. Тургеневу 1909: 202]. Прямого подтверждения этому нет ни в самом тексте речи, ни в черновых ее вариантах, ни в отзывах других участников Пушкинского праздника.

Разъяснение находим в статье А.З. Штейнберга «Достоевский и еврейство», где по поводу одной из формул Пушкинской речи сказано: «До последней глубины постигнутое и “с любовью” воспринятое русским народом всечеловечество неожиданно отождествляется лишь с “племенами великого арийского рода”, то есть того, из которого ex definitione исключены, конечно же, не монголы или “семиты”, а евреи. Под конец своей жизни Достоевский, таким образом, стал, вероятно, не без влияния Победоносцева, пользоваться даже недвусмысленной терминологией плоского западноевропейского расового антисемитизма» [Штейнберг 1928: 99].

Дополнительные существенные акценты «арийского» ракурса проблемы и характера мессианства Достоевского содержатся в книге Н. Бердяева «Философия неравенства»: «Всякое мессианское сознание имеет своим истоком мессианское сознание еврейского

¹ См.: Ребель, Г.М. Почему лучший русский человек не выступил против еврейских погромов // Вопросы литературы. 2021. № 2. С. 13-53.

народа. Дух мессианства чужд был арийским народам. Он раскрывался лишь в еврействе, в еврейском напряженном ожидании Мессии, в еврейском сознании себя избранным народом Божиим. Еврейское сознание не было националистическим сознанием и ещё менее было оно сознанием империалистическим; оно было сознанием мессианским. Христос-Мессия явился в еврейском народе, но Он явился для всех народов мира, для всего мира. И после явления Христа невозможен уже в христианском мире еврейский мессианизм. Не может уже быть избранного народа Божьего, в котором явится Мессия. Но может быть исключительное по напряженности сознание народом своего религиозного и духовного призвания в мире». И дальше – явная отсылка к Достоевскому: «Мессианское сознание в христианстве легко уклоняется к древнееврейскому мессианизму. Этот уклон есть и в мессианизме польском, и в мессианизме русском. Те, которые считали русский народ народом богоносцем, многое восприняли от древнееврейского духа» [Бердяев 2006].

Это и констатирует Штейнберг, уже прямо применительно к Достоевскому: «От еврейского народа, от величавого памятника его древности, от Библии, думается ему, унаследовал он свою направляющую идею: свой мессианизм, веру в богоизбранность русского народа, религию “русского Бога” [Штейнберг 1928: 103-104].

Под впечатлением – судя по всему, очень сильным – от письма Авраама Ковнера и содержащихся в этом письме упреков в «ненависти к “жиду”», которая проявляется почти в каждом выпуске <...> “Дневника”» [Гроссман 1999: 118], Достоевский в мартовской книжке «Дневника писателя» за 1877 г. излагает свою версию еврейского вопроса. Здесь, по определению С. Гуревича, «Достоевский впервые свел в своеобразную систему все возможные реальные доводы и фантастические измышления, которые постоянно предъявляют как обвинения еврейскому народу <...> Однако Достоевского недаром называли совестью русского народа. Все метания и искания приводят его в конце концов к однозначному и важнейшему выводу. «Но “буди! буди!”», – восклицает он, делая своей мечтой о всеобщем братстве», тем самым «духовный провидец оборачивается ко всем людям своим настоящим – светлым ликом» [Гуревич 1999: 13, 14].

Двуликость Достоевского обозначена самим Достоевским.

Pro u contra – формула, которую он впервые употребил не в «Братьях Карамазовых», как часто полагают, а в мартовской 1877 года главе «Дневника писателя» «Еврейский вопрос» в качестве названия одного из параграфов.

Pro u contra – формула жизни, мировоззрения и творчества Достоевского.

Pro u contra – знак, под которым и мы подходим к заявленной теме. При этом заметим, что двуликость в данном случае подразумевает не двуличие, а двойственность, противоречивость, неоднозначность.

Основная часть

Анализируя содержание главы «Еврейский вопрос», Штейнберг, в частности, обращает внимание на стиль этого сочинения: «...именно этот-то стиль, для графического изображения которого пришлось бы, пожалуй, срисовать Волгу-матушку, вместе со всеми ее притоками, именно он придает антиеврейскому настроению Достоевского какой-то особенно загадочный характер и заставляет напряженно искать его скрытые глубоко под поверхностью корни» [Штейнберг 1928: 100].

Собственно, корни не так уж глубоко скрыты. Цитируя фрагмент письма Анне Григорьевне из Эмса от 10 июня 1875 г. – «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг; бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача... Эта книга, Аня, странно это – одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда младенцем» [Достоевский 29 (2): 43], – Штейнберг замечает: «Как и светлейший из созданных им образов [имеется в виду старец Зосима – Г.М.], так и сам Достоевский обязан был душою своей души, ожившим в нем с новою силою Словом Божиим – “сей книге”; Закону, Пророкам, Писаниям» [Штейнберг 1928: 102]. Одно из красноречивых

подтверждений этого пристрастия содержится в письме к Н.Л. Озмидову (февраль 1878 г.), которому Достоевский советует читать «повнимательнее все послания ап<остола> Павла» и уточняет: «Хорошо, если б Вы тоже прочли *всю* Библию в переводе. Удивительное впечатление в целом делает эта книга. Выносите, например, такую мысль несомненно: что другой такой книги в человечестве нет и не может быть. И это – верите ли Вы, или не верите» [Достоевский 30 (1): 10].

Своеобразие позиции писателя по «еврейскому вопросу» наглядно предстает при сопоставлении с точкой зрения его концептуального единомышленника И.С. Аксакова. В отличие от Достоевского, чья мысль на эту тему петляет, Аксаков, отвечая в 1864 г. на им же самим поставленный вопрос «Что такое “еврей” относительно христианской цивилизации?», выстраивает жесткую логическую цепочку:

«Если бы евреи отступились от своих религиозных верований и признали во Христе истинного мессию, никакого бы еврейского вопроса и не существовало. Они тотчас бы слились с теми христианскими народами, среди которых обитают.

Следовательно, разрешение этого трудного, многосложного, тяжелого и скучного вопроса, по-видимому, очень легко: нужно только осознать свои заблуждения, отказаться от того, что все гг. прогрессисты из евреев же называют предрассудками. Но тогда бы не было и вопроса, а вопрос существует именно потому, что евреи желают быть согражданами христианского общества, оставаясь в то же время верными своему “закону”, – стало быть, они дорожат этим “закон””, стало быть, они вполне разделяют все чаяния, сопряженные с иудаизмом как вероучением, проникнуты в душе той же исключительностью, которая составляла некогда священную особенность этого племени до христианства, но которая упразднена исполнением обетования во Христе и призыванием к участию в благодати всего человечества. Если же таково внутреннее духовное отношение евреев к христианам, так, строго говоря, тут примирение невозможно. Искренне верующий еврей и искренне верующий христианин могут сосуществовать в одном месте, друг подле друга, связанные внешним гражданским союзом, – но без духовного единения, но не составляя друг с другом никакого общего нравственного целого: они в области сознания исключают друг друга» [Аксаков 2001].

Паритетное сосуществование иудеев с христианами в рамках гражданского союза не вписывалось в имперский устав, и государственная администрация Российской империи с того момента, когда в результате раздела Речи Посполитой ее подданными оказались жившие на присоединенной территории евреи, осуществляла политику ассимиляции, согласно которой следовало переодеть, постричь и окрестить инородцев. Однако задача оказалась неразрешимой. И дело было не только в неповоротливости, непоследовательности и неумелости бюрократического аппарата, но и во встречном сопротивлении: в неодолимой верности *Преданию*, то бишь Писанию, Торе, в христианской системе координат – Ветхому Завету. Для иудеев он был единственным Заветом – Законом. Переодеть и окрестить не получалось. В связи с этим и на этом уровне следует говорить о юдофобии, а не об антисемитизме. Юдофобией, с одной стороны, и верностью евреев *Преданию*, с другой, объясняет мучительную неразрешимость еврейского вопроса М.Е. Салтыков-Щедрин, когда в 1881 г. по просьбе Соркина высказывается на тему погромов в «Отечественных записках» [Ребель 2021: 36].

Вот здесь и находится та развилка, которая обусловила нелинейность и двусмысленность позиции Достоевского. Для него Ветхий Завет был не *ветхой*, а *живой книгой*, о чем еще более, чем приведенные выше эпистолярные высказывания, свидетельствуют художественные создания. «Господи, что это за книга и какие уроки! – восклицает старец Зосима. – Что за книга это священное писание, какое чудо и какая сила, данные с нею человеку! Точно изваяние мира и человека и характеров человеческих, и названо всё и указано на веки веков. И сколько тайн разрешенных и откровенных». И далее следует практическое наставление иерею: «Разверни-ка он им эту книгу и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко, сам радуясь

тому, что читаешь им и что они тебя слушают и понимают тебя, сам любя словеса сии, изредка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не беспокойся, поймут всё, всё поймет православное сердце! Прочти им об Аврааме и Сарре, об Исааке и Ревекке, о том, как Иаков вошел к Лавану и боролся во сне с господом и сказал: “Страшно место сие”, – и порaziшь благочестивый ум простолюдина. Прочти им, а деткам особенно, о том, как братья продали в рабство родного брата своего, отрока милого, Иосифа, сновидца и пророка великого...». И все это – с такой страстью, восторгом, с таким неподдельным восхищением, что ветхозаветные образы оживают и становятся явью, ибо и для самого Достоевского «мимоидущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе» [Достоевский 14: 265, 266].

По сути своей это очень похоже на то, как в «Преступлении и наказании» описано чудо, явленное в Вифлееме. Мы уже указывали на «первозданность» Сони Мармеладовой: она не столько читает о воскресении Лазаря, сколько свидетельствует о нем, она не ретранслятор, а *очевидица* свершившегося чуда и по-своему *чудотворица*, Соня – «до православия, она по типу своей личности, по характеру верования, мироотношения – из первохристиан» [Ребель 2007: 74–75]. На это указывает и тот факт, что Достоевский поселил ее у Капернаутовых. «Путь к Капернаутовым, до Капернаутовых далеко – не бытовые, а символические координаты, в которых обитает Соня Мармеладова» [Ребель 2007: 74], – те самые, в которых «бедный раввин назаретский»¹ преобразился в основателя новой религии.

Содержание образов старца Зосимы и Сони Мармеладовой, отсылающее к Ветхому Завету и доцерковному этапу христианства, подтверждает справедливость наблюдения Штейнберга: «...“банальный” антисемитизм Достоевского перестает вдруг казаться заурядным и простодушным и облекается в какую-то загадочную, чтобы не сказать, противоестественную форму» [Штейнберг 1928: 102].

Здесь следует оговориться, что термин «антисемитизм» появился уже после смерти писателя, при этом его употребление, пусть и в качестве анахронизма, представляется в данном случае корректным. Однако, поскольку в современном достоевковедении существует точка зрения, согласно которой «Достоевский антисемитом не был», а если и был, то вопрос этот – «в сто десятую очередь. А прежде всего и *просто* – он был великим писателем, философом, историком, богословом» [Касаткина 2007: 416–417], заметим, что *просто* не получается и в доказательство остановимся только на одном, но очень красноречивом эпизоде, связанном с тем же романом «Братья Карамазовы», в котором звучит процитированный выше вдохновенный гимн Священному Писанию.

На поверхности текста – уклончивое «Не знаю» в ответ на вопрос Лизы Хохлаковой: «Алеша, правда ли, что жида на пасху детей крадут и режут?» [Достоевский 15: 24]. Провокативные речи Лизы даны под знаком «бесенок»... Уклончивость Алеши тоже можно объяснить контекстуально: в предисловии от автора Алеша предьявлен как главный герой (в романе это не так, он *один из* главных) и в то же время как «деятель неопределенный, не выяснившийся» [Достоевский 14: 5]. Он ведь и миссии своей – предотвратить отцеубийство – не выполнил, и против бога на мгновение возроптал, когда умерший старец «провонял». В любом случае, слово героя не есть прямое авторское слово. По этой же причине нельзя автоматически переносить на автора характеристику и стиль Федора Павловича Карамазова, запечатленные в следующем фрагменте: «Познакомился он сначала, по его собственным словам, “со многими жидками, жидками, жидашками и жиденятами”, а кончил тем, что под конец даже не только у жидов, но “и у евреев был принят”» [Достоевский 14: 21]. Кавычки дополнительно подчеркивают дистанцию между повествователем и героем, тем более между автором и героем. И даже употребление слова «жид» в тексте от повествователя далеко не всегда является признаком антисемитизма автора, художник работает с языком сообразно его

¹ Формула эта из книги Г. Гейне «К истории религии и философии в Германии», перевод которой публиковался в 1864 г. (№№ 1–3) в журнале Достоевского «Эпоха» под названием «Черты истории религии и философии в Германии». См. Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. 1964. С. 287.

живому функционированию, и такое словѳпотребление может быть просто социально-исторической краской, а не проявлением ксенофобии.

Однако во время работы над романом «Братья Карамазовы», 28 марта 1879 г., Достоевский в письме к О.А. Новиковой, в числе других новостей, в основном редакционных, сообщает свое мнение о событии, которое в это время подробно освещалось в петербургских газетах: «Как отвратительно, что кутаисских жидов оправдали. Тут, несомненно, они виноваты. Я убежден из процесса и из всего, и из подлой защиты Александрова, который замечательный здесь негодяй – “адвокат нанятая совесть”» [Достоевский 30 (1): 59]. В примечании А.В. Архиповой к письму читаем: «Достоевский имеет в виду “Дело о похищении и умерщвлении евреями крестьянской девочки Сарры Иосифовой Модебадзе”, слушавшееся в Кутаисском окружном суде с 5 по 13 марта 1879 г. Одним из адвокатов обвиняемых был присяжный поверенный Александров из петербургской судебной палаты. <...> Александров был одним из возможных прототипов Фетюковича в “Братьях Карамазовых”» [Достоевский 30 (1): 291].

На связь дела Сарры Модебадзе с разговором Лизы и Алеши обратил внимание В. Гроссман, об этом подробно пишет М. Шраер, акцентируя тот факт, что та часть романа, в которой речь идет о ритуальных убийствах и профанациях распятия, написана в 1880 г., после Пушкинского праздника. Шраер усматривает парадокс в одновременном существовании в сознании и творчестве писателя идей Пушкинской речи и провокативной сцены в «Братьях Карамазовых» и в связи с этим цитирует П. Берлина, который объясняет это «качанием маятника от провозглашения великих христианских идей к практическим рассуждениям, не имеющим ничего общего с этими идеями» [Шраер 2006: 160].

Заметим, однако, что Пушкинская речь содержит не столько «провозглашение великих христианских идей», сколько подтверждение и развитие облеченной в эффектную риторику идеологии православного мессианизма, ранее в разных вариантах изложенной от лица романских героев (князя Мышкина, Шатова), а затем от собственного лица – в «Дневнике писателя», в письмах к А.Н. Майкову. Как указывал В. Мочульский, «до конца жизни Достоевский не мог вырваться из трагических противоречий своего христианского империализма» [Мочульский 1995: 271]. Кульминационный аккорд этой темы и прозвучит в Пушкинской речи – в призыве «ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода», в убежденности, что именно Россия призвана «изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону» [Достоевский 26: 147, 148].

Но вернемся к делу Сарры Модебадзе. Когда после трехдневных поисков было найдено тело девочки, в деревенской среде возникли слухи о ритуальном убийстве, которые распространялись, как огонь по сухой стерне; история получила широкую огласку, к расследованию были привлечены серьезные эксперты, высокие полицейские чины, дважды проводилась эксгумация. По свидетельству адвоката П.А. Александрова, с которого он начал свою речь на суде, благодаря «той массе труда, энергии, силы, которые вложены были в это дело <...> истина, нужная для судейского убеждения <...> раскрыта и разъяснена до такой степени», что «молчание защиты в настоящую минуту было бы самой красноречивейшей и вполне убедительной защитой». Однако и участники судебного разбирательства, и все, кто следил за его ходом по газетным сводкам, и более всех сам адвокат прекрасно понимали: «...настоящий процесс не есть процесс этих четырех стен» [Александров эл.р.].

Именно поэтому, подробнейшим образом еще раз осветив ход и детали следствия, убедившего суд в том, что девять евреев из села Сачхери не виновны в смерти Сарры Модебадзе, Александров этим не ограничился и развернул перед участниками процесса *кровавую историю* «кровавого навета», зловещая тень которого витала над этим делом.

Научной опорой речи Александрова стало опубликованное в 1861 г. исследование профессора Даниила Авраамовича Хвольсона – русского востоковеда, историка, лингвиста, семитолога, гебраиста, члена-корреспондента Императорской РАН по разряду

восточных языков. В описании библиотеки Достоевского зафиксировано наличие в ней книги Хвольсона «Последняя пасхальная вечеря» и отмечено, что «Достоевский мог знать и книгу Д.А. Хвольсона “О некоторых средневековых обвинениях против евреев”» [Библиотека Достоевского 2005: 197]. На этот труд и опирался адвокат в своем экскурсе в историю «кровавого навета», призванном убедить участников процесса и широкую российскую общественность в абсурдности выдвигаемых против евреев обвинений в ритуальных убийствах.

В заключение Александров сформулировал *сверхзадачи*, которые, по его мнению, решал этот судебный процесс *справедливым* приговором: «Увидит русское общественное мнение, к каким последствиям приводит легкомысленное отношение к басням, питающим племенную рознь и презрение к религии, когда-то первенствовавшей и давшей соки самому христианству. Заставит это дело и нашу печать пересмотреть те основания, на которых зиждется обвинение евреев в употреблении христианской крови. Ретроспективным светом озарит настоящее первое гласное дело по обвинению такого свойства и прежние судебные негласные процессы. Оно зазмет бессовестные рты многим, которые в прежних оправданиях видели подкупы и происки евреев. Оно объяснит, отчего лучшие представители еврейства не оставались глухи и немые по поводу тяжких обвинений. Оно напомнит русским людям о справедливости, одной справедливости, которая только и нужна, чтобы такие печальные дела не повторялись. Скажет настоящее дело и свое поучительное слово и нашим общественным деятелям, держащим в своей власти нашу честь и свободу. Оно скажет русским следователям, что не увлекаться им следует суеверием, а господствовать над ним, не поддаваться вполне лжесвидетельству и ложному оговору, а критически относиться к фактам и воспринимать их после тщательной всесторонней проверки, для которой даны им законом все средства. Оно скажет русским прокурорам, что дороги и любезны они обществу не только как охранители общества от преступных посягательств, но и в особенности как охранители его от неосновательных подозрений и ложных обвинений. Оно скажет и следователям, и прокурорам, что для правильности судебного убеждения нужен тяжелый труд изыскания реальной правды, а не полет воображения художественно правдивого драматурга...» [Александров эл.р.]

Последняя фраза, как и вся финальная часть речи Александрова, отозвалась в письме *художественно правдивого романиста* не просто несогласием с оправдательным приговором («тут несомненно они виноваты»), но и враждебностью по отношению к адвокату («подлая защита», «негодяй», «нанятая совесть»), а следовательно – приверженностью мифу о «кровавом навете».

В этом контексте Алешино «Не знаю» на вопрос Лизы о ритуальных убийствах евреями христианских детей означает «Да». Но интуиция художника сильнее идеологических установок и оставляет шанс для *contra*, т.е. возможность *сомнения*.

Однако, когда М. Шраер недоумевает, «почему Достоевский не сделал капитана Снегирева евреем», и сожалеет, что «в художественной прозе Достоевского напрочь отсутствуют вдохновляющие и привлекательные еврейские персонажи» [Шраер 2006: 170], это, на наш взгляд, противоречит *художественной правде* писателя, не говоря уже о его мировоззрении.

Одно дело ветхозаветные Авраам и Сарра, Исаак и Ревекка, Иаков, Иосиф, Иов и т. д., совсем другое – современные евреи, запечатленные Достоевским трижды.

Двигаясь в обратном хронологическом порядке от «Братьев Карамазовых», коротко упомянем первых двух и подробно остановимся на третьем.

Шут Лямшин – фигура отнюдь не первого ряда, единственный еврей в компании «бесов», которые поданы как порождение глубинных процессов собственно русской национальной жизни. Это принципиально отличает роман Достоевского «Бесы» от романов Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах», где в качестве главного источника нигилистической заразы выступают поляки и евреи. Однако в письме В.Ф. Пуцыковичу от 29 августа 1878 г.

Достоевский описывает политическую ситуацию вполне в духе романа «На ножах» и в стилистике Карамазова-старшего: «...сколько в этой нигилистине орудует (по моему наблюдению) жидков, а может, и поляков. Сколько разных жидков было еще на Казанской площади, затем жидки по одесской истории. Одесса, город жидов, оказывается центром нашего воюющего социализма. В Европе то же явление: жида страшно участвуют в социализме, а уже о Лассалях, Карлах Марксах и не говорю. И понятно: жиду весь выигрыш от всякого радикального потрясения и переворота в государстве, потому что сам-то он *status in statu*, составляет свою общину, которая никогда не потрясется, а лишь выиграет от всякого ослабления всего того, что не жида» [Достоевский 30 (1): 43].

Вторым в нашем реестре персонажей-евреев фигурирует пожарный «Ахиллес» в «Преступлении и наказании» – замечательный комментарий связанного с ним эпизода содержится в статье Штейнберга «Достоевский и еврейство» [Штейнберг 1928: 105–106].

И, наконец, главный, ключевой персонаж этого ряда, этой темы и в определенной степени один из ключевых персонажей творчества Достоевского – Исая Фомич Бумштейн. Мы уже писали о том, что «Записки из Мертвого дома» – это концентрированное воплощение образов, мотивов, художественной стратегии всего последующего творчества Достоевского, и, в частности, указывали, что «православный Исая Фомич превращен в иудея для того, чтобы обозначить собою нижнюю точку каторжной иерархии, относительно которой “дворянчик” ощущает себя психологически комфортнее в отторгающей его простонародной среде, которой он, тем не менее, ближе, чем еврей, а значит, много выше его статусом» [Ребель 2015: 409].

По поводу вероисповедания прототипа – Исаю Бумштеля – мы следовали общепринятой точке зрения, которая задана комментариями к «Запискам из Мертвого дома» в академическом собрании сочинений Ф.М. Достоевского под редакцией В.Г. Базанова, а также во множестве исследований. Однако углубление в тему стало вызывать все больше вопросов. И первый из них – о вероисповедании прототипа.

Полученная нами по письменному электронному запросу справка из РГВИА свидетельствует о наличии двух документальных версий на сей счет: «По указанному Вами шифру (Ф. 312. Оп. 2. Д. 1815. Л. 29) действительно имеется запись о том, что Исая Бумштель, мещанин, из евреев, православного вероисповедания. Обращаем Ваше внимание, что указанный Вами шифр Ф. 32. Оп. 2. Д. 1664. Л. 50 – неточный. В фонде Управления генерал-инспектора по инженерной части (Ф. 312. Оп. 2. Д. 1664. Л. 50) значится Исая Бумштель иудейского вероисповедания». В пользу общепринятой версии вроде бы говорят неточности в описании субботней молитвы (в частности наличие тфилин, что было уместно только в будние дни), однако Достоевский мог просто забыть детали. В любом случае, вопрос о вероисповедании прототипа остается открытым и требует дополнительного изучения. Второй вопрос связан с отчеством героя – «Фомич»: его нет ни в одном из приведенных документов. Не исключено, что оно дано герою автором «Записок». Как известно, «Фома – это мужское русское личное имя, заимствованное из греческого (греч. Φωμάς); восходит к арамейскому “томо” [כֹּמָא] – “близнец”. В христианском именослове имя *Фома* соотносится прежде всего с апостолом Фомой»¹. Здесь открываются два варианта *интерпретации*: 1) Фомич – от *Фомы неверующего* (во Христа!); 2) «близнец» – чей? по-видимому, автобиографического героя-рассказчика – Александра Петровича Горянчикова: тоже инакий, чуждый, чужой. Своего рода двойник-перевертыш. Близость зафиксирована текстуально: «Мы с ним были большие друзья» [Достоевский 4: 55].

Третий вопрос порожден именем. Исая – реальное имя реального прототипа, вызывающее ассоциацию с именем пророка Исая; возможно, отчество введено для того, чтобы эту ассоциацию «погасить», нейтрализовать. Т.А. Касаткина, напротив, утверждает, что имя здесь «наиболее очевидный и прямой ключ к внутреннему сюжету» [Касаткина

¹ См.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%BE%D0%BC%D0%B0>

2007: 422], и усматривает отсылку не только к ветхозаветному Исаяе, но и к православному тропарю «Исайе ликуй» [Касаткина 2007: 421]. По поводу первого предположения заметим, что карнавализованное изображение субботней молитвы вступает в противоречие с образом пророка как такового и с содержанием книги пророка Исаяи в частности, ибо она практически начинается с осуждения действия, описанного в «Мертвом доме». Исаяя от имени Господа обращается к «князьям Содомским», к «народу Гоморрскому»: «Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы стираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови» [Ис. 1: 3–15]. Напомним: Исая Фомич осужден за убийство. И подчеркнем: по свидетельству пророка Исаяи, устами которого говорит Ашем (Иегова), сам по себе ритуал, которого так тщательно придерживается Исая Фомич, – ничто. Сказанное ставит под сомнение символическую связь Исая Фомича с пророком Исаяей посредством имени, тем более что имя в данном случае подлинное, а не заданное Достоевским.

Самый характер молитвы Исая Фомича – с «особенными, прехитрыми кунштыками», с подчеркнутой демонстративностью: «Исая Фомич как бы нарочно рисовался перед нами и щеголял своими обрядами» [Достоевский 4: 95] – производит на наблюдателей впечатление театрального действия. «Конечно, всё это было предписано обрядами молитвы, и в этом ничего не было смешного и странного» [Достоевский 4: 95], – оговаривается рассказчик, однако описываемый ритуал очевидно противоречил не только наставлению ветхозаветного пророка, но, что еще важнее для обитателей Мертвого дома, – христианской традиции, заповеданию Иисуса: «И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» [Матф. 6: 5–6].

В этом контексте вряд ли корректно усматривать в ликующем пении героя в бане «связь осторожного еврея с предстоящим праздником Рождества» [Касаткина 2007: 422], тем более что в самом «Мертвом доме» эта сцена напрямую соотнесена с адом: «Исая Фомич сам чувствует, что в эту минуту он выше всех и заткнул всех их за пояс; он торжествует и резким, сумасшедшим голосом выкрикивает свою арию: ля-ля-ля-ля-ля, покрывающую все голоса. Мне пришло на ум, что если все мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место» [Достоевский 4: 99].

Отсылка к свадебному тропарю представляется и вовсе неуместной. По определению святителя Николая Сербского (Велимировича), песнопение «Исаие, ликуй» призвано «напомнить жениху и невесте о чистоте и святости брака, о Промысле Божиим, по которому рождаются дети. Чтобы супруги имели страх Божий и духовное и нравственное значение брака ставили выше телесного» [Сербский]. Эти смыслы никак не соотносятся с содержанием «сумасшедшего» ликования Исая Фомича, с каторжной обстановкой, с вариациями брачной темы, вывернутой обитателями Мертвого дома грязной и страшной изнанкой. Пародийная ее интерпретация содержится в намерениях Исая Фомича воспользоваться рецептом, «доставленным ему от доктора его жидками тотчас же после эшафота. По этому рецепту можно было получить такую мазь, от которой недели в две могли сойти все клейма. Употребить эту мазь в остроге он не смел и выжидал своего двенадцатилетнего срока каторги, после которой, выйдя на поселение, непременно намеревался воспользоваться рецептом. “Не то нельзя будет зениться, – сказал он мне однажды, – а я непременно хочу зениться”» [Достоевский 4: 55]. Жуткая картина деревенской брачной жизни предьявлена во вставной новелле «Акульский муж», в приложении «Из воспоминаний А.П. Милюкова», и даже тихому и безобидному

Горянчикову вменено убийство жены. Какая уж тут святость брака? К тому же отношение Исаия Фомича к празднику Рождества в тексте повести выражено вполне однозначно: «Исай Фомич упрямо и высокомерно засветил в своем уголку свечку и начал работать, видимо показывая, что ни во что не считает праздник» [Достоевский 4: 109].

Следует также уточнить, что пророчество Исаии о рождении девои Еммануила при переводе истолковано было неточно. Разъяснение на сей счет находим у Айзека Азимова: «Для христиан это обычно служит ссылкой на непорочное зачатие Иисуса, но это, конечно, основывается на слове, переведенном в Библии короля Якова как “дева”. На еврейском переведенное таким образом слово звучит как “алмах”, и в действительности оно обычно относится к молодой женщине, которая могла быть или не быть девои. В еврейском языке есть конкретное слово (“бефулах”) для обозначения “девы”, но оно здесь не употребляется. Поэтому в Исправленном стандартном переводе стих Ис., 7: 14 переводится: “Вот, молодая женщина примет и родит сына...”» [Азимов 2005: 500].

В новейшем переводе Библии на современный русский язык с древнееврейского, арамейского и древнегреческого языков, осуществленном Институтом перевода Библии при Заокской духовной академии, в примечании в качестве альтернативного варианта слова «дева» дается «эта молодая женщина» с комментарием: «...что вполне допустимо контекстом, так как речь идет об известной Ахазу женщине» [Библия 2015: 1012]. Очевидно, что при передаче первичных формул на другие языки происходили трансформации, дополнительно затемняющие смысл и без того сложного текста, насыщенного знаками и символами, принадлежащими принципиально иной культурной парадигме. В любом случае, привязка поведения Исаия Фомича к идее Рождества представляется искусственной.

Подытожим, расставляя дополнительные акценты, эту очень важную в контексте темы часть рассуждений.

В «Записках из Мертвого дома» очень детально описан профессиональный, социальный, этнический, религиозный, конфессиональный состав каторжников, Мертвый дом выступает как точная – и политически корректная! («Я убежден, что напишу совершенно, в высшей степени цензурно» [Достоевский 28 (1): 349], – обещал Достоевский) – модель Российской империи.

Исай Фомич появляется в рамках профессиональной дифференциации – в классической роли ювелира и ростовщика. В первый раз «жид Бумштейн» был упомянут в качестве ростовщика в повести «Дядюшкин сон».

Из каторжного «сброда» выделены и как политические прямо заявлены только поляки, которые «с глубоким предубеждением смотрели на всех окружающих, видели в каторжных одно только зверство»; только «с черкесами, с татарами, с Исаем Фомичом они были ласковы и приветливы, но с отвращением избегали всех остальных» [Достоевский 4: 210].

Таким образом, Исай Фомич предстает в ненавязчивой, но исторически и геополитически точной связке с поляками (отсылка к событиям 1772 г. – разделу Речи Посполитой), что дополнительно подтверждается и уточняется в другой части текста: «Из всех каторжных нашей казармы они любили только одного жида, и может быть единственно потому, что он их забавлял» [Достоевский 4: 55]. *Забавлял* он и всех остальных каторжан, включая авторского alter ego Горянчикова: «Нашего жидка, впрочем, любили даже и другие арестанты, хотя решительно все без исключения смеялись над ним. Он был у нас один, и я даже теперь не могу вспоминать о нем без смеху» [Достоевский 4: 55]; «Исай Фомич, очевидно, служил всем для развлечения и всегдашней потехи. “Он у нас один, не троньте Исаия Фомича”, – говорили арестанты» [Достоевский 4: 93]. «Господи, что за уморительный и смешной был этот человек!» [Достоевский 4: 92] – вновь и вновь повторяет рассказчик. И даже «Лучка [убийца шести человек! – Г.Р.], знавший на своем веку много жидков, часто дразнил его, и вовсе не из злобы, а так, для забавы, точно так же, как забавляются с собачкой, попугаем, учеными зверьками и проч.» [Достоевский 4: 94]. Нарочитое снижение, карнавализация образа еврея в «Мертвом доме» – устойчивый рефрен предьявления героя.

Существует множество оценок этой авторской стратегии. Одна из самых жестких – в качестве реакции на комментарий в полном собрании сочинений Достоевского – принадлежит Камилу Икрамову: «“Полная юмора сценка исполнения Исаем Фомичом обряда молитвы” носит откровенно издевательский характер и выражает тогдашнее великодержавно-православное отношение к иноверцам. Слово “юмор” тут явно не к месту. Тут в первую очередь имели место соображения конфессиональные, идейные, идеологические, как принято говорить теперь. Многообразно на протяжении всей своей жизни защищая православие, Достоевский защищает не Христа, не самую веру, а государственную религию и религию в качестве государства, ее “чудо, тайну и авторитет”» [Икрамов].

«Можно спорить о качестве этого юмора и мере авторского антисемитизма, но акцент на этническом стереотипе ростовщика налицо» [Жолковский 2014: 315], – замечает А. Жолковский. Неожиданным антитезисом звучит утверждение Л.П. Гроссмана: «Главы “Записок” об Исае Фомиче – невольная апология еврейства» [Гроссман 1999: 184].

Однако если это в какой-то мере и апология, то еврейства вот такого: тщедушного, жалкого, уморительного, смешного, карнавализованного и начисто лишеного даже намека на богоизбранность.

Блаженнейший и незабвенный Исай Фомич – не аналог и не преемник, а антипод ветхозаветного Исаяи.

Уже здесь, в «Записках из Мертвого дома», исподволь готовится другое преемство.

Заключение

Преемником, перехватившим у евреев богоизбранность, станет русский народ, который Достоевским, вопреки тяжкому каторжному опыту, был превращен в собирательного, умозрительного мужика Марeya. «...истинный Израиль ныне – народ русский» [Штейнберг 1928: 104], – формулирует мессианскую идею Достоевского Штейнберг.

Здесь следует напомнить, что объектом мессианских упований Достоевского была Европа. Герой романа «Подросток» Версиков унаследовал от не потянувшего роль «всечеловека» Ставрогина («Бесы») сон о древнегреческой «колыбели европейского человечества», который наполняет душу Версикова «родною любовью» и чувством превосходства *русского* европейца, который, в отличие от замкнутых на своих узконациональных интересах французов и немцев, «был тогда в Европе *единственным европейцем*», озабоченным спасением старого мира русскою мыслью, которая есть «всепримирение идей»: «О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим! У них теперь другие мысли и другие чувства, и они перестали дорожить старыми камнями... Там консерватор всего лишь борется за существование; да и петролейщик лезет лишь из права на кусок. Одна Россия живет не для себя, а для мысли <...> вот уже почти столетие, как Россия живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы!» [Достоевский 13: 375, 376, 377].

Примечательно и отношение Достоевского к западным славянам, о спасении которых от турецкого ига он горячо ратовал, но в сентябрьском выпуске Дневника писателя за тот же 1877 г. о «новоосвобожденных славянских народцах» пишет: «...по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!» [Достоевский 26: 78].

Однако и тут звучит свое «*буди! буди!*» – и тоже двусмысленное:

«...выказав полнейшее бескорыстие, тем самым Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян; сначала в беде будут прибегать к ней, а потом, когда-нибудь, воротятся к ней и *прильнут* к ней все, уже с полной, детской доверенностью <...> а России вовсе нечего будет брать у славян ни из идей их, ни их литературы, и чтоб учить нас, все они страшно не доросли» [Достоевский: 26, 84].

Вот по этому последнему пункту с евреями сложнее: «*Господи, что это за книга и какие уроки!*»; «...*другой такой книги в человечестве нет и не может быть*»... Раздражение Достоевского против евреев тем сильнее, что *мессианский вопрос* «не решен» был в самом сердце его, но – «настоятельно требовал разрешения» [Достоевский 14: 65]. В период написания «Записок из Мертвого дома» этот вопрос еще только проклеивался в сознании писателя, но фундамент для его постановки закладывался уже там.

Если мы окинем мысленным взором послекаторжное творчество Достоевского – художественное, публицистическое, эпистолярное во всей его совокупности – то увидим, как из «Мертвого дома» вырастает это громадное здание и, пожалуй, согласимся со Штейнбергом, что «кажущееся противоречие» – и не только по еврейскому вопросу, и даже не только по огромной национальной проблеме, добавим мы от себя, – «есть на самом деле прямолинейная, железная логика» [Штейнберг 1928: 105], приведшая Достоевского на идеологическом поприще к союзу с Катковым и Победоносцевым, но в искусстве удерживавшая в «горниле сомнений».

Список литературы

1. Азимов А. Путеводитель по Ветхому Завету. М.: Центрполиграф, 2005. 639 с.
2. Аксаков И.С. Еврейский вопрос [Электронный ресурс]. М.: Социздат, 2001. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0080.shtml (дата обращения: 25.02.2022).
3. Александров П.А. Речь по делу Сарры Модебадзе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rech-po-delu-sarry-modebadze/viewer> (дата обращения: 25.02.2022).
4. Библия в современном русском переводе / пер. под ред. М.П. Кулакова и М.М. Кулакова. Заокский: Институт пер. Библии при Заокской Духовной Академии, 2015. 1856 с.
5. Бердяев Н. Философия неравенства [Электронный ресурс]. 2006. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1929_filosofiya_neravenstva.shtml (дата обращения: 15.01.2022).
6. Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
7. Гроссман Л. Исповедь одного еврея. М.: Деконт+, Подкова, 1999. 192 с.
8. Гуревич С. Буди ли? Россия, Достоевский, евреи // Гроссман Л. Исповедь одного еврея. М.: Деконт+, Подкова, 1999. С. 5-15.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 4. Записки из мертвого дома / текст подгот. и примеч. сост. И.Д. Якубович и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 5–232.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 13. Подросток / текст подгот. Г.Я. Галаган. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 456 с.
11. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 511 с.
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 15. Братья Карамазовы. Кн. 11-12. Эпилог. Рукописные ред. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 624 с.
13. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь-август / текст подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 470 с.
14. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь-декабрь – 1880, август / ред. Н.Ф. Буданова и др.; текст подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 518 с.
15. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 30, кн. 1. Письма, 1878-1881 / текст подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова и др.; ред. Н.Ф. Буданова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 455 с.
16. Жолковский А.К. Поэтика за чайным столом и другие разборы: сборник статей. М.: НЛО, 2014. 824 с.
17. Икрамов К. Дело моего отца (роман-хроника) [Электронный ресурс]. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=184755&page=61> (дата обращения: 25.04.2022).
18. Касаткина Т. По поводу суждений об антисемитизме Достоевского // Достоевский и мировая культура / Альманах. 2007. № 22. С. 413–436.

19. Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика, 1995. (Прошлое и настоящее). 607 с.
20. Письма разных лиц И.С. Тургеневу // Шукинский сборник. Выпуск восьмой. Издание Отделения Императорского Российского Исторического Музея имени Императора Александра III – Музея П.И. Щукина. М.: Синодальная Типография, 1909. С. 196–218
21. Ребель Г.М. Почему лучший русский человек не выступил против еврейских погромов // Вопросы литературы. 2021. № 2. С. 13–53.
22. Ребель Г.М. «Записки из Мертвого дома» как источник тем и образов позднего Достоевского // V Международный конгресс «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные доклады и тезисы. Том 1. Под общ. ред. И.Л. Волгина. М.: Белый ветер, 2015. С. 407–412.
23. Ребель Г.М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского: (типологические явления русской литературы XIX века): монография. Пермь: Изд-во «Пермский государственный педагогический университет», 2007. 398 с.
24. Сербский Николай (Велимирович). Миссионерские письма. Письмо 188 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/missionerskie-pisma/188 (дата обращения: 25.01.2022).
25. Шраер М. Достоевский, еврейский вопрос и «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 21. СПб.: Серебряный век, 2006. С. 150–171.
26. Штейнберг А.З. Достоевский и еврейство // Версты. 1928. № 3. С. 94–108.

References

1. Azimov A. Putevoditel' po Vetkhomu Zavetu [Guide to the Old Testament]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2005, 639 p. (In russ.).
2. Aksakov I.S. Evreiskii vopros [Еврейский вопрос]. Moscow, Sotsizdat, 2001. (In russ.). Available at: http://az.lib.ru/a/aksakov_i_s/text_0080.shtml (accessed: 25.02.2022).
3. Aleksandrov P.A. Rech' po delu Sarry Modebadze [Speech on the case of Sarra Modebadze]. (In russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rech-po-delu-sarry-modebadze/viewer> (accessed: 25.02.2022).
4. Bibliia v sovremennom russkom perevode [Bible in modern Russian translation]. Institut per. Biblii pri Zaokskoi Dukhovnoi Akademii, 2015, 1856 p. (In russ.).
5. Berdiaev N. Filosofii neravenstva [Philosophy of inequality]. 2006. (In russ.). Available at: http://az.lib.ru/b/berdjaev_n_a/text_1929_filosofiya_neravenstva.shtml (accessed: 15.01.2022).
6. Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie [Library F.M. Dostoevsky: Experience of reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka, 2005, 338 p. (In russ.).
7. Grossman L. Ispoved' odnogo evreia [onfession of a Jew]. Moscow, Dekont+, Podkova, 1999, 192 p. (In russ.).
8. Gurevich S. Budi li? Rossiia, Dostoevskii, evrei [Will you? Russia, Dostoevsky, Jews]. *Grossman L. Ispoved' odnogo evreia*. Moscow, Dekont+, Podkova, 1999, pp. 5-15. (In russ.).
9. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, vol. 4, 1972, pp. 5-232. (In russ.).
10. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, vol. 13, 1975, 456 p. (In russ.).
11. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, vol. 14, 1976, 511 p. (In russ.).
12. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, vol. 15, book 11-12, 1976, 624 p. (In russ.).
13. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, vol. 25, 1983. 470 p. (In russ.).
14. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: [Full composition of writings]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie, vol. 26, 1984. 518 p. (In russ.).
15. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, vol. 30, book 1, 1988, 455 p. (In russ.).
16. Zholkovskii A.K. Poetika za chainym stolom i drugie razbory [Poetics at the tea table and other analyzes]. *Sbornik statei*. Moscow, NLO, 2014, 824 p. (In russ.).
17. Ikramov K. Delo moego ottsa (roman-khronika) [My Father's Case (novel-chronicle)]. (In russ.). Available at: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=184755&page=61> (accessed: 25.04.2022).

18. Kasatkina T. Po povodu suzhenii ob antisemitizme Dostoevskogo [Concerning judgments about Dostoevsky's anti-Semitism]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*. 2007, no. 22, pp. 413-436. (In russ.).
19. Mochul'skii K. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moscow: Respublika, 1995, 607 p. (In russ.).
20. Pis'ma raznykh lits I.S. Turgenevu [Letters from various persons to I.S. Turgenev]. *Shchukinskii sbornik. Vypusk vos'moi. Izdanie Otdeleniia Imperatorskogo Rossiiskogo Istoricheskogo Muzeia imeni Imperatora Aleksandra III - Muzeia P.I. Shchukina*. Moscow, Sinodal'naia Tipografiia, 1909, pp. 196-218. (In russ.).
21. Rebel' G.M. Pochemu luchshii russkii chelovek ne vystupil protiv evreiskikh pogromov [Why the best Russian man did not speak out against Jewish pogroms]. *Voprosy literatury*. 2021, no. 2, pp. 13-53. (In russ.).
22. Rebel' G.M. «Zapiski iz Mertvogo doma» kak istochnik tem i obrazov pozdnego Dostoevskogo ["Notes from the House of the Dead" as a source of themes and images of late Dostoevsky]. *V Mezhdunarodnyi kongress «Russkaia slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste»*. Moscow, Belyi veter, vol. 1, 2015, pp. 407-412. (In russ.).
23. Rebel' G.M. Geroi i zhanrovye formy romanov Turgeneva i Dostoevskogo: (tipologicheskie iavleniia russkoi literatury XIX veka) [Heroes and genre forms of the novels of Turgenev and Dostoevsky: (typological phenomena of Russian literature of the 19th century)]. Perm', Izd-vo «Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet», 2007, 398 p. (In russ.).
24. Serbskii Nikolai (Velimirovich). Missionerskie pis'ma. [Serbian Nicholas (Velimirovich). missionary letters]. (In russ.). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/missionerskie-pisma/188 (accessed: 25.01.2022).
25. Shraer M. Dostoevskii, evreiskii vopros i «Brat'ia Karamazovy» [Dostoevsky, the Jewish Question and The Brothers Karamazov]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*. St. Petersburg, Serebrianyi vek, no. 21, 2006, pp. 150-171. (In russ.).
26. Shteinberg A.Z. Dostoevskii i evreistvo [Dostoevsky and Jewry]. *Versty*. 1928, no. 3, pp. 94-108. (In russ.).

Информация об авторе

Г.М. Ребель – доктор филологических наук, профессор,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

G.M. Rebel – Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 25.03.2022.

The article was submitted 08.02.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 25.03.2022.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 109–117.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2022. No. 6. P. 109-117.

Научная статья

УДК 811

doi: 10.24412/2713-0231- 2022-6-109-117

ЖИТИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ В «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»: СОЛЖЕНИЦЫН И ПРОТОПОП АВВАКУМ

Лариса Владимировна Серебрякова¹, Алёна Юрьевна Зубова²

^{1,2} Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

¹ serebryakova_lv@pspu.ru

² alenazubova49@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем современного литературоведения – проблеме литературной традиции. Исследователи всегда стремились к обнаружению источников, выяснению роли традиций в создании цельного и неповторимого произведения любого вида искусства. В настоящее время все чаще говорят о диалоге и взаимодействии искусств, о проблемах взаимосвязи автора и аудитории, о «своем» и «чужом» слове в художественном тексте, о доминанте преемственности как основном законе развития искусства. Стала очевидной невозможность существования современной культуры без соотнесения с опытом предыдущих эпох. В функциональном плане традиция, связывая историческое прошлое с настоящим, передавая культурное достояние от поколения к поколению, осуществляет избирательное и инициативное овладение наследием во имя его обогащения и решения вновь возникающих задач. Вопросы преемственности всегда волновали и самих творцов новых произведений. Целью нашей работы является выявление традиции древнерусской литературы в «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, творчество которого представляет собой уникальное художественное явление. Художественное наследие писателя, ещё в полной мере не осмысленное современным литературоведением, формируется совершенно особенными художественными принципами. Традиции, как общекультурные, так и собственно литературные, имеют особое значение в творчестве Солженицына, который, с одной стороны говорит о себе как о принципиальном традиционалисте, с другой, – органично соединяет в своих произведениях традицию и новаторство. Традиция в широком смысле есть присутствие прошлого в настоящем. В статье рассмотрена житийная традиция в «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына.

Ключевые слова: Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ», литературная традиция, лагерная проза, протопоп Аввакум, житийная традиция, летописная традиция.

Для цитирования: Серебрякова Л.В., Зубова А.Ю. Житийная традиция в «Архипелаге ГУЛАГ»: Солженицын и протопоп Аввакум // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 109-117. <https://doi.org/10.24412/2713-0231- 2022-6-109-117>

Original article

HAGIOGRAPHIC TRADITION IN THE «GULAG ARCHIPELAGO»: SOLZHENITSYN AND PROTOPOP AVVAKUM

Larisa V. Serebryakova¹, Alena Yu. Zubova²

^{1,2} Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

¹ serebryakova_lv@pspu.ru

² alenazubova49@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the urgent problems of modern literary criticism – the problem of literary tradition. Researchers have always sought to discover the sources, to clarify the role of traditions in creating a complete and unique work of any kind of art. Nowadays, people are increasingly talking about the dialogue and interaction of the arts, about the problems of the relationship between the author and the audience, about the «own» and «someone else's» word in a literary text, about the dominant continuity as the basic law of art development. The impossibility of the existence of modern culture without correlation with the experience of previous eras has become obvious. In functional terms, tradition connects the historical past with the present, passing cultural heritage from generation to generation, carries out selective and proactive mastery of heritage in the name of its enrichment and solving newly emerging problems. Succession issues have always worried the creators of new works themselves. The purpose of our work is to identify the tradition of ancient Russian literature in the GULAG Archipelago by A.I. Solzhenitsyn, whose work is a unique artistic phenomenon. The artistic heritage of the writer, which has not yet been fully comprehended by modern literary criticism, is formed by very special artistic principles. Traditions, both general cultural and literary, have a special significance in the work of Solzhenitsyn, who, on the one hand, speaks of himself as a principled traditionalist, on the other hand, organically combines tradition and innovation in his works. Tradition in the broad sense is the presence of the past in the present. This article examines the hagiographic tradition in the Gulag Archipelago by A.I. Solzhenitsyn.

Keywords: Solzhenitsyn, «GULAG Archipelago», literary tradition, camp prose, Archpriest Avvakum, hagiographic tradition, chronicle tradition.

For citation: Serebryakova L.V., Zubova A.Yu. Hagiographic tradition in the «GULAG Archipelago»: Solzhenitsyn and Protopop Avvakum. Humanitarian Studies. History and Philology. 2022;6:109-117. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-6-109-117>

Введение

Творчество Нобелевского лауреата А.И. Солженицына занимает особое место в русской литературе второй половины двадцатого столетия, а его «Архипелаг ГУЛАГ» (1958–1968), ставший стержнем «лагерной прозы» и трагическим символом целой эпохи, по праву можно считать вершиной творчества писателя. Приступая к работе над «Архипелагом», А.И. Солженицын изначально поставил перед собой чрезвычайно сложную и опасную для того времени задачу – создать модель советской репрессивно-карательной системы 1918–1956 гг., дать голос миллионам погибших и пропавшим без вести, всем, кто был лишён возможности рассказать о своей судьбе. Неохватная работа, оказавшаяся не по силам никакому институту, удалась одиночке, который не имел по опасности темы даже возможности хотя бы единожды держать на письменном столе свой труд целиком. Солженицын сумел объять то, что на первый взгляд казалось необъятным. «Архипелаг ГУЛАГ» сегодня востребован и как обобщающее произведение о лагерном мире, и как многогранный портрет советской эпохи.

А.И. Солженицын определил жанр «Архипелага» как «опыт художественного исследования», то есть «такое использование фактического (не преображённого) жизненного материала, чтобы из отдельных фактов, фрагментов, соединённых, однако возможностями художника, – общая мысль выступала бы с полной доказательностью, никак не слабее, чем в исследовании научном» [Телеинтервью 2018: 14]. Жанр «Архипелага», безусловно, новаторский. Подобного определения в современной жанровой классификации до А.И. Солженицына не было, однако сам автор утверждает, что «над каждым русским писателем довлеет традиция русской литературы» [Интервью] и не без оснований считает себя хранителем этой традиции. В интервью с Хилтоном Крамером, критиком «Нью-Йорк Таймс», писатель говорит о себе как о принципиальном традиционалисте: «Я несколько не считаю, что надо гнаться за быстро меняющейся модой. Я применяю много новых приёмов, <...> но не для того, чтобы вообще развивать их или быть современным, а для того, чтобы наиболее экономно справиться с материалом. <...> Ясно, что нужны новые приёмы <...>. Из чего вообще складываются художественные приёмы писателя? Они складываются из его личности, из материала и из традиции его литературы, в данном случае русской. Вот и всё. А просто придумывать новые приёмы я считаю недопустимым и невозможным» [Интервью].

Неразрывная связь творчества А.И. Солженицына с русской духовной и христианской культурой отмечена практически всеми исследователями, в частности, традиция русской классической литературы XIX в. В работе «Поэтика прозы Солженицына» А.В. Урманова проанализирована национальная основа творчества и преемственность художественного наследия Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. В статье Э.И. Коптевой «Традиционные хронотопы русской классики в переосмыслении А.И. Солженицына («Матренин двор»)» рассмотрены трансформации русской литературной традиции. Однако на сегодняшний день недостаточно исследований, посвященных изучению жанровой традиции древнерусской литературы в творчестве А.И. Солженицына. Так, в статье Э. Маркштайн и В.Т. Олейника впервые высказана мысль о связях «Архипелага» с летописной традицией, житийная традиция проанализирована в статье А.В. Шункова «Житийные традиции в рассказе А.И. Солженицына “Матренин двор”». Полагаем, что в «Архипелаг ГУЛАГ» наряду с летописной А.И. Солженицын опирается и на богатую традицию житийной литературы Древней Руси.

Основная часть

М.М. Бахтин отмечает, что «в процессе становления мировой культуры разные произведения и разные эпохи постоянно перекликаются, дополняют и раскрывают друг друга» [Бахтин 1979: 383]. Ученый еще в 1924 г. писал, что каждый автор находится в состоянии настоящего диалога с другими авторами, со своей предшествующей и современной ему культурой. Говоря о состоянии современной культуры, и литературы, в частности, М.М. Бахтин вводит понятия «малое историческое время» и «большое историческое время», при этом под первым подразумевая современность писателя, а под вторым – опыт предшествующих эпох. Исследователь отмечает, что «литература – неотрывная часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры» [Бахтин 1979: 344]. Подчеркивая значимость культурной преемственности, Д.С. Лихачев писал: «В отличие от общего движения «гражданской» истории процесс истории культуры есть не только процесс изменения истории культуры, но и процесс сохранения прошлого, процесс открытия нового в старом, накопления культурных ценностей» [Лихачев 1967: 364]. В Древней Руси в особую роль в распространении христианской религии сыграли монастыри, в которых были созданы первые школы, воспитывающие любовь к книжному учению, книгохранилища-библиотеки, велись летописи. Именно в монастыре создавался идеальный образ русского инока – подвижника, посвятившего себя служению богу, нравственному совершенствованию, освобождению от низменных порочных страстей, служению высокой идее гражданского долга, справедливости, добра, общественного блага. Этот идеал находил конкретное воплощение в житийной (агиографической) литературе. Житие, агиография (от греч. *hágios* – святой и *gráphō* – пишу) – один из основных эпических жанров церковной словесности. Объектом изображения жития является подвиг веры, совершаемый историческим лицом или группой лиц. Для жития характерны каноничность и строгая этикетность [Глаткова 2001: 269].

По объему излагаемого биографического материала выделяют биографическое житие (биос) и мученическое (мартыриос). В соответствии с образом святого и его подвижнической деятельности различают мученическое житие (мученик), исповедническое житие (исповедник), святительское житие (святитель), преподобническое житие (преподобный, святой подобный Христу, пострадавший за веру, принявший смерть за веру, часто создатель монастыря или пропагандист христианства). В основе жития лежала биография святого, чаще всего исторического лица, который был известен самому автору лично или по рассказам его современников. Главной целью жития было прославить героя, сделать его нравственным идеалом. Герои жития, независимо от их богатства или бедности, от социального положения или учености, воспринимались любым читателем как себе подобные. Читатель сравнивал свою жизнь и судьбу с жизнью святого. Судьба человека и более того – попытки заглянуть в его внутренний мир, поэтизация духовного подвига не могли не привлекать к этому виду

литературы сердца и умы. Композиция жития канонична: за пространством вступлением следует рассказ о благочестивых родителях и детстве будущего святого, его деяниях, смерти и посмертных чудесах. В древнерусской литературе житийный канон не был незыблемым. Житийный канон – не схема, а лишь принцип, лежащий в основе каждого агиографического произведения и строго не определяющий все его содержание. Канон, сложившийся в византийской литературе, и принятый древнерусскими книжниками, очень быстро начал меняться под воздействием множества факторов. И чем талантливее был агиограф, тем сильнее было отступление от канона. Постепенно житие перестало быть исключительно церковно-служебным жанром и постепенно становилось жанром, подчиняющимся общим законам развития древнерусской литературы и ориентирующимся на требования, предъявляемые к литературному произведению. Таким образом, древнерусское житие дает нам возможность видеть частную жизнь человека в Древней Руси, хотя и возведенную к идеалу. Нередко житие можно назвать и своеобразной местной летописью глухого уголка, не оставившего следа в общей летописи. Жития формировали взгляд человека Древней Руси на идеал святости, пути спасения, создавали образ святого и его земного подвига. Исключительное разнообразие жизненного материала, служившее основой для постоянного жанрового развития и изменений, происходивших и нараставших внутри самого жанра, сделало жития благодатной почвой для возникновения новой светской литературы. На базе житий, внутри самого жанра происходит процесс формообразования, и отдельные жития приближаются все больше к различным литературным жанрам. Одни начинают походить на рассказы, другие на исторические, бытовые или психологические повести, третьи на поэтические сказки, некоторые приобретают подчеркнута проповедническое поучительное звучание. Все это разнообразие, нарушающее канонические рамки религиозного жанра, отрывает его от церковной литературы.

Таким образом, к середине XVII века – века «постепенного освобождения человеческой личности, разрушившего старые средневековые представления о человеке как о члене корпорации церковной, государственной или сословной» [Лихачев 1979: 354] – жанр жития претерпел значительные изменения. Самым известным примером подобных изменений является «Житие протопопа Аввакума» (1672), названное позже первым автобиографическим произведением в древнерусской литературе. «Все творчество Аввакума проникнуто резким автобиографизмом» – отмечает Д.С. Лихачев. Все его сочинения пронизаны личным отношением и личными воспоминаниями [Лихачев 1979: 352]. Д.С. Лихачев отмечает, что «Аввакум видит свое прошлое из настоящего, прибегает к прошлому для объяснения настоящего» [Лихачев 1967: 306]. Аввакум сравнивает самого себя в прошлом и настоящем, проводит параллель и выражает свою оценку действиям, которые были совершены в прошлом. «Сейчас прощает или бранит своих прошлых мучителей, сейчас благословляет своих прошлых сострадальцев, вспоминает о том, что с ними стало после событий или что с ними происходит в настоящее время, где они сейчас находятся, остались ли верны вере. Прошлое для него в известной мере настоящее» [там же: 306]. Перспектива времени связывала Аввакума и его читателей с событиями его жизни, требовала оценки прошлого с точки зрения настоящего момента.

Настоящее, по словам Д.С. Лихачева, «вершит в «Житии» Аввакума суд над прошлым. Эта точка зрения на прошлое из настоящего, столь чуждая Средневековью, развита Аввакумом с каким-то особенным восторгом, как своего рода открытие, которое давало ему чисто художественное наслаждение и поэтому проводилось часто, развивалось настойчиво» [там же: 306]. Именно поэтому Аввакум не стремится к расположению событий в строго хронологическом порядке, он соблюдает лишь приблизительную последовательность (зачастую это происходит в начале повествования, чтобы читатель мог сопоставить события с русской историей в целом) или вообще располагает эпизоды свободно. При этом часто события располагаются тематически. Настоящее у Аввакума обращено не только к прошлому, но «главным образом, в конечном счете, – к будущему. События, самые обыденные, совершаются “под знаком вечности”» [там же: 310].

Таким образом, «Житие протопопа Аввакума», очевидно не укладываясь в житийный канон, является первой в истории русской литературы развернутой автобиографией, что приближает его к литературе Нового времени. В том числе это касается художественного времени: «субъективность времени, взгляд на прошлое из авторского настоящего, своеобразная перспектива времени, обусловленная появлением индивидуализированной авторской личности. Отдельные приемы введения настоящего в повествование, перестановки событий в рассказе» [там же: 310]. А.И. Солженицын, рассказывая о жизни арестантов, опирается именно на житийную схему, рассказывает об Архипелаге и жизни заключенных от начала и до конца. «Рассказать о туземной жизни Архипелага – кажется, легче и доступней всего. А и труднее вместе. Как о всяком быте, надо рассказать от утра и до следующего утра, от зимы и до зимы, от рождения (приезда в первый лагерь) и до смерти (смерти)» [Солженицын 1991: Т. 6: 130]. Так, «рождение» происходит во время ареста, когда человек «вырванный из тепла постели» [там же: Т 5: 15] попадает в воронку Архипелага. Затем описывается жизнь арестанта полная лишений и мучений на всех этапах лагерной жизни (арест, допрос, следствие, первая камера, этапы, лагеря). Благодаря использованию житийной схемы читателю не приходится догадываться о том, что происходило за пределами повествования: автор ничего не скрывает и рассказывает все от начала до конца. Законы Архипелага тоже описываются метафорой рождения: «Закон-ребенок – Закон мужает – Закон созрел» (ч. 1, гл. 8–10). Потом она перебрасывается в конец книги «Закон сегодня» (ч. 7, гл. 3). На первый взгляд, кажется, что в «Архипелаг ГУЛАГ» рассказывается лишь о тюрьмах и зонах, о системе, их породившей. В действительности, в центре повествования оказывается человек, запертый в тисках этой системы. Описание «анатомии и физиологии» Архипелага-тритона превращается, таким образом, в антропологическое исследование, которому специально посвящена четвертая часть – «Душа и колючая проволока». Столкновение и противостояние человека и системы переносится в глубь души героя, становится постоянным мучительным выбором между добром и злом. В этих пассажах меняется стиль повествования. Это – страстное слово правды, и, конечно, именно здесь напрашивается сравнение с «Житием протопопа Аввакума». Страницы размышлений закрепляют в нашей памяти изложенное, а сохранение исторической памяти – одна из целей художественного исследования, предпринятого автором в «Архипелаг ГУЛАГ». Доносимая до нас правда – это правда всенародная, и прием, которым А.И. Солженицын ее фиксирует, народен.

В основе «Архипелага», как и в житии, лежит биография героев, с которыми был знаком сам автор лично или чья судьба дошла до него в «рассказах, воспоминаниях и письмах» [Солженицын 1991: Т 5: 9]. А.И. Солженицын, за редкими исключениями, не использует эти материалы целиком: «Судьбы всех арестантов, кого я упоминаю в этой книге, я расплыл, подчиняя плану книги – контурам Архипелага» [Солженицын 1991: Т 6: 409]. Таким образом, главной целью автора оказывается желание донести правду, прославить русского человека, который прошел через эти муки, создать нравственный образец для читателя. Именно поэтому А.И. Солженицын, подобно Аввакуму, не стремится к расположению событий в строго хронологическом порядке, а располагает их тематически, что оказывается важнее, но внутри тематических блоков соблюдает хронологию, чтобы читатель мог сопоставить события, проследить изменения. В этой кажущейся свободе расположения эпизодов есть художественная необходимость. Рассказ о собственной жизни тесно переплетается с очень эмоциональными отступлениями. Подобно художнику, который в углу большого полотна ставит свою подпись, автор скромно, пунктиром вписывает в историю неизвестного эка и свою личную: рассказывает историю своего ареста и следствия, пути в лагерь и на каторгу, жизни в ссылке, даже попытки вербовки. Он выходит за пределы Архипелага: вспоминает о юности и фронте, забегает вперед, обращаясь к временам публикации «Одного дня Ивана Денисовича», бесед с большими советскими начальниками, поездки на Беломорканал в начале шестидесятых годов. В целом эти фрагменты (их около тридцати) составляют страниц сто пятьдесят – скромную часть исследования могучего племени эсков.

Однако сюжет отражает не только внешний ряд событий, из которых складывается жизненный путь арестанта (в том числе жизненный путь самого автора), он организован и в связи с центральной идеей произведения. В сюжете «Архипелага» обнаруживается сложное и постоянно повторяющееся пересечение линий «добра» и «зла», «ада» и «рая». Нечеловеческие условия сталинских лагерей не только калечат тело и душу, они не только обучают его подлой науке выживать любой ценой, но и дают ему прочную моральную опору. Это происходит тогда, когда человек осознает и принимает тот факт, что есть «край» – предел, который он не должен перешагивать, переставая быть человеком. Сам Солженицын, например, начисто отвергает уголовную аксиому: «Умри ты сегодня, а я завтра» [Солженицын 1991: Т 5: 109]. Именно с этого момента начинается путь его духовного просветления и возвышения: человек имеет право делать все, чтобы выжить, но только не за счет жизни других, ни в чем не повинных людей. Автор не догадывался, пока сам не прошел все круги ада, насколько он был близок к той пропасти, в которую угодили многие его современники: «Но, как советует народная мудрость: говори на волка, говори и по волку. Это волчье племя – откуда оно в нашем народе взялось? Не нашего оно корня? не нашей крови? Чтобы белыми мантиями праведников не шибко переполаскивать, спросим себя каждый: а повернись моя жизнь иначе – палачом таким не стал бы и я? Это – страшный вопрос, если отвечать на него честно. Думаю, что, если бы во время вербовки в училища НКВД очень крепко нажали, – сломили бы и нас всех (студентов Ростовского университета). И вот я хочу вообразить: если бы к войне я был бы уже с кубарями в голубых петлицах – что б из меня вышло? Можно, конечно, теперь себя обласкивать, что мое ретивое бы не стерпело, я бы там возражал, хлопнул дверью. Но лежа на тюремных нарах, стал я как-то переглядывать свой действительный офицерский путь – и ужаснулся» [Солженицын 1991: Т 5: 119]. Автор вспомнил, что был несправедливо строг к своим солдатам, что в первую очередь его заботили собственные удобства и безопасность; он требовал укладывать самые толстые бревна на свой блиндаж и считал естественным свое превосходство над рядовыми, поскольку на его погонах красовались капитанские звезды. Вспомнились ему и многие другие грехи.

Мучения, через которые проходит герой-зэк ведет его (конечно, если он «жив остался») к возрождению, возвышению и даже воскресению. Трагедия миллионов есть переживание катарсиса. Высмеивая вопли людей, считавших только свой арест несправедливым, а всех остальных сидящими «за дело», Солженицын обнаруживает в мире ГУЛАГа «чувство всеобщей правоты <...> ощущение народного испытания» [Солженицын 1991: Т 6: 381]. В этой перспективе путь неизвестного зэка по подвижной невидимой линии, по лезвию ножа становится не растлением («Растлеваются в лагере те, кто уже и на воле растлевался или был к тому подготовлен» [Солженицын 1991: Т 6: 386]), а восхождением: «Сыпятся камни из-под наших ног. Вниз, в прошлое. Это прах прошлого. Мы поднимаемся <...> И еще разобраться надо – что радость, а что горе. Правило жизни твое теперь такое: не радуйся, нашедши, не плачь, потеряв. Душа твоя, сухая прежде, от страдания сочаёт. Хотя бы не ближних, по-христиански, но близких ты теперь научаешься любить» [Солженицын 1991: Т 6: 381].

Временная перспектива в «Архипелаге», свойственная мемуарам, соотносится с особенностями времени в «Житии» Аввакума. Солженицын, как и Аввакум, ведет повествование из своего настоящего, при этом постоянно соотносит случившееся с ним тогда с настоящим, анализирует прошлое для понимания настоящего. Автор сравнивает самого себя в прошлом и настоящем, проводит параллель и выражает свою оценку действиям, которые были совершены в прошлом: «Все эти мысли о том, что надо стать каменным, еще были совершенно неизвестны мне тогда» [Солженицын 1991: Т 6: 122]. «Он, сержант, хотел, чтобы я, офицер, взял и нес чемодан? <...> Я – офицер. Пусть несет немец! <...> И я даже не чувствовал за то укора! И если б сосед мой <...> упрекнул бы меня сейчас яснейшим русским языком за то, что я унизил честь арестанта, обратясь за помощью к конвою, что я возношу себя над другими, что я надменен, – я не понял бы его! Я просто не понял бы – о чём он говорит? Ведь я же – офицер!..» [Солженицын 1991: Т 6: 151]; «Но лежа

на тюремных нарах, стал я как-то переглядывать свой действительный офицерский путь – и ужаснулся» [Солженицын 1991: Т 6: 152]. Эта точка зрения на прошлое из настоящего, развитая Аввакумом, позволила Солженицыну вести как диалог с читателем, так и с самим собой в прошлом, оценивать свои же поступки с точки зрения настоящего. В «Житии» Аввакума рассказывается о реальном плавании на дощанике, на карбасе. Это ассоциируется с церковно-библейским символом корабля [Лихачев 1979: 349].

А.И. Солженицын наследует метафоричность и житийные образы-символы. Метафорой является уже само название книги. В авторской системе координат образ страны, «географией разодранной в архипелаг, но психологией скованной в континент» [Солженицын 1991: Т 5: 6], несет двоякий метафорический смысл: реальный (географический) и философско-психологический. Это и система лагерей, архипелагом раскинувшихся по огромной территории, и система духовного подавления, имеющая античеловеческую, антихристианскую сущность. Метафора несет в «Архипелаге» не только изобразительную, но и композиционную нагрузку. Названия глав тоже представляют собой метафоры: «Корабли Архипелага», «Порты Архипелага», «С острова на остров», «Архипелаг дает метастазы» и т.п. Сначала предъявлена и обоснована ключевая географическая метафора заглавия, ставшая уже фразеологизмом, фактом русского языка: «А Колыма была – самый крупный и знаменитый остров, полюс лютости этой удивительной страны ГУЛАГ, географией разодранной в архипелаг, но психологией скованной в континент, – почти невидимой, почти неосязаемой страны, которую и населял народ эков. Архипелаг этот чересполосицей иссек и испестрил другую, включающую страну, он врезался в ее города, навис над ее улицами – и все ж иные совсем не догадывались, очень многие слышали что-то смутно, только побывавшие знали все» [Солженицын 1991: Т 5: 6].

Образ всплывающих из революционной пучины островов Архипелага ведет к образу-символу корабля. «Корабли Архипелага» (вагоны для заключенных, машины-воронки) тянут за собой «порты Архипелага» (пересыльные тюрьмы и пункты), из которых «с острова на остров» следуют «караваны невольников». Все главы второй части объединены сквозными образами-символами. В этом видении море – жизнь, корабль – судьба человека. За всяким событием Солженицын видит символический, метафизический смысл, и это тоже сближает его с древнерусским агиографом. Аввакум, как «крайний консерватор по убеждениям, <...> был явным представителем нового времени». Он использует старую житийную форму, наполняя ее новым содержанием: описывает собственную жизнь, «прославляет» собственную личность [Лихачев 1979: 354–355]. На наш взгляд, А.И. Солженицын использует неканонический образец жития. Как Аввакум выступает новатором, выходя за рамки житийного канона, так и Солженицын стоит у истоков лагерной прозы, опираясь на многовековую традицию древнерусской литературы. А.И. Солженицын наследует у Аввакума не только принципы работы с материалом, но и необузданный нрав, который позволяет не бояться говорить правду. Солженицын, как и Аввакум, становится яркой и важной исторической фигурой своего времени, стойким и удивительным человеком, который в силах изменить мир. Удивительно сходными оказываются даже способы воздействия Аввакума и Солженицына на современников: письма Аввакума передаются потаенными путями из далекого Пустозерска, произведения Солженицына – из не менее отдаленной от Советского Союза Западной Европы. Оба используют свой несомненный писательский талант для отстаивания собственной этической и идеологической позиции. Естественным становится и полемическая острота сочинений Аввакума и Солженицына. Так, сочинения Аввакума долгое время воспринимались официальной властью как творения еретика, а гонимыми старообрядцами – как святого, деяния которого достойны подражания. Произведения Солженицына критика воспринимала через призму их идейного содержания. В прозе писателя искали, прежде всего, идею и лишь затем обращали внимание на высокую художественность. Отсюда и отказ в художественной ценности «Архипелагу», сомнения в ранних произведениях. Но для Солженицына, как и для мятежного протопопа, стало важным сделать простого читателя своим соратником, единомышленником.

Отметим, что Аввакум в XVII в., равно как и Солженицын в веке двадцатом, воспринимают свое время как эсхатологическое, когда нарастает ощущение неминуемой катастрофы вселенского масштаба. Именно в этих условиях необходимо донести правду до всего народа. Аввакум рассказывает о своей жизни не по своей воле, а под влиянием высшей необходимости. Солженицын, в свою очередь, не воспринимает «Архипелаг ГУЛАГ» как свое личное произведение, для него это «общий дружный памятник всем замученным и убитым». «Архипелаг» – особая миссия, выполнение долга перед всеми погибшими в лагерях, не случайно, что «соавторами» Солженицына стали 227 заключенных. Главный идеолог русского старообрядчества Аввакум описал свои злоключения по требованию духовного отца как наставление для всех колеблющихся.

Заключение

Таким образом, как главное сочинение Аввакума стало своеобразным вызовом времени, а сама личность опального протопопа исключительной, так и «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына не укладывается ни в одну жанровую схему. Творчество обоих писателей противоречиво и часто колеблется между традицией и новаторством. Главное, несмотря на временную дистанцию, при всей очевидной на первый взгляд несходности советского писателя А.И. Солженицына и опального протопопа Аввакума, именно они становятся наиболее близкими в русской литературе и культуре XVII–XX вв.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Книга, 1979. 531 с.
2. Глаткова О.В. Житие // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 269 с.
3. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н.С. Демковой. М.: Азбука, 2012. 380 с.
4. Интервью А.И. Солженицына с Хилтоном Крамером, критиком «Нью-Йорк Таймс» в связи с выходом английского перевода книги «Бодался теленок с дубом» [Электронный ресурс] URL: https://www.mnogobook.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/53349.htm (дата обращения: 23.03.2022).
5. Лихачев Д.С. Великое наследие. М.: Современник, 1979. 412 с.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Изд-во «Художественная литература», 1967. 372 с.
7. Маркштайн Э. О повествовательной структуре «Архипелага ГУЛАГ» // Филологические записки. 1993. № 1. С. 91–101.
8. Олейник В.Т. Жанровая специфика «Архипелага ГУЛАГ» // Литературоведческий журнал. 2018. № 43. С. 5–39.
9. Солженицын А.И. Малое собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Архипелаг Гулаг. I–II. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 432 с.
10. Солженицын А.И. Малое собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Архипелаг Гулаг. III–IV. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 432 с.
11. Солженицын А.И. Малое собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. Архипелаг Гулаг. V–VII. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 384 с.
12. Телеинтервью А.И. Солженицына на литературные темы с Н.А. Струве Париж, март 1976 // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2018. № 8. С. 11–28.
13. Урманов А.В. Поэтика прозы Александра Солженицына. М.: Прометей, 2000. 231 с.
14. Шунков А.В. Житийные традиции в рассказе А.И. Солженицына «Матрёнин двор» // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 2. С. 22–25.

References

1. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Kniga, 1979, 531 p. (In russ.).
2. Glatkova O.V. Zhitie [life]. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii*. Moscow, Intelvak, 2001, 269 p. (In russ.).

3. Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniia [The life of Archpriest Avvakum, written by himself, and his other writings]. Moscow, Azbuka, 2012, 380 p. (In russ.).
4. Interv'iu A.I. Solzhenitsyna s Khiltonom Kramerom, kritikom «N'iu-Iork Taims» v sviazi s vykhodom angliiskogo perevoda knigi «Bodalsia telenok s dubom» [Interview with A.I. Solzhenitsyn with Hilton Kramer, critic of The New York Times, in connection with the release of the English translation of the book "A Calf Butted an Oak"] (In russ.). Available at: https://www.mnogobook.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/53349.htm (accessed: 23.03.2022).
5. Likhachev D.S. Velikoe nasledie [Great Legacy]. Moscow, Sovremennik, 1979, 412 p. (In russ.).
6. Likhachev D.S. Poetika drevnerusskoi literatury [Poetics of Old Russian Literature]. Leningrad, Izd-vo «Khudozhestvennaia literatura», 1967, 372 p. (In russ.).
7. Markshtain E. O povestvovatel'noi strukture «Arkhipelaga GULAG» [n the narrative structure of The Gulag Archipelago]. *Filologicheskie zapiski*. 1993, no. 1, pp. 91-101. (In russ.).
8. Oleinik V.T. Zhanrovaia spetsifika «Arkhipelaga GULAG» [Genre specifics of the Gulag Archipelago]. *Literaturovedcheskii zhurnal*. 2018, no. 43, pp. 5-39. (In russ.).
9. Solzhenitsyn A.I. Maloe sobranie sochinenii [Small collected works]. Moscow, INKOM NV, vol. 5, 1991, 432 p. (In russ.).
10. Solzhenitsyn A.I. Maloe sobranie sochinenii [Small collected works]. Moscow, INKOM NV, vol. 6, 1991. 432 p. (In russ.).
11. Solzhenitsyn A.I. Maloe sobranie sochinenii [Small collected works]. Moscow, INKOM NV, vol. 7, 1991. 384 p. (In russ.).
12. Teleinterv'iu A.I. Solzhenitsyna na literaturnye temy s N.A. Struve Parizh [TV interview with A.I. Solzhenitsyn on literary topics with N.A. Struve Paris]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. 2018, no. 8, pp. 11-28. (In russ.).
13. Urmanov A.V. Poetika prozy Aleksandra Solzhenitsyna [Poetics of Alexander Solzhenitsyn's prose]. Moscow, Prometei, 2000, 231 p. (In russ.).
14. Shunkov A.V. Zhitiinye traditsii v rasskaze A.I. Solzhenitsyna «Matrenin dvor» [Life traditions in the story of A.I. Solzhenitsyn "Matryonin Dvor"]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. 2011, no. 2, pp. 22-25. (In russ.).

Информация об авторах

Л.В. Серебрякова – кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
А.Ю. Zubova – магистрант,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the authors

L.V. Serebryakova – Ph.D. (Philology), Associate Professor,
Perm State Humanitarian Pedagogical University;
A.Yu. Zubova – Master's student,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 25.03.2022.

The article was submitted 08.02.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 25.03.2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Суслов А.Б. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ	7
Константинов Г.Е. СМЕНА ПАРАДИГМЫ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В 1920-Е – 1940-Е ГГ.....	22
Бойко О.О. ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ ЛИБЕРАЛОВ ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	31
Костев А.С. ФРИДРИХ II ПРУССКИЙ И ПАВЕЛ I: ПАРАЛЛЕЛИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	41
ФИЛОЛОГИЯ	49
Карзенкова Е.П., Карпова Т.Б. РЕЧЕТВОРЧЕСТВО В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ЭРГОНИМЫ ПЕРМИ	49
Гадиева Г.И. «МОИ КНИГИ РАЗВЛЕКАЮТ, ПРОСВЕЩАЮТ И ПРОВОЦИРУЮТ»: ТВОРЧЕСТВО ДЭНА СИММОНСА	60
Палийчук Д.А. КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	72
Исаева Е.В. СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА АВТОМАТИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА: СТРУКТУРИРОВАНИЕ, КОРРЕКТУРА, УПРАВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКАМИ	80
Ребель Г.М. «НО ДА ЗДРАВСТВУЕТ БРАТСТВО!» НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС У ДОСТОЕВСКОГО	95
Серебрякова Л.В., Зубова А.Ю. ЖИТИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ В «АРХИПЕЛАГЕ ГУЛАГ»: СОЛЖЕНИЦЫН И ПРОТОПОП АВВАКУМ.....	109

CONTENTS

HISTORY	7
Suslov A.B. FOREIGN POLICY OF CONTEMPORARY RUSSIA IN HISTORY TEXTBOOKS FOR SCHOOLSTUDENTS	7
Konstantinov G.E. CHANGES OF SOVIET PROPAGANDA PARADIGM AND ITS REFLECTIONS IN PERIODICAL PRESS IN THE 1920S – 1940S.....	22
Boyko O.O. INNER-PARTY DISAGREEMENTS OF LIBERALS ON THE FOREIGN POLICY OF GREAT BRITAIN IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES	31
Kostev A.S. FREDERICK II OF PRUSSIA AND PAUL I: PARALLELS OF LIFE AND WORK.....	41
PHILOLOGY	49
Karzenkova E.P. , Karpova T.B. SPEECH CREATION IN THE ONOMASTIC SPACE OF A MODERN CITY: ERGONYMS OF PERM.....	49
Gadieva G.I. «MY BOOKS ENTERTAIN, ENLIGHTEN AND PROVOKE»: DAN SIMMONS' WORKS	60
Palytchuk D.A. CORPUS TECHNOLOGIES IN LINGUISTIC RESEARCH	72
Isaeva E.V. MODERN MEANS OF ACADEMIC WRITING AUTOMATION: STRUCTURING, PROOFREADING, REFERENCE MANAGEMENT	80
Rebel G.M. «BUT LONG LIVE THE BROTHERHOOD!»: DOSTOEVSKY'S NATIONAL QUESTION.....	95
Serebryakova L.V., Zubova A.Yu. HAGIOGRAPHIC TRADITION IN THE «GULAG ARCHIPELAGO»: SOLZHENITSYN AND PROTOPOP AVVAKUM.....	109

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2022. № 6

Ответственный редактор выпуска
Шустова Светлана Викторовна

Ответственный секретарь выпуска
Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена
внештатным сотрудником
Л.Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 12.07.2022.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215–18–52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru